

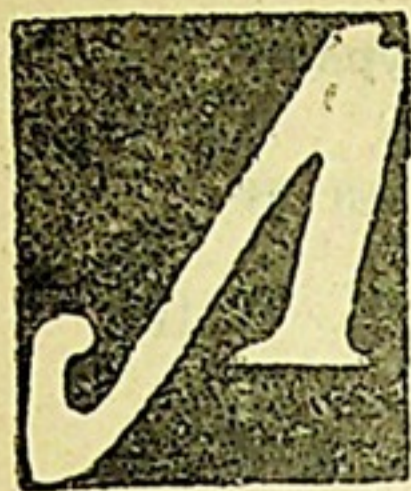
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1992

10.3357
1992/3

11-12

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1992

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

К 100-летию со дня рождения Галактиона Табидзе

ШОТА НИШНИАНИДЗЕ. Легенда. Перевод
Владимира Сарисвили 3

ЭДУАРД ШЕВАРДНАДЗЕ. Вечная поэзия 4

МАМУКА ДОЛИДЗЕ. Рассказы. Переводы
Ларисы Стручковой-Чахелидзе
и Алины Вишневой 7

МЕДЕЯ КАХИДЗЕ. Стихи. Перевод Татья-
ны Бек 35

КЭТИ НИЖАРАДЗЕ. Рассказы. Перевод Ди-
нары Кондахсазовой 37

ВИЛЬЯМ ХАЦКЕВИЧ. Рассказы 57

САНДРО МЕИПАРИАНИ. «Бутов туманов».
Ориентальная драма 71

ОЛЬГА БЕЛОУСОВА. Стихи 86

11-12

Издательство «Самшобло», Тбилиси
Журнал выходит с июня 1957 года

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
ГУРАМ БЕНАШВИЛИ. Мэтр литературного мышления	90
РОКСАНА АХВЕРДЯН. «Мы — братья по Адаму»	96
ФЕЛИКС БАХЧИНЯН. Исповедь поэта	105

ПОЛЕМИКА

РОИН МЕТРЕВЕЛИ, НУКРИ ШОШИАШВИЛИ. Очередной наскок на историю Грузии	111
---	-----

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ. Демон и миф. Статьи. Перевод с немецкого Сергея Окропиридзе	124
---	-----

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

НАНА КАНДЕЛАКИ. В те далекие годы... Перевод Маки Имнадзе	165
---	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

РЭМОН ДЮГЕ. Москва и страстотерпство Грузии. Перевод с французского Мэни Бакрадзе и Ирины Зурабашвили	193
--	-----

СПОРТ

АРСЕН ЕРЕМЯН. Возвращение Фишера	213
---	-----

ХРОНИКА	221
----------------	-----

Содержание журнала «Литературная Грузия» за 1992 г.	222
--	-----

Шота НИШНИАНИДЗЕ

Легенда

Однажды трое ангелов, на облаке летя,
Подумали: «А что бы нам послать на свет дитя?
Чтоб счастье мира целого и беды всей земли
В одной душе — его душе — вместиться бы могли;
Чтобы судьбу он всякий день благодарил и клял...»
И белый ангел произнес: «Пусть будет ростом мал,
Косноязычен и горбат, но сказочно богат».
«Нет, — красный ангел говорит, — меня послушай,
брат,
Пусть будет нищим он, зато красавцем хоть куда,
И пусть не обольстит его напрасная мечта».
Но ангел черный черный свой выносит приговор:
«Хотите кары для него? Так пусть небес простор
Его величья не вместит, пусть будет знаменит,
Но — пусть он будет Грузии пиит».

Риони пеной обливал, рыча, пологий склон.
Родился в Чквиши в эту ночь поэт Галактион.

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

საქართველოს
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

142.874

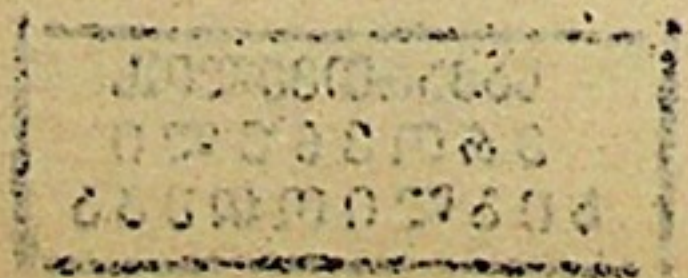
ВЕЧНАЯ ПОЭЗИЯ

Сегодня, когда Грузия переживает тяжелые времена, когда идет война и люди терпят беды и лишения, мы с особым воодушевлением отмечаем столетие со дня рождения Галактиона Табидзе, ибо Галактион остается поэтом тех парней, что защищают Грузию, тех стариков, что мерзнут и нуждаются, тех юнцов, что еще не родились, но родятся, вырастут и построят новую Грузию.

Именно поэтому, как бы нам ни было тяжело, мы должны воздать должное великому поэту, оставившему потомкам драматическую историю грузинского духа, вечную поэзию, и сегодня отвечающую нашим болям, нашему стремлению к прекрасному, возвышенному, человеческому. Отношение моего поколения к Галактиону Табидзе носило поначалу хрестоматийный характер, для нас и лично для меня он был, в основном, певцом революции, богемной личностью, довольно неустроенной в жизни.

Но Галактион не был ни тем, ни другим. Мы видели его таким потому, что наше поле зрения было ограничено, по-другому видеть мы не могли. Годы спустя я убедился, что он был неизвестен нам не только тогда, — мы и сегодня почти не знаем его, ибо он всегда отвечает времени, а мы в состоянии увидеть лишь то, что позволяют нам наше время и знания, наши способности и интуиция.

Мы выросли на хрестоматийных стихах Галактиона Табидзе, мы знаем их наизусть, но нам никто не говорил о таких его стихотворениях, как «Одноглазый слепой» или «Раскололась надвое красная скала». Мы в нашей молодости даже не знали о них, потому что искали и вычитывали в творчестве поэта лишь то, что нам диктовали, лишь то, в чем нас упражняли.

Раньше я как-то не обращал внимания, что еще в 20-е годы Галактион сказал о XX веке — «Это век-мефистофель», или о нашей стране — «родина черного Люцифера», где никогда не было Назаретянина. Десять лет назад в связи с 90-летием Галактиона я писал: «Галактион в жизни был истинным революционером. Будучи певцом и знаменосцем революции, он и в самой поэзии совершил революцию. Революционер в жизни, революционер в поэзии, революция была его стихией. Такая вот гигантская фигура — Галактион».

Я и сегодня придерживаюсь этой мысли с одним лишь дополнением: Галактион увидел в революции и то, что, к сожалению, сопутствует всякой революции, — кровь, слезы, боль. Он почувствовал ее трагизм и провидел ее трагический исход, который со всей беспощадностью ощутила на себе не только его страна, но и он сам.

Гении в отличие от обыкновенных людей более полно и глубоко воспринимают явления. Плоть своей они — пленники сиюминутности, душой же — собеседники вечности, а нам, простым смертным, дано услышать лишь эхо этой беседы. Но требуется большой талант, чтобы услышать это эхо, и острый глаз, чтобы поймать отражение божественного луча. Большая поэзия создается вместе с большим читателем.

Постольку мы как читатели — в долгу перед Галактионом. Но не только перед ним. Мы в долгу перед грузинской литературой, грузинским искусством, ибо фактически история грузинской литературы и искусства с ее глубинными пластами, беспристрастными оценками, выявлением ближних или дальних связей с традициями как собственной, так и мировой культуры, должна быть переосмыслена. Говоря о новом осмыслении, беспристрастных оценках, я имею в виду глубокий процесс основательного научного исследования, проникновения в души творцов — наших современников и их предшественников; для установления истины и восстановления справедливости необходимы чуткая душа и высочайшее чувство национальной ответственности. Сохрани нас Боже от новых «кампаний» и «битв»! К храму истины нас приведет лишь истинная наука.

Так что, может быть, именно Галактион, его столетний юбилей подтолкнет нас к этому — увидим действительность такой, какая она есть.

А наша действительность сложна, многолика, противоречива. Пришел час очищения от грехов для нашей страны. Доброта, любовь, человечность — эти черты, свойственные гру-

зину испокон веков, вновь утвердятся в сознании нашего народа. Но путь к очищению связан с преодолением многих трудностей. Муки — удел идущих к свету. Сегодня, в году испытаний для нашей родины и народа, от нас требуется долготерпение, достойное преодоление трудностей.

В 1925 году Галактион в отчаянии задавался вопросом: «Как мы сможем жить без Богоматери?». Это был роковой вопрос, на который наша страна, удел Богоматери, дала ответ кровью и мольбой. Мы убедились: жизнь невозможна без Богоматери, без Назаретянина, без любви.

Грузия сегодня возвращается к самой себе.

И великий Галактион, как всегда, пребывает с нею.

Рассказы

БЕЗЫМЯННЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Однажды на улице мне встретился прохожий, чье лицо показалось мне знакомым. Бывают же такие люди, увидев которых, ужасно хочется с ними поздороваться. Так и в тот день: я был так заворожен его приятным лицом, на котором матерчатыми пуговками сидели мягкие, бархатистые глаза, что у меня возникло желание подойти и поздороваться. Я совершенно точно уже где-то видел его. Впрочем, не знаю, явилось ли это ощущение следствием злой шутки, которую сыграла со мною память, или виной всему было обаяние его кукольной красоты. Где-то в глубинах прошлого, где царили свет и простор, стоял этот красиво одетый мужчина и терпеливо ждал, когда же я, наконец, вспомню, выловлю его позабытое имя.

Быть может, это кто-нибудь из друзей детства?

Или какой-нибудь любопытный сосед, чей неотступный и неуловимый взгляд я постоянно чувствовал на себе?

Или какой-то совсем уж дальний родственник, из тех, что объявляются только на похоронах?

А может быть, это просто-напросто мой коллега, один из множества безликих и неприметных сотрудников, которые, словно муравьи, суетятся в стенах нашего института?

Короче говоря, кем бы ни оказался этот держащийся с достоинством, со вкусом одетый мужчина, бы-

до ясно, что он невидимыми нитями связан с моим прошлым и что я должен с ним поздороваться; тем более, что он настойчиво смотрел на меня, по-видимому, догадываясь об охвативших меня сомнениях на его счет. Должно быть, догадался он и о том, что я вообще человек слабый, нерешительный и раздираемый сомнениями. Видимо, он даже пожалел меня, потому что улыбнулся, шагнул навстречу и пожал мне руку.

— Ну, как ты? Куда пропал? — таким свободным и свойским тоном спросил он, словно был моим ближайшим другом.

— Да так, живу помаленьку, — с той же дружеской простотой отвечал я. — Работа, семья...

— Ты все там же? — не поняв, о чем он меня спрашивает, я ограничился многозначительным утвердительным кивком.

Незнакомец умолк. Я почувствовал в нем какую-то сдержанность. Он словно перегорел от разговора, взор его погас, однако эта передышка оказалась намеренной, ибо он уже исчерпал общие вопросы и теперь ожидал вопроса от меня.

— А сами-то вы как? — прервал я паузу.

— Ничего.

— Защитился?

— Сдал уже.

Тут он улыбнулся, как бы давая мне понять — дескать, и сам знаю, что все это чепуха, но никуда не денешься: надо. От этого интимного, безмолвного и явного признания я еще больше осмелел, хотя незнание его имени ужасно меня сковывало, вынуждая подбирать такие фразы, которые были бы одновременно и общими, и тепло-дружескими.

— А как жена, дети?

Вместо ответа незнакомец сочувственно улыбнулся. Я понял, что сморозил что-то не то, и разом потерял нить беседы.

— Погода нынче неважная, — перевел он разговор, стремясь вывести меня из неловкого положения, но от такой поддержки я совсем растерялся и окончательно потерял интерес к общению.

— Да-а-а...

— Ребят встречаешь? — последовал новый удар.

По правде говоря, я представления не имел, о ка-

ких ребятах идет речь. В памяти по очереди всплывали бледные тени одноклассников и еще более расплывчатые — друзей детства, но ни один из них не привлек моего внимания... А между тем у него было такое знакомое лицо, будто я расстался с ним минуту назад. Лицо это имело какое-то отношение к светлому пространству, так же, как и эта вымученная улыбка, любезные манеры, модная сорочка, перекинута через руку куртка...

— Кого тут встретишь, все разъехались кто куда...

— Верно, верно, — слабо закивал он. — Куда летом собираешься?

— Не решил пока.

— Все стало проблемой, — с фальшивым огорчением вздохнул он и вдруг опять замер с потухшим взором, будто перегоревшая электронная кукла, однако на этот раз быстро пришел в себя и улыбнулся.

— Выпиваешь?

— Какое там — сердце, почки...

— Куришь?

— Так, немножко.

— Дай закурить, если есть...

Он взял у меня сигарету, прикурил, но не затянулся, а лишь пустил дым, и продолжал:

— Надо следить за собой, пить мало, есть тоже, тогда и жизнь у тебя наладится. Однако я хорош — тебя учу уму-разуму, а сам вчера надрался так, что не помню, где был и у кого ночевал.

И принялся рассказывать, как он надрался, где был и у кого ночевал. Меня прошиб холодный пот, я был в бешенстве; покорно слушая его, я сгорал от желания вцепиться ему в горло, и при этом в душе я смеялся над самим собой, над этим бессмысленным, идиотским положением, когда мечтаешь убежать — и не двигаешься с места.

— А когда в отпуск?

— Позвони как-нибудь.

— Надо бы посидеть за столом.

— Да я занят все время.

— Жизнь труднее стала.

— А чего бы ты хотел?

— Ничего не поделаешь.

— Не пропадай.
— Привет вашим.

Мы оживленно перебрасывались подобными репликами, когда вдруг из магазина тканей на улицу высыпали продавщицы. При виде их мой знакомец побледнел. Забыв об учтивости и требованиях этикета, он прервал беседу и покинул меня такой легкой, воздушной походкой, что, казалось, на улице танцует пустой костюм.

— Держи его! — завопили преследователи, преграждая беглецу путь.

Не успел я опомниться, как его схватили, с бранью и угрозами заставили вернуться, огромный товаровед дал ему пинка и втолкнул в магазин.

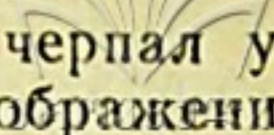
Господи, где же я видел этого человека? Где? Разозлившись теперь на собственную забывчивость, я принялся рыться в воспоминаниях. Как бы не так! Ни забыть, ни вспомнить! Его мягкая, вымученная улыбка не оставляла меня, раздражая все больше и больше; где же я видел ее, где? — вопрошал я себя, слепо прохаживаясь перед магазином по тротуару, где всю снуювал народ, когда просторная и светлая витрина привлекла мое внимание. Я пригляделся — и от неожиданности окаменел на месте! Передо мной, в рекламной витрине готовой одежды, среди манекенов, изящно одетый, с приглаженными волосами, склонившись в любезном поклоне, с курткой, переброшенной через руку, с приятной улыбкой, застывшей на лице, стоял мой безымянный знакомый!

СЛОВО

Среди вас распространено мнение, будто на Луне нет жизни. Это заблуждение. Не могу сказать точно, когда именно я переселился на Луну и стал жителем этой тоскливой мертвой планеты. Впрочем, должен признаться, что однообразие Луны — всего лишь видимость. Это сделалось ясным в то самое утро, когда я прилетел туда и прекрасная дочь неба с первого взгляда внушила мне любовь к ней. Поселился я на склоне

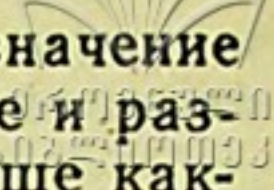
одного из кратеров, недалеко от реки. Американцы побывали здесь, однако из иллюминатора своего корабля не разглядели молчаливую вершину, со скорбью вззирающую на ножны исчезнувшей реки. Пустота, как выяснилось, была кажущейся! Когда я немного осмотрелся, костяк планеты облекся плотью, черты ожили и обрели краски. Русло реки дало путь потоку. Вулкан принялся изрыгать пламя, вследствие чего впадина, где я поселился, покрылась золотым пеплом. А Земля! Она кружилась вдалеке, на балу звезд, посреди вечной ночи, в одной сорочке неба! Мечта сбылась! Сколько пота пришлось мне пролить, на какие вершины взобраться, прежде чем я открыл красоту этой скрытной, сдержанной планеты! Слово муравей, я тащил свой гигантский скафандр все выше и выше, причем тяжесть создавала мне меньше неудобств, нежели невесомость. В каждой точке Луны каждую секунду изменяется освещение, что, однако, не оставляет впечатления хаоса и беспорядочности. На Луне все находится в состоянии кипения и течения — ничего законченного и мертвого. Сама душа твоя распадается, устремляется куда-то, и ты чувствуешь, как умирает время, как останавливается ночь, ибо теряется стержень, вокруг которого движется стрелка часов. Поэтому на Луне царит мгновение. Ни воспоминаний, ни ожидания! Прошлое, настоящее и будущее — едины и нераздельны. Весь мир — это один вздох! Какая красота! Глаз не оторвать! Разноцветные потоки радуг летают над безднами, волны дымятся до самых небес, тысяча ложных солнц смеются игрой лучей в застывшем пространстве, а настоящее солнце плетет паутину для комет, и при этом стоит черная ночь.

Интересно, сколько сейчас времени? Быть может, пролетел уже целый век? Быть может, мгновение остановилось? С того момента, как я оторвался от Земли, я помню только ужасный грохот, после грохота — толчок, и вследствие толчка — беспредельное внутреннее напряжение, источником которого было сознание, мощная и острая мысль, из силы духовной превратившаяся в силу физическую, и давление ее расплющило меня... Малюсенькие, застывшие было печальные мысли оттаяли, и мысль потекла снова. Где был ее исток? В этих беспокойных днях? Само подобное преодоление переживания, вещественная оболочка такого положения

являлись своеобразным началом, откуда я черпал ускорение. Вокруг меня создалось поле воображения, снизу волнами шло излучение остаточного страха и ожидания, которое вызывало движение мысли, одновременно смягчая и шлифуя грани того, что жемчужиной лежало в раковине сознания, и внезапно корабль изрыгнул огонь, пробил невидимую оболочку притяжения, и я лишился собственной тяжести. В мгновение ока уменьшилось и стало словно игрушечным то, что еще секунду назад казалось мне огромным и неизбежным. Произросшие из повседневности тревога и печаль отдалились от меня вместе с голубым телом Земли. Я ощутил необычайную легкость, радость и свободу от плена, осталось лишь самозабвение, и теперь я искал слово, которое сумело бы создать из этого самозабвения мир. А корабль тем временем на полном ходу преодолевал время и пространство. Солнце не успевало перекатиться по небу от края до края, и я, совершая свой полет со скоростью быстрее мысли, все время находился на грани дня и ночи, на том последнем пределе сумерек, когда вот-вот должен исчезнуть побежденный темнотою свет.

Не могу точно сказать, когда я достиг Луны. Не потому, что время остановило свой бег или мне изменила память, но потому, что посадка на Луну произошла не сразу. Корабль незаметно оказался в поле притяжения, лунный рельеф, его сущность понемногу проникли в мое воображение. Мрак постепенно отступал, сначала робкими штрихами, а затем чадра разом была сорвана с прекрасного лица. Вы когда-нибудь попадали под звездный дождь? Когда в небо врывается рой светлячков и следы их чертят в небесном поле неведомые строки. У меня чуть голова не треснула! Корабль сгорел почти целиком, уменьшился и стал размером с карандаш. Так мне и надо. Чужало мое сердце, что этот перелет добром не кончится; однако то, что вам может показаться бедой, на самом деле оказалось счастьем. Ведь это же счастье, когда более мудрая и более могущественная, чем ты сам, сила овладевает всем твоим существом и мчит тебя куда-то, в свои владения. Быть может, корни этой силы гнездятся в твоём сердце? Быть может, она так глубоко спала в тебе, спала так безмятежно, что даже дыхания ее не было слышно? Вообще,

какое значение имеют рок или удача? Какое значение имеют выражения? Когда вращаешься на орбите и разглядываешь Землю из иллюминатора корабля, еще как-то пытаешься облечь в слова свои переживания, так как все же надеешься вернуться назад, однако, если круг разорван, а поле притяжения преодолено, ты достигаешь таких вершин, проникаешь в такие глубины смысла, что становятся бессильными и слова, и воображение. Самое ясное слово потонет во мраке собственной глубины! Тогда сознание твое проясняется, туман развеивается и мысль рисует башню мечты. Я огородил башню стеблями осоки, обильно росшей на камнях. Правда, на всей планете никого, кроме меня, не было, но, куда бы ни забросил тебя случай, следует повсюду отдавать дань обычаю. Если с самого начала не обозначить собственных границ, не взять что-либо за начало, то распространиться, преодолеть рубежи будет просто невозможно. Наличие границы есть залог ее нарушения. Поэтому-то я и расставил, словно восклицательные знаки, стебли осоки вокруг башни. Как же мне стало уютно! Маленькое прибежище в беспредельном пространстве! Не забыл я поставить и пугало. Все барахло, вся рухлядь, все старье, давившее мне на сердце, я повесил на него, так что восклицательный знак, согнувшись, превратился в вопросительный...

Когда я заканчивал трудиться над крышей башни, то заметил среди черепицы какой-то маленький продолговатый предмет. Я взял его и осторожно протер тряпкой. Освобожденный от космической пыли, предмет оказался не чем иным, как моей любимой авторучкой! Я был вне себя от радости! Я с величайшей осторожностью, граничившей с благоговением, перенес ее на стол, развинтил на части, почистил каждую в отдельности и собрал снова. Я прикрепил к ней мушку, приделал дуло и привязал приклад. Получилось отличное ружье! И только я собрался было написать слово, как вырвавшийся из самой преисподней крик потряс всю округу.

Изгнанный за дверь ветер завывал над самым пугалом. В клубах пыли виднелся незнакомый силуэт. Незванный ветер нес его зов совсем с другой стороны. Мое сознание все еще уносилось в совершенно ином направлении, однако голос постепенно приводил меня

в чувство; слепо, бесстрашно проникал он сквозь стены безмолвия, гудел, отскакивал, гнал прочь мои мысли.

— Мамука! — слышалось уже более отчетливо. Делать было нечего, пришлось отложить ручку-ружье и встать из-за письменного стола.

Главная заповедь альпинистов состоит в том, что не следует смотреть вниз. Я так тщательно облачился в скафандр, так тщательно вооружился и так тщательно приладил к спине кислородную подушку, что уже не обращал внимания ни на какие крики. Я вновь собрал обрывки мыслей, преодолел соблазн и не ответил на призыв; однако медлить было опасно: если изнутри мне ничто не угрожало, то меня могли подстеречь снаружи. Поэтому, как только я настроился, я тут же покинул родные пределы и отправился на поиски слова. Ветер утих. Пошел снег. Многоочия хлопьев придавали вечной ночи непостижимость и таинственную глубину... Великолепная погода для охоты. Серебристый снег отчетливо хранил все следы. Я единым духом одолел склон и проник в ущелье. Пошел вверх по реке, к истокам. Там, где из расселины ледника рождался водопад, я рассчитывал вернее найти искомое. Правда, следы были и здесь, но сердце говорило мне, что тут я имею дело с мелкой и незначительной добычей. Я должен был взбираться все выше и выше, в недоступные глазу, заповедные места, дабы изловить слово живым.

А снег все валил и валил. Голубело небесное поле. Видимость вокруг исчезла. Я ощущал подъем лишь по тому, что приходилось с усилием переставлять ноги. И вдруг открылся исток! В околдованном морозом, окаменевшем, соединенном со снежной лавиной узенькой ледяной дорожкой водопада! Я не поверил своим глазам! На сосульках водопада я увидел то самое слово, которое искал! Оно не отражало голубого сияния Земли, а само лучилось солнечным светом! Я осторожно вскарабкался по ледяным волнам, подкрался и схватил было его, но тут меня выдал крик.

— Мамука! — звали меня снизу.

Не вытерпев, я глянул в пропасть. В облаке хлопьев на едва утопанном снежном гребне стоял незна-

комый силуэт. Он стоял, стоял и в конце концов размылся, как слеза. Когда я опомнился, на водопаде уже ничего не было.

Я собрался с духом и спустился в пропасть. Черное небо гремело и вспыхивало. По небу взад и вперед носились кометы. Сидеть бы сейчас в уютной башне, среди знакомых, уже полюбившихся, привычных выражений, на понятном и родном мелководье! Но, если я не доберусь до того, что смущает мне душу, эта башня тоже может рухнуть! Кто он, враг или друг? Впрочем, кто бы он ни был, на Луне нет места для двоих! Теперь сердце влечет меня к самому жерлу кратера, я ежесекундно хочу оторваться от ледяных камней и полететь в бездну, но не думайте, что это восхождение, это падение, спуск в недра Луны, в море чувств, в водоворот страстей. Здесь мне ловить нечего, напротив, тут меня самого надо ловить, если закружится голова... Я миную слой за слоем. Подкорковое облако плазмы извивается, словно дракон, клубятся волны, разлетаются брызгами...

— Дай передохнуть, — умоляю я самого себя.

— Не останавливайся! — не дает мне отдыха мысль.

Я оступаюсь и падаю на спину. Вокруг в кроваво-красной пустоте спит море преисподней. Серые потоки благоговейно сливаются с ним. Не успел я всплыть, как меня понесло течение! Спящее чудовище высунуло когти! Куда только подевались ясность и покой! Поток самозабвения уносит меня к водовороту. Впереди пролив воспоминаний. Берега ударяются друг о друга, чтобы раздавить меня. Течение уже вынесло меня к пещере, гнезду сирен, где живут голоса минувшего. Я стараюсь не прислушиваться к ним, к их пению, однако, только я приблизился, из пещеры послышался звук, похожий на шум и свист перематываемой магнитофонной ленты, потом звук поплыл и превратился в далекую, сладкую мелодию. Возникло детство, преданная забвению боль, и вдруг я услышал голос отца, тихий и ясный, как мысль:

— Я здесь, в этой пещере, с тех пор, как отлучился...

Не помню, как я проплыл дальше, как удержался в волнах времени, но пролив воспоминаний остался

позади, а впереди показалась суша, похожая на стога. Суша была обнесена оградой. Ветер бился крыльями в изумрудную ограду, но так и не мог проникнуть внутрь, в недосыгаемый заповедник вечной мысли, на отчетливо видневшуюся, до боли в глазах, до остолбенения прекрасную поляну, освещенную солнцем. Меня слепила эта поразительная ясность, я наслаждался этой очарованной сушей! Я с трудом выбрался на берег, отыскал калитку в ограде, повернул ключ и вошел в заповедник.

В глубине мысли я увидел то, что искал — простое и ясное слово! Я поспешно направился по тропинке строки, поднялся по ступеням рифмы. Не чувствуя зноя, не ощущая отсутствия воздуха, я стремился туда, в сердце заповедника, к бьющим фонтанам, где стояло то самое слово, но внезапно загредел голос, суша раскололась, строчки вытолкнули меня обратно, и я пришел в себя уже среди обломков ограды...

— Мамука! — звали меня снизу.

Я встал и выглянул.

— В чем дело?

— Тебя к телефону.

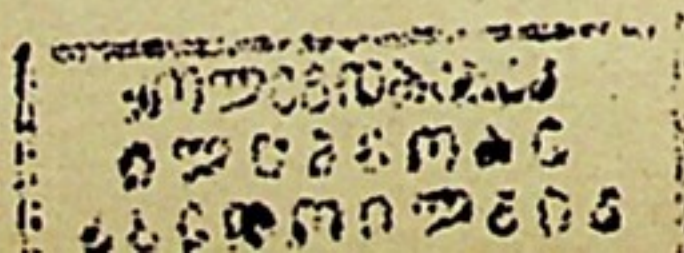
Перевод Александра ЗЛАТКИНА

ЗИМА

ПЕЙЗАЖ

Этот год выдался очень морозным. И небо, и земля промерзли насквозь от жгучей стужи. Холодная, сияющая лазурь над головой была словно бездонный колодец, стремящийся ввысь. Слабые лучи солнца едва пробивались сквозь воздух. Деревья горели ослепительным сиянием...

Воздух, ледяной и прозрачный, дарил всему окружающему доброту. Рассветало утро нового года. Первыми сон города нарушили курды. На водянисто-красном фоне зари, словно бесы, возникли силуэты с метлами. Вслед за курдами вышли на зарядку любители утреннего моциона. В пижамах-скафандрах, они

прыгали, бегали, но лица почему-то все прятали — на головы некоторых были натянуты чулки. Никто не желал показывать свое лицо.

Рассвет тайком просочился в город. Из каменных ракушек повыползли люди, мгновенно уселись в машины и тотчас же промчались к дальним зданиям. На тротуаре осталась лишь красивая женщина с обнаженной шеей, но такая плоская и такая раскрашенная, что на ее лице невозможно было ничего прочесть.

Откуда-то появился солдат в противогазе. Приподнял хобот, втянул морозный воздух и чихнул. В нагрудном кармане у него лежал дозиметр, показывающий уровень радиации. От сигнала торчащих на голове электродов на лбу замигала лампочка. Солдат, почувствовав надвигающуюся опасность, тоскливо взвыл и залез в первую же ракушку.

Тем временем по зеркалу лазурного неба рассыпался пепел облаков и пошел снег. Город моментально побелел.

Красивая женщина стала более эфемерной и более недоступной. Ее бездумный кукольный (взгляд, словно непослушный ребенок, без разрешения матери заигрывающий с незнакомыми, отсветом солнца падал на прохожих.

Снег сыпал не прекращаясь. А прохожих становилось все больше и больше — все плотно закутанные и ушедшие в себя, только один паренек раскрылся, и то на секунду. Внезапно высветилось, вынырнув из воротника, его хрупкое, как фарфор, лицо, чтобы сказать что-то женщине, но в тот же миг отпрянуло, наткнувшись на холодный, тусклый взгляд статуй.

Страшная зима стояла в городе!

ОЖИДАНИЕ

Стояла холодная и безлунная осенняя ночь. Яркие огни фонарей отражались на мокрых и блестящих от дождя дорогах улиц. В бездонной глубине неба, словно змея, шипел ветер.

От порывов далекого урагана вздрагивал даже го-

საქართველოს
დემოკრატიული
ბიბლიოთეკა

родской воздух, и съезжившись, умершие от старости листья сгребались невидимой рукой.

На сердце у меня было тяжело. Как ни старался, я не мог вернуться к прежнему ощущению самого себя. Звонок телефона, час назад ворвавшийся в мой сон, совершенно выбил меня из колен, и покой, изваженный сном, превратился в обломки. В трубке сначала долго слышалось чье-то дыхание, а потом я почувствовал, как собеседник мой вновь обрел голос, и в мои жилы влился теплый, вызывающий дрожь во всем теле шепот...

— Мне больше не на кого надеяться, помощи...

Я почувствовал, что этот зов был искренним, только отчаявшийся человек мог позвать таким беспомощным, таким слабым голосом. Бросив свои инструменты в сумку, я вышел из дома. Не удивился, когда увидел у подъезда ожидающую меня машину, молча сел, дал знак водителю трогаться. В одно мгновение, быстрее, чем мысль, машина пересекла спавший мертвым сном город, в закоулках которого, словно корабли на якорях, стояли автомобили. Миновав город, мы помчались по полю, слившемуся с ночным мраком. Значит, звонили из деревни. Много приходилось мне бродить по этим дорогам, но никогда я не видел этого поселка, который внезапно открылся в гуще леса, это была даже не деревня, а пригород, отчужденный, окаменевший, как и сам город.

И вот уже позади ночное поле, машина несется по проспекту, как по ковровой дорожке, расстеленной посреди леса. Слева и справа тянутся ряды высоких зданий. Лесной аромат струится сверху, оттуда, где за крышами скрываются верхушки деревьев. Разноцветные рекламы мигают над витринами. Не знаю, было ли это наваждением или привиделось так ясно, словно наяву, но пронзительное видение явилось мне вдруг в глубине леса, открылось улицей моего детства и теперь уже не существующего города, который когда-то ошеломлял меня своей величиной и неизведанностью.

И вот мы свернули в такой знакомый с детства тупик: автомобиль замер, из ярко освещенного двора навстречу мне метнулись несколько темных фигур.

— Как он ждал твоего возвращения, — со слезами на глазах обратился ко мне небольшого роста

голубоглазый мужчина. — Дни считал, часы, минуты...

Сердце почувствовало неладное, и я вошел прямо в дом. Старался не прислушиваться к причитаниям и плачу, боясь услышать что-то страшное, чего тайно ждал всю жизнь. Я взбежал по лестнице, побежал по коридору, и все время неотступно следовал за мной чей-то хрипловатый голос. В конце коридора из чуть приоткрытой двери пробивался робкий свет свечи. Как только я вошел в комнату, голос, преследовавший меня, исчез. И то, что хотел выразить голос, предстало перед моими глазами. Это была невиданная, невероятная, но в то же время вполне реальная картина.

Посредине комнаты, на одре, освещенном и расши-
том светотенью свечи, окруженном толпой заплакан-
ных лиц, покоилось мое бездыханное тело...

НАЧАЛО УЛИЦЫ САРАДЖИШВИЛИ

На улицу Сараджишвили я попал, когда поднимался на Мтацминда. С улицы Грибоедова я свернул к русской церкви. Потом поднялся до продуктового магазина и перешел на другую сторону, с подъема посмотрел вниз и увидел начало улицы Сараджишвили. В просвете между двумя деревьями, казалось, прямо с черепичных крыш, выростала розовая кирпичная стена со странным, будто нарисованным на ней окном. Кто скрывался за этим окном? Вездесущее око, пред которым вершится театр жизни, где у каждого из нас своя роль? А может, это было лишь пустое отверстие, черная дыра, разорванная бумага? Вернее всего, за этим окном была просто комната, где жил обыкновенный человек: он с утра сновал по квартире, суетился в темной кухне, словно муравей, неутомимо тащил на себе бремя бытия, не понимая, что своим старанием и размеренностью в сущности не менял картины жизни, с таким трудом созданной из хаоса буден, где ничего не было доведено до конца, — композиции крыш не хватало цельности, спящее в ночи небо обтрепалось по

нижнему краю, чего-то недоставало окрестностям, и даже я вписывался туда как штрих, как мазок кисти, неся в себе ту же черноту, — и поэтому, наверное, не имела смысла моя доброта, а злоба — силы. Я был чем-то бесплотным, как пробивающийся в тумане свет, ни то ни се: потому, наверное, не было у меня ни врагов, ни друзей. Не только я, но и все, кому хоть раз пришлось заглянуть в это странное окно и за дырявой занавеской разглядеть пустоту, ничто, вдруг понимали, что мир есть лишь картина, и человеку, вписавшемуся в ее рамки, остается единственная возможность с немислимой болью и легкостью пересечь границу между жизнью и смертью.

Остальные же, кому и в голову не приходило заглянуть в окно, были довольны, все им было ясно, — и черное и белое, но это была какая-то плоская, двухмерная ясность. Полнота их жизни была достоверной только в этих рамках, они принимали рамку за линию горизонта и не пытались выйти за его пределы. Именно поэтому, сидя на кухне, Тариэл, тот самый, что проживал в доме номер один по улице Сараджишвили, вытаращив глаза, напряженно вглядывался в дерево перед окном. Взор его выражал некое страстное желание. Желание и возбуждение. И хотя все ему казалось ясным, что-то постоянно тревожило его, и он старался одурманить себя, избавиться от этого чувства. И сейчас, сидя с пересохшим горлом, он бессмысленно смотрел на суетившуюся в кухне жену, и ему казалось, что это не Нестан крутилась перед его глазами, а завернутая в халат бутылка. Нестан приготовила яичницу и налила в стакан кипятку. В нем, словно щепки, плавали чайники. «Пей, почему не пьешь!» — прямо в ухо кричала она, и глаза ее, как горящие угли, сверкали сквозь спадавшие, густые, словно лесная чаша, волосы.

Тариэл вскочил. И тишина, и покой были призрачными. Опять откуда-то накатилась волна беспричинного страха, опять захлестнула его, опять заставила ощутить, что ясность была миражом, и все вокруг — лишь картина, за которой существовало что-то другое, но что? Этого он не знал, ибо названия этому он не ведал, об этом нигде не пишут, этому не обучают,

каждый должен сам найти ему название и найти свой путь преодоления этого.

Там, куда убежал Тариэл, возле продуктового магазина даже издалека была видна очередь. Изнывающие от жары люди в ожидании пива медленно продвигались вперед: и Тариэл уже стоял рядом с ними. С пылающим лицом, он говорил и говорил без умолку. И одновременно чувствовал, как рушились невидимые стены, замечал, как на глазах оживала картина, как грим и маски сползали с лиц, потеплевших от улыбок. Чувствовал и то, что никто не простил бы ему высказанной вслух правды, обвинили бы его во всем, повесили бы на него свои грехи. И тогда самое главное не испугаться, не отказаться от своих слов, не вынести обвинения самому себе, иначе спасения ему не видать. Как только снимут с него оковы, он сразу бросится в волны и там обретет успокоение: ибо будущее судилище, накрытый сукном стол с сидящими вокруг присяжными, этот переполненный, отягченный людским дыханием зал, обвинители, защитники, свидетели и охранники, все останется в его душе, осядет где-то очень глубоко, и вся жизнь превратится в бесконечный мучительный процесс: потому что мерилom всего является не слово, а внутренний голос, только нужно уметь услышать этот голос, отличить его от фальшивых нот, которые с таким коварством проникают всюду, порой даже достигая глубин души.

Человек, ступивший однажды на путь истины, назад не повернет, но эта дорога очень крутая, и, поднимаясь на вершину, он всегда рискует свалиться в пропасть, а потом, словно безумный, должен опять двигаться вверх, против течения, или должен найти силу, которая весь поток повернет вспять, к истокам: туда, где еще не зародилось сомнение, не произнесено слово, не созрела правда: ведь исток совмещает в себе все — и слово и молчание, и добро и зло, сам же не представляет собою ничего — непостижима сила, которая задает направление этому ничто, делает его началом. Таким образом, высказанная вслух правда — только одна сторона игральной кости. Все произошло так, именно так упали игральные кости, но могло бы произойти и по-другому. Скажем, Тариэл мог бы находиться сегодня за границей. Тогда это хрустальное небо над

головой могло бы быть небом над более счастливой страной. А эти двое, что так бесцеремонно прервали его на полуслове и загнали в машину с решеткой, могли бы вежливо взять его под руку и попросить пройти в полицию.

— Мы в рамках, мы все сидим в рамках! — кричал мужчина, но его уже никто не слушал.

Тюрьма, созданная игрой красок, словно настоящая, была глухой и непроницаемой. Человечки же, нарисованные за ее стеной, вели себя, словно настоящие люди. Тариэл смело смотрел им в глаза: хотя, как обвиняемый, он должен был стыдливо опустить голову, упасть на колени, валяться у них в ногах, вымаливая, как чуда, милости: чтоб до вынесения приговора пытками не вытрясли из него душу. А он, даже получив кулаком в челюсть, распрямляется после каждого удара, словно пружина, опять встает, чтоб испытать еще более жесткий удар, чтоб еще сильнее почувствовать тяжесть своей вины. И нет уже страха в его глазах: страх остался позади вместе с ожиданием первого удара, теперь только боль, физическая боль, которая не способна затмить разум. Кто открыл ему глаза? Кто дал понять, что этот мир был лишь картиной? Ведь это утро, что предопределило его судьбу, ничем, в сущности, не отличалось от вчерашнего. Как и прежде, заря окрасила крыши, в неисчислимо который раз взошло солнце, и в который уже раз прошла вниз продавщица мацони, оставив полные банки на улице Сараджишвили.

Нет, сегодня он промолчать уже не мог, но там, у истоков этой сорвавшейся лавины, всего несколько часов назад, когда еще не сорвалось с места слово, породившее эту лавину, он мог сделать выбор и сыграть более спокойную, безопасную роль.

В то утро, когда начало улицы Сараджишвили вспыхнуло кровавым цветом денницы, и солнце косыми лучами осветило весь квартал, раскинувшийся на склоне, с улицы Грибоедова спустился человек в пижаме.

Лица его он не запомнил, отпечатались в памяти только длинные, выпачканные чернилами пальцы. Увидев его, незнакомец вдруг приостановился, резко повернулся и почти бегом пустился обратно в гору. Нет, Тариэл не должен был поддаваться сомнениям, не дол-

жен был думать, что этот, похожий на тигра с разинутой пастью, полосатый незнакомец явился виновником его приключений. Там, у истока всех событий, он еще мог избежать ареста и играть совсем другую роль, чего, вероятно, не сможет уже сделать в дальнейшем: ведь чем гуще насыщается цветом очередной контур, тем сложнее становится изменить содержание, внести туда новые штрихи. Теряется ощущение свободы, когда волен лететь куда захочешь. И вот ты идешь, с трудом разбирая дорогу на рельефе, прошлое тяжелым грузом висит за спиной, но если ты сумел до конца сохранить крылья, если избежал поблекших красок, тогда созданная тобою картина оживет, и воображаемое шагнет в действительность. В ту действительность, которая не черная и не белая, она просто существует, вернее, я существую в ней, и никакого значения не имеет, как я ее постигаю. В глазах человека и собаки сквозит одинаковый страх, оба чувствуют его, и это делает их равными. Несмотря на различия, в каждом заложен страх смерти, и этот страх никому не дает права свысока смотреть на других. Поэтому абсолютно прав тот, кто не признает иерархии, для кого одинаково значительны и пирамида, и камушек: ибо можно по одному листу воссоздать целый мир, ведь и лист, и пирамида — лишь дорога, средство, а не цель. Цель — это смерть. Такой приговор вынесет тот мрачный суд. А что ж им делать? Обвиняемый увидел ту рамку, видеть которую не имел права: Именно поэтому присяжные отклонили смягчающие обстоятельства и присудили его к высшей мере наказания.

«Приговор окончательный!» — стукнул молотком судья и отвел взгляд от приговоренного к казни, который уже собирался выйти из-за своей ограды, чтобы поблагодарить всех присутствующих: смерть для него была утешением, освобождением от мук, и своей благодарностью он стер бы грань между карой и помилованием, принял бы обвинение как дар и отнял бы у судьи упоение победой над заключенным, но судья почувствовал поражение и подал знак охранникам, чтобы они удержали его. И хоть обвиняемому не дали сказать ни слова, он с удивительно спокойным, просветленным лицом встал у стоечки, взглянул на ружья, вскинутые против него, на лица, скрытые за ними, и улыбнулся:

почувствовал приближение свободы от тела, от этого мира, от всего, что сковывало его душу, заглушало его голос и затемняло глаза, которые в этот момент вдруг прозрели, заглянули за занавес, за декораций окружающего мира, и он увидел начало улицы Сараджишвили, в нежном свете сумерек, где смешение и игра красок создавали время и пространство, и почувствовал, что все это было лишь картиной; он заглянул за эту картину и увидел то, чему нет имени и постижение чего не позволяет уже вернуться назад, надо лишь шагнуть вперед и соединиться с той вечной, спокойной темнотой, из которой каждый из нас явился на свет.

Перевод Ларисы СТРУЧКОВОЙ-ЧАХЕЛИДЗЕ

ХРАМ

Мы сидели в саду. Звонок трамвая — легкое постукивание ложки по стенкам стакана — не нарушал тишины. Мир был чист и прозрачен. Очевидность начала присутствовала во всем. И я хочу сплести паутину рассказа с видения, случайно возникшего в моем воображении, ибо все начинается с игры случая, и поэтому я начинаю свой рассказ с тихого и спокойного вечера, когда мы сидели за большим столом и вкушали сладкий и ароматный, словно нектар, напиток. Вдруг на чистом небе сверкнула молния, и в сад вошел гость. Картины, возникшие в моем воображении, сразу потеряли свое очарование, а прошлое утратило смысл, и мы все оказались в открытом вагоне трамвая, который раскачивался под тяжестью гостя. Многие вывалились, только несколькими удалось подняться на гору. Выйдя из трамвая, я услышал грохот. Молнией сверкнула мысль, что все кончено и необходимо что-то новое. Потом, помню, я лежал в зарослях ельника и думал о небе, о месяце и звездах, о восходе солнца, о своей жизни и жизни вообще. Мысли возникали сами по себе, без всякого усилия, и легкой бабочкой опускались то там, то здесь. Занятый этими мыслями, я смотрел на город и смаковал шампанское. Рядом сидел гость. В его горящих глазах отражались сад, дорожка, посыпанная гравием,

пустой бассейн и сторож с ружьем у колючей ограды. В стороне вертелось чертово колесо, а на одиноких качелях сидели мы.

— Я Амиран, — говорил гость. — Посмотрите на эту землю. — Амиран опустился на траву. — Чем глубже ты погружаешься в эту зелень, в ее цвет и аромат, тем легче ее вбираешь в себя и, сбросив все ненужное, переходишь в новое измерение. Ну-ка вспомните, где мы встречались?

— На чертовом колесе, — ответил один.

— За столом, — сказал другой.

— В саду, — добавил третий.

«Здесь...» — подумал я.

— В том-то и дело, — сверкнул белыми зубами гость. — Наша встреча происходила одновременно везде, и поэтому ее не было нигде. В начале было Слово. И поскольку именно оно положено в основу нашего мира, я подбираю такие слова, которые не определяют места нашей встречи. Мы встречались всегда, везде и никогда, нигде. Мы встречались за пределами пространства и времени, чтобы доказать, что слово может преодолеть границы нашей жизни. На сегодня закончим, — объявил Амиран. Мы встали и разошлись.

* * *

После лекции Амиран помчался к аэровокзалу. Сам не знаю почему, я последовал за ним и повис на канате оторвавшегося от земли корабля и через открытый люк попал в темный салон. Над головой поблескивали магнитные рельсы. Эта дорога была проложена от Земли в космос, и корабль мчался по ней быстрее молнии. За пределами атмосферы дорога сворачивала к зданию станции серебристого цвета.

В зал, где ожидали посадки транзитные пассажиры, мы вошли вместе. На крыше грохотали корабли. Из их люков падали цветные тени и паутиной опутывали стены. Амиран посмотрел на потухшее табло и махнул рукой.

— Регистрация еще не началась. Бог знает, когда улетим!

Люди медленно расходились кто куда. Наконец в помещении остались только мы и начальник станции. В

углу висел транзистор, откуда доносились монотонный стук барабанов и едва слышная мелодия. Казалось, распахни сейчас ветер двери — и вместе с холодом ворвется огонь звездных хвостов и рассыплется по залу. Этот одновременно горячий и холодный поток воздуха обжигал лицо. У Амираана на лице появились красные пятна, будто невидимая рука отхлестала его плетью.

«Знать бы куда мы летим и что нас ждет», — подумал я.

«Я хочу найти утерянный храм», — мысли Амираана передались мне.

«Дорогу я не помню, но надеюсь найти ее».

Дверь снова распахнуло порывом ветра, и поток света ослепил глаза. В зал влетело облако, разбилось о стену, рассеялось на множество радуг — и пред нами предстали двое в скафандрах. У астронавтов были измученные лица. Один из них расстегнул ленту с патронами и бросил ее на стол. Другой подошел к камину и, немного погревшись у огня, прилег на ковер.

— Что будете пить? — окликнул их начальник станции.

Посоветовавшись о чем-то без слов, сидевший за столом астронавт в ответ поднял два пальца.

Начальник нажал на кнопку, и из кухни вышел робот с бутылкой и стаканом в руке.

— Ваше здоровье, — поднял стакан первый астронавт и бросил второму початую бутылку.

— Издалека? — спросил я.

— Из Млечного Пути, — ответил второй.

— Не видели ли вы где-нибудь храм? — повернулся к нему Амираан.

— Мы обошли и всю эту систему, — сказал первый, — не нашли и следа.

— Зато напоролись на инопланетян, — вставил второй.

Вдруг все стихло. Задремавший начальник станции открыл глаза, настроил транзистор на другую волну, снова заснул.

— Может быть, за вами увязался хвост? — нарушил тишину Амираан.

Первый астронавт поднялся из-за стола:

— Не думаю. Мы летели быстро. Но если бы даже нас и преследовали, то сюда они не посмеют сунуться, —

с этими словами он открыл дверь и выглянул наружу. Вокруг было тихо. Ветер раскачивал на платформе корабль. Человек оглянулся и шагнул в пустоту. Вдруг темноту озарила вспышка выстрела. Астронавт перевернулся через голову и ударился о корабль. Между тем, второй, лежа на пороге, целился в невидимого врага.

— Не выходи, ему уже не помочь, — крикнул я.

— Уходи отсюда! — приказал начальник станции.

— Там сводите счеты.

Перебравшись через порог, астронавт стрелой понесся к кораблю. Но неприятельская пуля опередила его. Скафандр окрасился кровью. Голова завалилась набок, глаза закатились, и он стал медленно испаряться. Вспышки снова прорезали темноту. Полоса огня нырнула под корабль и озарила все вокруг. Показалось изрешеченное пулями тело первого астронавта, трепещущее, как рыба на удочке. Еще немного — и огненная радуга сомкнется вокруг него. Для побега оставался узкий проход между стеной станции и кораблем. Раненый оторвался от машины и полетел к стене, но не успел он и добраться до прохода, как сверху опустилась огромная тарелка, из освещенного ее глаза протянулась рука и, размахнувшись, набросила на голову астронавта веревочную петлю. В тот же миг глаз погас, и, сорвавшись с места на большой скорости, тарелка потащила за собой тело. Я отчетливо видел, как астронавт, разрезав атмосферу Земли, сгорел в плотном воздушном поясе, словно метеор.

У начальника станции на лице не дрогнул ни один мускул. Только посинели искусанные губы, а у виска запульсировала жилка. Это был высокий человек с крупными чертами лица и глубоко посаженными глазами непонятного цвета. Его загорелое лицо было похоже на выветренную скалу. Медленно, размеренными шагами он подошел к передатчику и послал на Землю сообщение о гибели астронавтов и о появлении в нашей системе вражески настроенных тарелок.

— Ты виноват в их гибели, — сказал Амиран. — Зря ты их выгнал.

— У меня не было выхода, — вздохнул начальник станции. — Один выстрел отсюда — и это уже нарушение перемирия. Тогда бы тарелки здесь камня на

камне не оставили. Скажу больше: думаю, что астро-
навты были подсланы. Обе стороны разыграли эту
трагедию нарочно, чтобы вызвать войну. Принять чело-
веческий облик для них то же, что сменить рубашку.

С этими словами он открыл дверь, расправил флаг
и помахал рукой пролетавшему мимо кораблю. Потом
вернулся и помешал в камине угли. Робот принес еду,
проверил освещение и отключил поле притяжения. Свет
дробился на стенах, посуда повисла в воздухе, и мы с
разных сторон подплыли к столу.

— За здоровье Зеваха! За грозу тарелок и покро-
вителя путников! За нашего отца и бога! — прогремел
робот.

— Эх, прошло то время, когда я и впрямь был бо-
гом, — вздохнул Зевах. — Тогда на Олимпе стоял храм,
и его огонь вдыхал в людей веру в меня. Но настал чер-
ный день, людям надоело быть счастливыми, и ослеп-
ленный гордостью раб пожелал поравняться со мной.
Великодушие и мягкосердечие погубили меня.

— Твое мягкосердечие и сегодня сказалось на мо-
их потрохах, — сказал Амиран.

— Если ты не избавишься от своей непокорности,
будет хуже! — загремел Зевах. — Правда, меня сверг-
ли с престола и оставили только эту станцию, но сил у
меня еще хватит, чтобы распять тебя на скале. И если
когда-то я не воздал тебе по заслугам, то теперь мы
сочтемся.

— Не стоит бередить старые раны, — отмахнулся
Амиран. — Та скала уже размыта временем.

— Ты хочешь все лишить смысла, — покачал голо-
вой Зевах.

— Напротив, я хочу достичь того, чего не победит
время и не разрушат сомнения.

— Ты похитил у меня огонь, чего же ты еще хо-
чешь? — спросил Зевах.

— Тот огонь гаснет, нужен другой, — ответил Ами-
ран.

Мы вышли из помещения. Небо на мгновение по-
темнело и снова осветилось. Я прокладывал дорогу.
Лунная дорожка, словно морская пена, существующая
только в движении, извивалась по ногам, обвивалась
вокруг них и скользила, убегая вперед.

Амиран прыгнул с луча на луч и скрылся из виду.

Туман рассеялся, и снопы света вычертили в пространстве гору. В космосе рельеф создается светотенью. Слово ветер, несет свет, создавая тысячи форм и фигур. Ты должен раствориться в этой красоте, и только тогда небо откроется тебе! Только тогда перед тобой появится проторенная луной дорога. И чем дальше и выше ты будешь взбираться по ней, тем она будет шире. Цвета тают под ногами, как сорванная с ветвей и опавшая на землю осень. Лучи, будто размотанные из клубка солнца нити, вышивают на небе звезды. Дорожка оборвалась, и белый купол двинулся навстречу мне. Над ним — светло-голубой нимб. Эта голубизна льется из его расщелин, поросших мхом. Подойдя ближе, я увидел Амирана, который стоял, будто громом пораженный, и смотрел на него. Жуткая картина открылась нашему взору: на фоне потемневшего сиреневого пространства светился скелет храма. Время разъело его каменную плоть. На развалинах различались полустиертые надписи и грустно улыбались нежноликие фрески. В те времена, когда храм еще питала вера, эта красота обладала силой и была неприступной.

— Но сомнение разрушило веру и храм обвалился, превратился в руины, — сказал Амиран.

— Идут ли восстановительные работы? — спросил я.

— Трудно поверить в то, во что уже не веришь, — махнул рукой Амиран.

От развалин повеяло запахом земли и увядших цветов. Мир потерял веру, лишился опоры, и храм угас, его оплела паутина. Вдруг прогремел гром, взвыл ветер и унес охваченного пламенем Амирана в бездну. От запаха мертвых цветов закружилась голова, я лишился опоры и, теряя сознание, почувствовал, как тает мое тело, как рассеивается мой разум...

Тело мое уже начало растворяться в небытии, как вдали, в развалинах, вдруг что-то сверкнуло и привлекло мое внимание. Постепенно я начал обретать вес и, наконец, стал на ноги. Я постарался сосредоточиться и всем своим существом потянулся к чуду, обещающему мне спасение. Чудом этим была стена с замысловатым орнаментом и изображением лозы. Но восторг мой вызвала не красота орнамента, а пламя и сияние, которые из камня передавались мне. Теплая, приятная

дрожь пробежала по телу, и я понял, что спасен. Ветер затих, хаос, окружающий меня, исчез, и весь мир сконцентрировался в сплетенной из камня лозе. В одну секунду в сознании пронеслось все мое путешествие, и я понял, что именно в поисках этого огня я покинул Землю, пересек пространство и преодолел время, прошел через тернии и в руинах ушедшей веры отыскал храм — неподвластное времени, вечное произведение искусства.

МЕРТВАЯ ДЕРЕВНЯ

На дороге покинутой деревни появился человек. Для путника одет он был неподходяще. В руках держал зонтик. Последний житель деревни — маленький скрюченный старик позвал его в свою лачугу и предложил отдохнуть. С появлением путника словно ожила покинутая деревня.

— Все разбежались, все, — мотнул головой старик и разлил по стаканам вино из кувшина.

Гость молчал и не слушал хозяина. Он мочил хлеб в вине и лениво жевал, глядя в окно. Словно сам с собой говорил старик:

— Сами не знаем, куда идем и чего хотим. Ногами меришь дороги, глазами глядишь вперед, а душою чувствуешь, что в этом беге счастье остается позади...

— Можно у вас переночевать? — спросил, наконец, путник.

— Однажды и я собрал было пожитки, — продолжал старик. — Надоело одиночество. Решил в город перебраться. Но, чтобы привыкнуть к городу, нужно пожить среди них...

— Как я устал! — Гость расстегнул пояс и присел на тахту.

— И что же получилось? — не унимался старик. — Я отказался от этой затеи. Не смог оторваться от родных мест, потому что стал частью безлюдной деревни...

— Я немного подремлю, — зевнул гость. — У меня еще столько дел, что даже и не знаю, с чего начать.

— Покинуть деревню я не смогу, — говорил ста-

рик, — потому что покинут с нею вместе. И если когда-нибудь что-нибудь их вернет, то это будет нашим общим ожиданием — ждать буду я и наше бывшее село.

— Что-то никак не могу уснуть, — гость присел и взял со стола сигарету.

— Нет, мир и вправду перевернулся, — проговорил старик.

— У вас нет чего-нибудь почитать? — осмотрелся по сторонам гость.

— Письма. Это единственное, что связывает меня с ними. Сижу и жду, когда обо мне вспомнят.

— Что-то я тут отыскал, — сказал гость и развернул пожелтевшую газету.

— Бродишь по этим развалинам и ничего не можешь найти, — махнул рукой старик.

«В связи с однородным расселением населения, мы считаем целесообразным переселение жителей далеких деревень и поселение их близ городов».

— Какого года эта газета? — гость взглянул на обрывок.

— Это мертвая деревня, — вздохнул старик и закрыл глаза.

— Да... — продолжал гость. — В этой пустоте долго не выдержишься. Рвану-ка я отсюда на рассвете...

ЧЕРНОЕ НА БЕЛОМ

С нег падал и падал. Белое зарево окутало небо и землю. И в этом однообразии тлели пространство и время. Утомленный взор перелетной птицей искал убежища, но нигде не мог остановиться... Лишь черный человек с зонтом и в плаще, случайно выхваченный из весны, брел по снегу. Где небо, где земля? Пестрая пустота была белой и всех оттенков белизны... А человек из весны все брел и брел и своими следами вычерчивал на снегу нелепые каракули. И чтобы прочесть тайный смысл этих строк нужно было гигантское око со светящимся взором, но ничего такого не было. Был только человек, который хотел пройти пространство, преодолеть время и снова вернуться в весну. Его не так мучал холод, как ощущение ненужности и несоответствие

с окружающим. Он не испытывал восторга перед белизной и чистотой снега, он вообще ничего не чувствовал, кроме белой пустоты. Пустота эта была снегом, все тем же бесконечным снегом — неисписанным, непорочным листом бумаги. И на этой безгрешности был грех, и в этой пустоте была наполненность, и то, что казалось бесплотным, чистым и прозрачным, на самом деле было вполне ощутимым. Человек не видел плотности, он только ощущал, как невесть откуда в нем собирается вызывающая раздражение сила и потом снова уходит в ничто и придает этому «ничто» какой-то непостижимый смысл. Снег был белым листом бумаги, но и у него были свои тело и душа. И эта легкая бархатная душа опускалась невидимыми снежинками на еще более белый и пустой лист неба. А путник испытывал судьбу и искал весну в этой бесконечной зиме. И не знал, что в руке моей находится слепое оружие, что я его же следами вывожу по снегу слово. Путник не знал этого, но даже если бы увидел, то не поверил бы своим глазам, потому что чувство свободы охватило его. А снег валил большими хлопьями на белоснежную пустыню, хлопья гасили мысль и делали белыми слова, и была зима, и падал снег, и лишь путник, случайно выхваченный из весны, без усталости брел по тропе строк.

ВЫСТАВКА

В нашем городе открылась новая выставка. Люди разного возраста, различных занятий и сословий собрались в выставочном зале. Мне удалось попасть на открытие. Я уже собрался было приступить к изучению стен, сплошь увешанных картинами, как волна народу настигла меня и увлекла за собой в глубину зала. Сначала я не мог разобрать ничего, кроме вытаращенных глаз, затем посетителей стало меньше. Теперь люди тесным, но спокойным потоком растекались по залу и собирались кучками перед той или иной картиной. Вскоре иссяк и этот поток, оставив после себя одиночек и небольшие группы. И кого только здесь не было! В глаза бросались пестрота и разнообразие посетителей, но один признак, выявленный у кого в большей, у кого

в меньшей степени, роднил их всех: каждый из них так напряженно ступал и держался, что можно было подумать, будто не он пришел на выставку, а сам был выставлен в качестве экспоната. Казалось, никто не остался неоцененным, кроме пригвожденных к стенам творений, которые рассматривались либо с многозначительным молчанием, либо становились объектами споров. Кто-то ткнул меня в бок, и я оказался где-то в стороне. Люди заполнили маленький зал. Экспонаты здесь охраняла хромая женщина. За всю свою жизнь я ни разу не встречал такого жалкого создания! Она была похожа на незавершенную скульптуру. Будто, начав лепить с большим усердием, скульптор внезапно бросил работу. Крупная, с мускулистыми крепкими ногами, в туфлях на высоком каблуке. У нее было короткое туловище и длинные руки, будто созданные для того, чтобы подметать. На ее лице было такое количество грима, что трудно было найти хотя бы умеренно покрашенный его участок. От нее исходил сильный запах духов. Она сидела с напряженным лицом, кисло улыбаясь, и можно было подумать, что люди пришли сюда посмотреть на нее.

— Жанна! — окликнула ее черная, как жук, девушка. — Эль Греко привезли?

— Загляни в каталог.

— Это мой любимый художник, — пояснила девушка-жук и пошла дальше. В зал вошла новая группа людей. Наверное, это были иностранцы, только очень робкие и пугливые. Они жались друг к дружке и, повернувшись спиной к какому-нибудь шедевру и уставившись в рот гиду, готовили блокноты и ручки.

Тут в зал вошел искусствовед. Очки его были подняты на лоб. Уткнувшись в блокнот, он стал что-то усердно записывать.

— Какая легкость! Какая глубина! — эта реплика, вероятно, была адресована искусствоведу, дабы продемонстрировать образованность того, кто ее подал.

— Ничего особенного, — вынес свой приговор мужик с опухшим от пьянки лицом, которого сопровождала женщина с крысиным носом.

— А разве должно быть что-то особенное? — заступился за французов искусствовед.

— Особенность в том, что объем у них выходит за

счет света сверху, а не за счет игры светотени, — ено-ва подал голос образованный.

— Не трожь! — зарычала Жанна на верзилу, качавшегося, как тростника. Общая напряженность передалась и ему. Только он в отличие от других не старался выделиться, а наоборот, прятался в тени, и если бы не дурацкий окрик Жанны, я его, может быть, и не заметил бы. Взглянув на него, я отвел глаза. Его лицо было неопределенным, взгляд ничего не выражал, он вообще ничего из себя не представлял, был как бы олицетворением той пустоты, что ступала по залу. Зал я покинул с тяжелым сердцем. «Что им нужно на выставке? Кто их вообще впустил сюда?» — подумал я и тут заметил парочку, удобно устроившуюся на подоконнике. Юноша посмотрел на меня и, улыбнувшись, сказал девушке: «Бродит битый час и не взглянул еще ни на одну из картин. Интересно, что ему здесь надо?».

ВСЕ БЫЛО

Все издавна повторяется. Тенью преследует чувство, что ты не совершаешь ничего нового, что шаг твой тысячу раз измерен, изношен и пройден уже другими.

И нет очарования неповторимости той небольшой станции на опушке леса: измученная душа с подозрением взирает на новые чувства и видит в них лишь знакомую, проверенную временем фальшь, — так складывают камешки, чтобы создать иллюзию неповторимости.

И я равнодушно смотрю на небольшое покрытое известью здание станции, на медленно движущийся поезд, который все-таки останавливается. Меня не волнуют ни купе, затененное занавеской, ни запах пластика, пробуждающий воспоминания, ни рюкзак, брошенный на багажную сетку...

И женщина с нежным лицом, которая сидит напротив, ничем не отличается от других женщин — ведь меня преследует неотвязная мысль, что все знакомо и старо, и что бы я ни делал, куда бы ни шел, мне никогда не сойти с издавна проторенной и утоптанной бесконечными шагами тропы...

Перевод Алины ВИШНЕВОЙ

ПИСЬМО ДОМОЙ

Как я узнала из весточки,
 снегом завьюжило веточки,
 лес побелел от седня...
 Что наш негодник? Слоняется?
 Слово держать полагается —
 пусть прочищает камин.
 Буковой связки не трогали?
 Веток лозы еще много ли?
 Ладно. Не вешайте нос.
 Знать не хочу тебя хмурую:
 выпей таблетки с микстурой,
 не выходи на мороз.
 Раз холода непомерные,
 лают собаки, наверное, —
 помню почной этот лай...
 Так. Отдаю приказание:
 не обращая внимания,
 встань и цветы поливай!
 Весть о Нушо, о страдальце,
 в сердце моем отзывается,
 жалко ее не шутя...
 Крышу, слышать, переделали.
 Как там: Тамуни, Натэла ли —
 вы окрестили дитя?
 Ладно. Беду перемыкаем.
 Ты подари нашу зыбку им.
 Душу тоской не томи.
 Стало быть, всем без изъятия
 шлю поцелуй, объятия...
 Да! Близнецов обними!
 Режь петуха обязательно,
 праздник отметь основательно...
 — Господи! Там — моя мать,
 сломленная, как орешина! —
 ...Мне еще мучиться: где ж она, —
 плакать и пальцы ломать...

Старая улица

О чем ты кручинишься,
старая липа,
не слушая пения
радостных иволог?
Никто не вернется
во двор этот, ибо
хозяин из дома
последнее выволок.

О, корни твои
оттого и повымерли,
что двор в запустении —
ни жизни, ни смерти...
Никто никого
не окликнет по имени,
одна паутина
плетет свои сети.

О чем ты кручинишься,
старое дерево?
Ты помнишь,
как в тоне хлеба выпекали?
...От этого мира
в сиротской тщете его
тебе захотелось
отречься в печали...

О чем ты, о чем ты?
Ведь иволга смелая
на ветке твоей
о любви распевает!
И вдруг —
молодеет кора помертвелая,
и корни твои
на глазах оживают.

Перевод Татьяны БЕК

Рассказы

СТАРЫЙ ДОМ

В последнее время ее мучил один и тот же навязчивый сон: в комнате с необычайно высоким потолком и с закрытыми ставнями летала маленькая белая бабочка, освещенная странным лучом света, следовавшим за ней повсюду. Она никак не могла понять, как залетала бабочка в пустую закрытую квартиру, но еще более удивлялась тому, что сама находилась в ней.

Сначала бабочка появлялась в огромной столовой, порхала между потолком и люстрой, потом опускалась, летала над столом — так что не касалась пыльных кувшинов и книг, с пианино перемещалась на тахту, оттуда взлетала к стене, где висели в рамках фотографии предков, и странный свет повсюду следовал за ней и освещал тот предмет, к которому она приближалась.

Женщина следила за каждым движением бабочки, притаившись между буфетом и книжным шкафом. Затаив дыхание ждала ее приближения, но бабочка словно избегала ее, устремлялась к двери в спальню и точно растворялась в воздухе. Женщина бежала к спальне, натыкаясь на стол, стулья, тахту, но боли не чувствовала. Шаря в темноте руками, искала ключ или дверную ручку. И вдруг оказывалась перед стеной, и какая-то чудодейственная сила помогала ей увидеть сквозь эту стену неестественно длинную, узкую спальню. Бабочка подлетала то к одной, то к другой кровати в двух разных углах комнаты, пролетала мимо гардероба, зеркала и через погруженный во мрак коридор залетала в ванную. Женщина натыкалась в коридоре

на трехколесный велосипед, спеша в ванную. Потолок здесь казался еще выше. Отделанные черным кафелем стены с приближением бабочки тотчас освещались. Бабочка летала все стремительнее — точно искала в отчаянии выход, залетала в детскую и исчезала в подъезде. Подъезд был заперт на несколько замков, связка ключей висела тут же, на стене, но в темноте женщина не могла отыскать ее.

В двенадцать часов зазвонил будильник, она не сразу поняла, сон разбудил ее или звонок. Сон казался настолько реальным, что она ощущала физическую усталость — точно всю ночь и в самом деле гонялась за бабочкой.

В ванной открыла кран с горячей водой. Обрадовалась. На протяжении всей зимы не шла горячая вода и не топились в доме, даже огонек газовой плиты едва-едва мерцал. Она не помнила столь холодной и бесприютной зимы. На заснеженных улицах кое-где играли ребятишки. Город словно утерял привычное очарование. Всюду очереди: за продуктами, одеждой, книгами. Злые голоса спорящих в очередях женщин: «Вот именно, мы и выбрали!» «Вот потому-то у нас так налажена жизнь, что выбирали вы!». Споры, оскорбления стали привычными для горожан.

Она не успела одеться, набросила банный халат, вышла на кухню и включила транзистор: начиналась передача «Час пик». Поставила на плиту кофейник. Большая чашка кофе и сигарета — ее обычный завтрак. Налила кофе в чашку. Вот и первая информация! Тысячи людей ждут новостей. Ждут и не знают, что делать. «Ранили! Убили! Взорвали! Подожгли!». Слова иглами вонзались в сердце. Поет Лючано Паваротти. На глаза навернулись слезы. «Прекрасный фон для погибших». В памяти всплыла музыка на панихидах дочери. Тогда ей казалось, что самое неестественное — именно эта музыка.

...Впервые девочка отпустила ее домой, впервые попросила сварить цыпленка. Ей тогда показалось, что стало светлее в тусклой, едва освещенной ночником палате. С девочкой остался отец. Она, не раздеваясь, легла на диван, телефон поставила рядом на пол. И в первый раз за две недели заснула глубоким сном.

К половине восьмого утра у нее все было готово.

Только открыла дверь, чтоб выйти, как лицом к лицу столкнулась с двоюродными братьями-близнецами.

«Все кончено!..» — словно громом, сразило ее. Захотелось спрятаться. Она побежала в спальню, распахнула гардероб. Племянник схватил ее за плечо: «Успокойся... Умоляю...» Она оттолкнула его и вдруг по-детски улыбнулась: «Не буду же я здесь сидеть вечность...»

В дверях появился второй племянник. Дрожа всем телом, он открыл было рот, но тут же сжал губы. Племянники были регбистами, и их беспомощность и растерянность невольно вызывали улыбку.

Она залезла в шкаф, одной рукой раздвинула вешалки с платьями, не выпуская из другой пакет с едой, приготовленной для ребенка... Присев на брезентовый чемодан, бросила взгляд на братьев и снова по-детски хитровато улыбнулась. «Пришли успокоить...» И сказала, подражая голосу ребенка: «Хочу цыпленка... Ты спи спокойно, а утром я покажу тебе фокус-покус, есть и нету! Оох!.. Обманули меня! Обманули!..» Вдруг почувствовала страшный голод, раскрыла пакет, достала из маленькой кастрюльки цыпленка и стала жадно есть.

Один из братьев, все еще дрожа, сел на пол возле шкафа, взял у нее из рук пакет и кастрюлю и положил голову ей на колени: «Тетю увезли в кардиологическую... «Чью тетю?». «Твою мать». «Ааа! Моя мама и твоя тетя в кардиологической! Мариам в морге! Я в шкафу! Где же Георгий?! Где он прячется? Все прячутся! А вот смерть не спряталась!» — кричала она во весь голос. «От смерти никто не спрячется!» — патетически произнесла она, как будто кончила читать монолог.

В квартире замелькали лица: свекор, родственники, соседи. При виде плачущей свекрови она вышла из шкафа, почувствовала страшную усталость и тихо, почти шепотом сказала: «Я буду сдержанна... Предельно сдержанна... Сорок дней воздержимся, как вы советовали... Была, мол, такая традиция... Не то что сорок дней, сорок недель воздержимся, всю жизнь будем дер...» — Глаза слипались. Машинально направилась она к кровати и словно подкошенная упала на постель. До самого вечера спала как убитая.

Из гостиной доносились приглушенные голоса. В

темной комнате возле кровати сидел муж, держал ее руку в своей. «Боже! Ее в самом деле нет!» со всей силой сжала сердце боль. «Маленькая, моя маленькая... Бедняжка моя...»

Чьи-то пальцы, кого-то невидимого, перехватили ей горло, она с трудом произносила: «Мариам... О-оо... Моя маленькая...»

Села на кровати. Потерла шею: не хватало воздуха. Муж вскочил с кресла, отчаянно завопил: «Мамаа!». И зажег свет. На мгновение взор ее остановился на покрасневших глазах мужа.

В комнату тотчас вбежали свекровь и какие-то люди в белых халатах — быстро, по-деловому. «Прошу вас, помогите.. Хочу плакать...» Свекровь осторожно уложила ее: «Сделают успокаивающую инъекцию и сможешь плакать». Укол ей сделала подруга свекрови, она узнала ее. Через несколько минут почувствовала слабость, тело стало тяжелым, ватным, она повернулась к стене. Ей было одновременно и приятно и беспокойно. Постепенно сон одолел ее и, уже закрыв глаза, она спросила: «Мама жива?..» «Жива», — издали донесся до нее чей-то женский голос.

* * *

В просторном холле редакции сотрудники смотрели телевизор. Шла передача «В полдень». Никто не поздоровался, машинально взглянули на нее и вновь напряженно уставились на экран — вошедший в азарт молодой диктор читал письма телезрителей, слова летели с экрана, словно пули.

Сотрудники недоумевали: «Что происходит? Какое сейчас время?!»

Она прошла в свою рабочую комнату. Следом за ней вошел худощавый молодой человек в очках, лет двадцати пяти, и положил на стол толстую папку.

— Здравствуйте. Я принес Камю...

Она растерянно взглянула на него.

— Это «Человек бунтующий»...

Она раскрыла папку, просмотрела начальные страницы, затем последние.

— Переводили с русского?

— Да. Не напечатают?

— Я работаю здесь недавно... Кажется, с русского можно переводить только скандинавскую и японскую литературу, остальную — с подлинника.

— Стало быть, не напечатаете? — Молодой человек снял очки.

— Не могу сейчас что-либо сказать, оставьте рукопись, я уточню у редактора.

— Редактор не приходил.

— Не придет сегодня, спрошу завтра.

— Завтра суббота.

— Тогда буду знать в понедельник.

— Ваша редакция уже третья. Всюду...

Она невольно улыбнулась. Без очков молодой человек выглядел крайне незащитным.

— Прошу вас, наденьте очки. Перевод я заберу домой, в понедельник все будет ясно...

Он надел очки и, не прощаясь, вышел из комнаты, но тотчас вернулся.

— Спасибо.

— До свидания.

Она уставилась на папку. Слова «Человек бунтующий» ничего ей не говорили, она видела только лишь голые буквы. Потом и они исчезли.

— Что происходит? Ты что-нибудь понимаешь? — Это был Дато, из отдела прозы, ее бывший однокурсник.

— Ничего не понимаю... — ее беспокоило какое-то непонятное, тревожное ощущение.

— Вышла книга Георгия, ты знаешь об этом?

— Нет... Что за книга?

— Рассказы. Вчера встретил его мать, она сказала, что брат дедушки прислал ему визу, и сейчас он в Америке. Приедет и поделится своими впечатлениями — по радио, телевидению...

— А тебе что? Что тебе не нравится?

— Уж очень популярен среди девчонок.

— Оставь меня в покое...

— Твой муж звонил.

— У этого мужа есть имя. Что ему надо было?

— К шести часам вы должны быть у Джапаридзе, просил тебя не опаздывать.

— Хорошо... Не обижайся, пожалуйста, Дато...

Она раскрыла папку. Уставилась на рукопись, но смысл слов не доходил до нее.

«Ты ведь не знаешь, если бы Георгий остался дома, он бы повесился... У нас будет ребенок, сказала я, и он каждый день ходил в церковь. Выучил молитвы. Держал пост. Точно с ума сошел, по мнению его матери, конечно. Перебрался в свою детскую комнату... Сначала я не хотела. Все меня беспокоило. Потом я словно окунулась в ожидание. Стала очень красивой, и немного мне было жаль себя. Без любви».

— А я утверждаю, что это начало! — громко говорил в соседней комнате Дато.

— Чушь! Вы страдаете интеллигентской аллергией. — Это был голос ответственного секретаря.

— Что это значит?

— А то, что кто бы ни пришел к власти, вы все равно будете недовольны. Это так называемый интеллигентский зуд, одна из форм недовольства. Если хочешь, назовем это комплексом неудовлетворенности.

— Ты что, ничего не видишь и ничего не слышишь?

Дато остановился в дверях. Раздраженно обратился к ней:

— Если хочешь, повезу на рынок. Манана уши прожужжит своим постом.

— Дато, что с тобой? Как ты разговариваешь?

— Устал... На улицу выходить тошно. — Он подошел к столу, наклонился и тихо добавил: — Укрепляет почву, — протянул указательный палец в сторону комнаты ответственного секретаря. — Они, ты ведь знаешь, любят чувствовать под собой твердую почву.

Она завязала тесемки на папке. Не могла решить, взять рукопись домой или оставить.

Дато, стоя в дверях, нетерпеливо окликнул ее:

— Не идешь?!

Она взяла папку и поспешила к выходу.

* * *

Они сели в машину, пакеты Дато положил на заднее сиденье. Включил зажигание.

— Уговори ее, пусть сделает...

— А что я могу сказать? Если она решила, ^{всё} равно родит. Ведь и второго она так родила.

— На кого надеется?! Не видишь, что творится, ^а детям есть надо, одевать их надо...

— Останови здесь, не надо заезжать во двор.— Она на миг задержалась: — Грех так говорить. Даже думать грех... Я пошла...

* * *

«Мужа номер два», как называла она его при матери, дома не оказалось. Чрезмерная чистота, которой поначалу она наслаждалась и от которой веяло покоем, в последнее время вызывала в ней неосознанное раздражение. Два раза в месяц приходила уборщица с работы «свекрови номер два» и натирала до блеска всю квартиру. Второй муж был одержим манией чистоты и порядка. Энергия била из него фонтаном. В детстве он с таким увлечением отвечал на уроках, что все в классе слушали его разинув рты. Он как магнит притягивал людей — любого возраста. Он заканчивал школу, когда стало известно о его связи с классной руководительницей, преподавательницей английского. Ее уволили, он же закончил школу на золотую медаль и, как сам говорил, ступил на дорогу, ведущую к успеху. Пил редко, и, если случалось бывать на дне рождения или свадьбе, распорядка дня не менял: в семь часов утра бегал на Черепашьем озере, в восемь, восстановив в себе энергию, ложился к ней в теплую постель, обнимал сильными руками и овладевал ею с такой страстью, словно брал непреодолимый барьер.

Недавно выступал на телевидении, рекламировал собственную фирму. Как только появился на экране, обернулся к жене, не скрывая своего восторга: «Гляди-ка, какой я киногенный, ты не находишь?». День завершался отработанной привычкой: откидывал с постели покрывало, проводил ладонью по простыне — на ней не должно быть ни одной складки, — ловко и быстро раздевал ее и изгонял из себя оставшуюся часть энергии.

...В квартире было так холодно, что она легла в постель. В полусне вздрогнула от телефонного звонка.

— Что делаешь? Дато передал мою просьбу? — Это был муж.

— Да, сказал. Мы заехали на рынок. Купила тебе язык.

— Что купила?

— Язык. Говяжий язык.

— Языка не хватало! — засмеялся он. — Целых три часа болтал с итальянцами. Представляешь, каково?..

— Представляю...

— Тебе плохо?

— Не знаю...

— Когда пойдём к врачу?

— Пока еще рано. В конце месяца...

— Хочешь не пойдём к Джапаридзе?

— А что там происходит?

— Мальчик родился.

— Поздравь от меня...

— Ты не пойдешь?

— Не могу. Я совсем окоченела.

— Тогда я загляну к ним на минутку, поздравлю и обратно.

— Нет, мне не плохо. Оставайся сколько захочешь. Как ты выглядишь?

— Как всегда — в форме!

А Георгий никогда не был в форме. «Объясни, на кого ты похож?! Одеваться по-человечески не умеешь, ешь стоя, как лошадь, что, у вас нет стульев?!» Георгий не обращал внимания на тирады матери. Подмигивал дочери, которая каталась на трехколесном велосипеде, обнимал стоявшую перед газовой плитой уставшую жену и целовал в шею, возле уха. Она понимала, что свекровь обращалась не к сыну, а к ней...

«Она не провела с ребенком ни одной ночи. Хотя бы однажды привела из детского сада! Нет! Когда же приходила, наставляла, как надо беречься, не время, мол, заводить второго ребенка. Пусть Георгий окончит университет, словно мне самой не надо было закрывать курс. Не обижайся, говорила, мы женщины, да и моя профессия дает мне на это право. Профессия давала ей право интересоваться, когда у меня было и не прозевала ли я. Когда я вернулась из больницы, она даже не взглянула на ребенка. Но не преминула сказать: «Правда, у тебя были идеальные роды, но все-таки несколько недель воздержитесь». Может назло ей... Георгий! Мариам ус-

нула во время еды... В больнице я думала, что не смогу кормить ее в твоём присутствии, буду стесняться. А я... Что же со мной случилось, как я просила тебя! Наверное, со мною что-то стряслось. С женщинами случается, бывает после родов. Одна, родив ребенка, хотела куда-то бежать. Ее с трудом удержали... И я была такая же сумасшедшая. Всего несколько минут. А затем стыд... Стыд. Потом постоянный тихий страх. Чтоб ничего не случилось. С ребенком ничего не... Ты стоял на панихиде в каком-то дурмане... Думал, я не замечаю... Когда с ребятами выходили во двор... В машине. Я все замечала. Все помню. Я сидела окаменевшая, а ты витал где-то... С такой блаженной улыбкой на лице... И после всего ты кричал на меня на кладбище: «Куда идешь, не оставляй меня!». Там осталась Мариам. В том доме. А это кто? Почему стреляют? Мариам. Мариам. В могиле. Голос ребенка. Нет-нет, не стре...»

Она снова была в старом доме. Гонялась за бабочкой.

1991.

МАМА, ПАПА, МОЙ БРАТ И Я

Сегодня утром я пошла в школу с папой. Учительница грузинского сказала: «Напишите сочинение на тему: «Мама, папа и я». Я спросила, если у кого есть брат, можно написать и о брате? Можно, согласилась учительница. Из школы забрала меня мама, усадила на заднее сиденье в машине друга моего отца, сама села впереди и, повернувшись ко мне, спросила: «Узнала? Это Дато». Я сказала, что узнала. Меня повезли на урок музыки. Я не была готова к уроку и получила двойку. Потом мама и дядя Дато отвезли меня на английский, по дороге мама вспомнила, что забыла полотенце, с которым я обычно хожу на плавание, и обещала привезти его. Это плавание добивает меня, домой я возвращаюсь такая вымотанная, что не в силах ничего делать, ложусь и засыпаю.

На английский, кроме меня, должны были прийти

еще двое, но не пришли. Учительница английского возмущалась, не заниматься же ей только со мной, и велела пойти домой. Я ответила, что не могу идти домой одна, за мной должна заехать мама. Она прошла на кухню, и оттуда послышался какой-то шум, точно она била друг о дружку кастрюлями: каждый злится по-своему.

Я сидела в кресле перед журнальным столиком и ждала маму. Я была одна в комнате и не знала, что мне делать. Учительница окликнула меня из кухни, не сиди, мол, без дела, хотя бы уроки учи, пока мама придет. Как она скоро отошла...

Помню, как-то папа рассказывал маме, что в Италии продается специальная посуда, очень дешевая, когда муж с женой ссорятся, они бьют эту посуду и успокаиваются. Мама была в хорошем настроении и смеялась. Когда учительница английского крикнула мне, чтоб я занялась уроками, я вспомнила, что надо писать тему, и решила, что начерно напишу здесь, а дома перепишу. Учительница грузинского языка сказала, чтоб мы были откровенны, и еще чтоб мы не прибегали к помощи родителей.

«У нас три комнаты и лоджия. Живем мы за топографическим техникумом, в Вакэ, все говорят, что у нас хороший дом.

У меня есть мама, которую я о-очень, о-очень люблю, она поэт и нигде не работает. Зато всегда куда-то спешит и говорит, что бывает в редакциях. Папа сердится: я знаю, в каких редакциях ты бываешь,—и начинается ссора. Я выхожу в комнату брата, слышу, как мама кричит: ты хочешь запереть меня дома, никуда не пускать, чтоб я, как рабыня, сидела подле тебя, а я не желаю, я хочу свободы! Папа в ответ кричит: ты не выполняешь обязанности жены и матери и даже мальчика (это о моем брате) отправила в Москву! Мне жалко маму, потому что она заходит ко мне, даскает меня и плачет, и говорит: одна ты любишь меня. И я тоже реву. В день рождения мамы у нас бывает много гостей, друзей мамы и папы. Мама читает стихи, и я очень люблю ее, потому что она самая красивая и делается какой-то грустной, когда читает стихи. Папа бывает немного пьян и жалуется друзьям: «Убивает меня эта эмансипированная женщина, должен прогнать»

ее. И друзья мамы тоже смеются. Я не знаю, что означает слово «эмансипированная», а то бы и я смеялась. О маме говорят, что она очень талантливый поэт. Она пишет стихи о любви, ожидании и одиночестве.

Папу я тоже очень люблю. Он красивый, как артист, высокий, худой, и у него чуть-чуть седые волосы. И это очень подходит ему. И мама тоже худая, а иногда носит отцовские джинсы. Они такие молодые, — мне кажется, папа с мамой никогда не состарятся. А я хочу, чтоб они постарели и стали добрыми. Папа режиссер, а это означает, что он снимает кино. Когда у него съемки и он приходит очень-очень поздно, мама утром говорит: что, у тебя новый роман? Папа книг не пишет, и я не знаю, что это за новый роман у него.

Мне кажется, мама с папой очень любят друг друга. Но иногда не любят и ссорятся. Однажды они очень сильно поссорились, и когда они замолчали, я вышла из ванной, где заперлась, чтоб не слышать их криков. И когда я вошла в комнату, папа с мамой целовались в губы, как женщины и мужчины по видео.

Мне стало не по себе, и когда они увидели меня, они тоже застеснялись. Мама сказала, ложись, уже поздно. И они вышли в спальню. Я не знаю, как я должна уснуть, потому что когда они не в ссоре, то ложатся вместе, гасят свет и все слушают какую-то музыку. Если им не хочется спать, чего же они ложатся и включают музыку, мне спать не дают. Потому мне хочется спать на уроках.

А вчера папа заявил маме: ее, это меня, я оставляю у себя, а вы с Дато разбирайтесь сами. Пусть скажет спасибо, что я не убил его. Мама сказала, если хочешь развестись, то пожалуйста, только отсюда уйду не я, а ты, и ребенок останется со мной. Они все ругались, ругались, потом папа сел в машину и куда-то уехал. Мама успокоила меня: никуда он не денется. И в самом деле: утром он был дома. Папа тоже очень любит меня. На зимние каникулы он повез меня к брату в Москву. У брата были экзамены, а мы с папой всюду гуляли. Я не хочу, чтоб папа уходил. У дяди Дато есть свои дети, и пускай он остается со своими детьми.

Моему брату восемнадцать лет, он старше меня на целых восемь лет. Вчера папа крикнул маме, когда они поссорились: «Нуцу ты родила, чтоб удержать меня!», и

мне было очень больно слышать это, словно я не их дочь.

Брат мой учится в Москве. Он тоже, как папа, будет снимать кино. Он такой способный, что на самом главном экзамене получил пятерку. Неделю тому назад Гуга прислал мне письмо, — он пишет только мне. В этом письме он писал, чтоб я много читала, и еще, что я могу слушать его пластинки, только надо стараться не поцарапать их. И под конец — не обращай внимания на маму с папой, они психи.

Когда мы с папой были в Москве, Гуга в институте показал нам свой первый, совсем малюсенький фильм. Это был очень печальный фильм о маленьком мальчике, папа и мама которого постоянно ссорились. А мальчик всегда был грустный и печально бродил по улицам. Потом этот мальчик купался то ли в озере, то ли в реке и утонул. И я очень тихо плакала. Папа целовал меня в голову и успокаивал: не плачь, и мне показалось, что у него тоже блестят глаза. И мне его тоже стало жалко. И еще в конце фильма была очень хорошая музыка, очень знакомая, и я догадалась, что это Бах. Я спросила Гугу: почему утонул этот маленький мальчик, разве его не жалко? Он сказал: так нужно было, потому.

Мне десять лет. Учусь в четвертом классе. Больше всего люблю читать сказки. И музыку очень люблю. Но у меня очень строгая преподавательница, и я не хочу к ней ходить. Зато кручу пластинки брата. Не только джаз и рок-н-ролл, но Баха, Чайковского. Очень люблю «Лунную сонату» Бетховена, когда слушаю ее, все время плачу. И еще люблю танцевать. Когда у меня день рождения, мы всегда танцуем, и взрослые много смеются. И еще я очень люблю одну девочку. Она моя одноклассница и самая лучшая моя подруга. И у нее тоже папа с мамой постоянно ссорятся.

Я очень хочу, чтоб мой брат поскорее вернулся. У папы с мамой никогда не хватает времени для меня, а когда приедет домой брат, мы всегда будем вместе.

Так и живем мы — мама, папа и я.

А вообще-то я хочу, чтоб и у нас было так, как в сказках, где все хорошо кончается. Чтоб мы жили дружно и счастливо — мама, папа, мой брат и я».

1988.

ЧТО ОБЕЩАЕТ НОЯБРЬ?

საქართველო
ლიტერატურა

— Д свочки, поднимайтесь! Быстренько застелите постель, наведите красоту — будем завтракать!

Нино разбудил голос санитарки Зины. Она уже почти месяц находилась в больнице, но с трудом привыкала к тамошнему режиму. В семь утра больных будили, в девять вечера давали снотворные таблетки, а в десять все должны были лежать в постели. Правило это вчера вечером нарушила медсестра Нуну, объявив больным, что они могут петь и танцевать, но так, чтоб не беспокоить других, и больные — все, независимо от возраста, пели печальные песни о безнадежной любви, и глаза у них были при этом подернуты слезой, патетически читали стихи об отчизне; иногда звучали и частушки, а бедовая Цисиа из Рустави, придерживая стул ногами, ловко отбивала такт. И сменялась на первый взгляд беспричинная грусть столь же беспричинным весельем.

Происходило это в длинном коридоре отделения, а в трех больших на восемнадцать коек палатах, где всю ночь горел тусклый свет, кто-то из больных плакал, кто-то разговаривал сам с собой; одна, укрывшись с головой одеялом, ритмично покачивалась на кровати с металлической сеткой... Нино лежала, повернувшись лицом к стене, и пыталась уснуть.

Вчера вызывали к заведующему отделением. В кабинете, кроме него, находились еще трое врачей, в том числе и ее лечащий врач — Ирина Георгиевна, высокая худая блондинка с зелеными глазами, лет пятидесяти. Какая у тебя красивая врачиха, сказала ей в первый же день шестнадцатилетняя Марина. Ее привезли из какой-то глуши. Двое ее ровесников надругались над бедняжкой, и врачи целый год пытались вернуть ее к жизни. Как только Нино появилась в больнице, Марина схватила ее за руку, с таинственным выражением на лице потащила в самый конец коридора и, бледная, с широко раскрытыми глазами, потрескавшимися губами, спросила умоляющим голосом: «Ты ведь любишь меня?».

Калбатони Ирина успокаивающе улыбнулась Ни-

но, а заведующий отделением, батони Тарнэл, засыпал ее вопросами.

— Так вот, скажите, как будете жить? Какие у вас планы?

— Никто заранее не знает, как будет жить, а что касается моих планов, я должна учиться и работать, чтоб существовать...

— Надеюсь, дурные мысли не приходят в голову? Нино улыбнулась.

— Вот и отлично! Живите так, как живут все нормальные люди!

* * *

В больнице дни так походили один на другой, что Нино не знала, какое сегодня число и какой день недели. Ей хотелось вот так, с закрытыми глазами, лежать целыми днями, но вдруг Зина откинула с нее одеяло.

— Вставай, ты что режим нарушаешь? Все уже на ногах, а она все еще валяется!

Нино встала, надела халат и принялась заправлять постель, потом достала из пакета полотенце, мыло, зубную щетку и расческу и пошла в туалет в конце коридора.

Там как всегда была очередь. Кто успел умыться, стоял перед зеркалом, висевшим на стене рядом с туалетом: молодые подводили глаза, женщины постарше красили губы, но этому «прихорашиванию» приходил конец с появлением медсестры Венеры, которая требовала выбросить всю эту гадость: здесь, мол, не балмаскарад — больные должны походить на больных.

Наконец Нино умылась и причесалась, не глядя в зеркало. Но в палату войти не смогла, в дверях ее остановила санитарка Наташа и не преминула упрекнуть: не встала вовремя, а теперь вот палату убирают и устроили сквозняк.

Палаты убирали не уборщицы, а самые жалкие больные. Нино села на стул, и к ней тотчас под села Марина.

— Ты принесешь мне пирожные?

— Непременно. Когда принести?

— Сегодня же, и...

— Марина, я не хочу обманывать тебя. — Нино

погладила девочку по растрепанной голове: — Сегодня я, наверное, не смогу. На днях же непременно навещу тебя.

— Все обещают, но потом никто не приходит... обиженно проговорила Марина и взглянула на Нино с недоверием. — Ты будешь любить меня?

Нино посмотрела в окно. Шел дождь. Она обняла Марину за плечи, прижала к себе:

— Буду любить. Больше всех...

— В деревню ко мне приедешь?

— У меня же нет адреса...

— А для чего тебе адрес, спросишь чокнутую Марину, там меня все знают.

— Ты не сумасшедшая. Тебя обидели... Ты увидишь, полюбит тебя кто-нибудь и...

— Никто не полюбит! Даже мать оставила меня...

— Марина, мама далеко.

— Да, далеко...

Больные знали, что Нино выписывается, и почему-то избегали ее. Одни смотрели на нее с откровенной завистью, другие со скрытой ненавистью, точно она изменяла им.

— Девочки, соедините столы, каждый пусть сядет на свое место. Чтоб не было драки! — распорядилась санитарка Зина.

Больные принесли свои стулья и сели за сдвинутые столы.

Нино вошла в проветренную палату, надела свитер, джинсы и ботасы и пошла в столовую.

— Ты снова нарушаешь порядок! Успеешь покривляться... — сказала Зина.

Нино пристально посмотрела на нее.

— Да ладно уж, хотя бы халат надень.

Нино не ответила, села на свое место рядом с Мариной, оглядела больных и сказала:

— Их самих надо лечить...

Воцарилась тишина. Больные опустили глаза, уперлись взором в голые столы. Неожиданно Марина стукнула по столу кулаком и закричала:

— Никого не боюсь! Что хочу, то и буду говорить!.. Никого не боюсь!

Зина с окаменевшим лицом разносила кашу. Подойдя к Нино, сказала с издевкой:

— Дома тебе никто не сварит кашу...

— Убери эту тарелку, — Нино оттолкнула тарелку с кашей.

— Вот придет профессор, я все скажу ему. Поглядим, как тебя выпишут, — пригрозила Зина и положила ее тарелку перед Мариной.

— Не хочу вашей каши! Сами ешьте! — вскочила со стула Марина.

— Мариночка, уйдет твоя Нино и посмотрим потом, как ты запоешь!

Нино с трудом усадила Марину и молча дала понять ей, что лучше не шуметь.

— А это чай сударыне. В ее чашке. Видите ли, из здешней чашки она пить не желает... — Зина поставила перед Нино чашку, тонкий ломтик хлеба с маслом положила прямо на стол и доспешно удалилась.

Больные ели жадно и шумно. Нино сидела, опустив голову. Ее тошнило от запахов столовой и безудержного аппетита больных.

— Побыстрее, скоро придут врачи! — вновь раздался голос Зины.

Нино вошла в палату и легла на кровать. Она была равнодушна ко всему, точно и не рада, что ее отпускают домой.

Санитарка Венера прикатила в палату тележку с лекарствами, села у ног Нино и стала вызывать больных.

— Карамзина!

Эта молодая женщина приехала из Сибири с двумя чемоданами и тремя санками. В больницу ее привели милиционеры, она была в возбужденном состоянии.

Санитарка дала ей три разноцветные таблетки. Лена Карамзина положила в рот все три таблетки и запила водой из маленькой пластмассовой чашки.

— Открой рот! Хорошо открой!

Лена открыла рот, как учили ее в больнице, высунула язык и потом подняла его к нёбу.

Венера, довольная, обратилась к Нино, все еще лежавшей спиной к ней:

— Не выплевывает, глотает, как конфеты. На, вот, выпей это, скоро придет твоя сестра — и айда домой!

Нино повернулась к санитарке:

— Не хочу, тетя Венера... Мне уже хорошо...

— Доченька, не я ведь назначала эти лекарства...

Ты не обращай внимания на санитарок, это жизнь их так озлобила.

Нино послушно взяла у нее маленькую белую таблетку и проглотила ее.

Перед Венерой выстроилась очередь. Больные с таким нетерпением ждали своей очереди, словно им и в самом деле раздавали конфеты.

— Кечагмадзе! Заира!

От очереди отделилась Заира в серой остроконечной вязаной шапочке. Она подошла к санитарке и, как нищенка, протянула ладонь.

— Заира, сними ты эту шапку... Что, она по-прежнему ловит Америку? — с улыбкой спросила Венера.

Заира неловко улыбнулась, собиралась было что-то сказать, но ее опередила Цисиа.

— Сестра Венера, она говорит, что голоса заглушают... — и захихикала.

— Брось ты, сколько можно дурачиться? Потому тебя и не выписывают...

— Ничего подобного... Не выписывают потому, что я боюсь соседей... — ответила тотчас погрузневшая Цисиа.

Нино по-прежнему лежала, отвернувшись лицом к стене. Сестра говорила кому-то:

— Открой, открой как следует рот! Знаете ведь, меня не провести!

Наконец Венера раздала лекарства. Одни больные рассказывали друг другу всякие небылицы, кто-то пытался уснуть, другие ходили взад-вперед по огромной палате.

Нино встала, подошла к зарешеченному окну, долго смотрела на наводящий тоску дождливый пейзаж... Тягучее время словно застыло на одном месте.

В палату вошла сменщица Зины санитарка Манана, подошла к стоящей перед окном Нино и сказала:

— Тебя просят зайти в кабинет к врачу.

Нино последовала за медсестрой.

Ирина Георгиевна заполняла больничный лист, она улыбнулась Нино:

— Садись, через полчаса придет твоя сестра. Скажи, как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, хорошо.

— Мне не нужен формальный ответ.

— Ничего...

— Нино, дорогая, и этот ответ мне не нравится. Я должна быть уверена в том, что ты в самом деле чувствуешь себя хорошо. Помнишь, вчера, раздраженная, ты сказала заведующему отделением, что будешь учиться и работать, чтоб существовать... Неужели мы делаем все это только ради того, чтоб существовать?..

— Да, наверное ради этого. Другой цели я не вижу.

— Цель, дорогая моя Нино, — сама жизнь. Я, наверное, лучше других могу понять тебя. Я была совсем маленькой, когда моих родителей сослали, вырастила меня бабушка, совершенно одна, в крайней нужде. Понимаю, трудно, очень трудно, когда в один год теряешь и мать, и любимого. Это ужасно, но то, что ты натворила — не выход из положения.

Нино повернулась к окну.

— Ты не слушаешь меня? — спросила Ирина.

Нино отвела взгляд от окна и словно про себя проговорила:

— Боюсь...

— Чего ты боишься?

— Того, что за окном... Жизни боюсь...

Ирина достала из нагрудного кармана халата коробку импортных сигарет и зажигалку. Предложила сигарету Нино.

— Спасибо, я предпочитаю «Космос», — отказалась Нино.

— Не бойся ничего. Ты просто-напросто отвыкла от каждодневной жизни. Твоя сестра сказала, что всячески поможет тебе, только бы ты училась.

— Ей хватает мужа и троих детей...

— Ты никогда не работала, нелегко тебе будет. Пока поможет сестра, а через год ты окончишь институт и сама о себе позаботишься.

— Хорошо. Постараюсь жить, как все нормальные люди.

— Твоя ирония неуместна...

Нино стала стыдно. И она сказала:

— Простите, калбатано Ирина. Обещаю, что больше такое со мной не повторится...

Ирина положила сигарету в пепельницу, встала, подошла к Нино, наклонилась и поцеловала в щеку.

— Выйдешь отсюда и поймешь, как прекрасна жизнь...

В дверь постучали. Ирина Георгиевна специальной отмычкой открыла дверь. В коридоре стояла сестра Нино. Ирина попросила Нино подождать в коридоре.

Возле двери на стуле лежала сумка, принесенная сестрой. Нино достала из нее куртку и шарф, но раздумала одеваться, пошла в палату. Марина лежала, укрывшись одеялом по самые глаза. Нино подошла, убрала с лица одеяло.

— Марина, ухожу... Не скучай, хорошо? Знаешь, какие сестра печет вкусные торты?! На днях принесу тебе...

Марина захныкала, как строптивый ребенок:

— Не хочу торт! Не буду есть! Все обещают, что придут... Но... Никто не любит меня...

— Не верь этому!.. Все помнят тебя, все любят!..

— Все меня обманывают... — Марина вновь натянула на себя одеяло.

В палату вбежала Цисна, крикнула Нино:

— Одевайся скорее, тебя отпускают домой!

Нино остановилась посреди палаты и, опустив голову, проговорила:

— Прощайте...

Никто не ответил ей. Больные смотрели на нее не с завистью и ненавистью, как утром, — безнадежность, страх перед будущим — вот что увидела Нино в их глазах. И было очень тихо. Только тихий плач Цисни нарушал эту мучительную тишину.

В дверях отделения Нино ждали Ирина и сестра. Нино поспешно надела куртку, обмотала шею шарфом, ища при этом слова для прощания с врачом.

Ирина протянула ей листок бумаги.

— Здесь мой домашний телефон, адрес знает твоя сестра. Если что, позвони непременно.

Нино молчала, опустив голову, потом подняла на врача глаза и тихо проговорила:

— Спасибо...

ЭРЧЭЭЭЭЭЭ
ЭНЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭ

На улице по-прежнему лил дождь.

— Умоляю, поедem поскорее домой, иначе я и в самом деле сойду с ума... — взмолилась Нино.

Остановили машину. Когда подъезжали к дому, Нино сказала, что поднимется к себе одна, ночью почти не сомкнула глаз, хорошо бы немного поспать, а сестра может ехать домой — дети ждут. Сестра и в самом деле спешила — детей оставила на попечении соседки, — но она помнила совет врача не оставлять на первых порах Нино одну и потому нерешительно проговорила:

— Как ты будешь одна?.. Обед, правда, готов, виноград и мандарины на балконе, хлеб купила, Офик убрала квартиру.

— Спасибо... Я в самом деле предпочитаю остаться одна.

— Хорошо, не нервничай, Завтра собираешься в институт?

Нино не ответила, вышла из машины, взяла сумку и скрылась в подъезде. Отперла ящик, достала газеты, поднялась на второй этаж.

В прихожей почувствовала привычный запах — лимона и французских духов. Сердце сжалось, она остановилась, не выпуская из рук сумку и газеты. Потом положила сумку возле вешалки, закрыла дверь на цепочку, выключила телефон, взяла свежую газету, вошла к себе не снимая куртки, легла на диван. Взглянула, за какое число газета: 31 октября. В газете была напечатана программа телепередач на неделю, а рядом — прогноз погоды под заголовком: «Что обещает ноябрь?».

Нино закрыла газетой лицо и заплакала.

1987.

Перевод Динары **КОНДАХСАЗОВОЙ**

Писателю Вилли Хацкевичу, давнему другу и автору нашего журнала, исполнилось шестьдесят лет. Редакция «Литературной Грузии» поздравляет его с юбилеем, желает здоровья и творческих успехов.

Рассказы

СТАРЫЕ ВРЕМЕНА

В той старой Москве, щеголявшей копеечными бутербродами с семгой, громадными вестибюлями и колоннадами недоступных мне гостиниц, узкими брюками «стиляг» и широкими — ортодоксов, в той Москве, в центре, на Горьковской, был необычный стеклянный экран. По вечерам стекло изнутри освещалось, и за ним, как в аквариуме, проплывали какие-то цветные фотографии. Называлось это — «фотовизор». Название я узнал потом, когда познакомился с автором изобретения.

Я был тогда очень молод, ночевать в Москве мне было негде. В молодости такие обстоятельства не очень-то беспокоят. Побродив допоздна по городу, я залез в трамвай у Курского вокзала, проделал казавшийся бесконечным путь до Лефортова вала, разыскал общежитие Бауманского и долго мерз у подъезда на пустынной улице. Наконец показалась компания студентов-полуночников. Я пристроился к ним, благополучно прошел мимо вахтера и на каком-то этаже нашел знакомый по письмам номер комнаты моего бывшего одноклассника. Он был удивлен, обрадован, уступил мне половину своей узкой койки. Но поспать не удалось: всю ночь мы говорили о девочке, чье имя, лицо и жизненные обстоятельства я теперь начисто забыл.

В семь утра общежитие засуетилось: мы стояли в

очередях у туалетов, кранов, дрожа, обливались ледяной водой, бежали по нескончаемым коридорам, лестницам и очутились в огромной зале-столовой, где я впервые увидел иностранцев. Иностранцев было множество, они держались просто, сидели за такими же столиками, как и мы, но все же очень отличались от нас: все они были китайцами. Позавтракав в обществе юных и дружелюбных будущих жертв культурной революции, мы с клубами пара вывалились из проходной на морозную улицу, условились, что я приду в шесть часов, и попрощались.

Но в шесть новый вахтер извлек меня из толпы студентов, потребовал пропуск, хотел конфисковать паспорт, и я едва унес ноги...

В городе, из которого я приехал, жила в то время известная балерина, москвичка. Она была голубоглаза, красива, дружила с моей мамой и волновала меня загадочными взглядами. У нее мама раздобыла для меня московский адрес, которым я пренебрег, так как помнил загадочные взгляды и считал свою влюбленность в балерину несовместимой с обыденными нуждами.

Но двухдневное пребывание в Москве уже начало плодотворно сказываться на моем мировоззрении, тем более, что температура упала до 20-ти градусов мороза и хождение по улицам без шапки, зимнего пальто и рукавиц становилось невозможным.

Поздним вечером я вышел из метро на Преображенке и пошел искать место жительства отца балерины, который, оказывается, носил другую фамилию, не такую звучную, как у дочери.

Он жил в старом экспериментальном доме: длинющие коридоры с общими туалетами, по сторонам — квартирки с крохотными клетушками-кухнями. Обшарпанный вид дома свидетельствовал, что эксперименты прекратились. Дверь из коридора открывалась прямо в кухню. Через нее я прошел в единственную комнату. Хозяин — маленький лысый человек с круглым, как у дочери, лицом и рассеянными голубыми глазами, был подвижен, плохо выбрит, одет в потертый коричневый костюм.

— Садитесь, — сказал он строго, — рассказывайте, как моя дочь?

Я стал рассказывать об успехах балерины, с тревогой оглядывая комнату: в ней не было второй кровати.

На широком и пыльном дощатом столе громоздились какие-то приборы, радиодетали, линзы, матовый стеклянный лист. Странные, квадратные, по-видимому самодельные, тумбы стояли в комнате. Кроме них, был еще стул, на котором я сидел, и незастеленная кровать с двумя матрасами, но без постельного белья.

— Легко одеты, — вдруг прервал меня хозяин. — Тепло у вас на юге?

— Да... — виновато признался я.

— А оставились где?

Узнав, что это и было основной целью моего прихода, старик неожиданно посмотрел знакомым взглядом балеринных голубых глаз.

— Хорошо, что вы пришли ко мне. Неопытный молодой человек в большом городе... Всякие могут быть встречи... Там, где я побывал, — насмотрелся. Могу устроить вас в общежитие. В райкоме меня уважают — стоит только позвонить... Но... лучше вам остаться здесь.

Он подошел к одной из квадратных тумб, стал двигать ее к другой. Я помогал ему.

— Тяжелая, здесь книги. Я сам делал — очень удобная мебель: так поставить — кресло, сдвинуть вместе — кровать, а вообще это шкаф.

Мы сняли с кровати и переложили на сдвинутые вместе тумбы один из матрасов, подняв при этом облако пыли.

— А как у нее с мебелью? Если б она пригласила меня, я ей все наладил бы, оборудовал...

Я вспомнил огромную спальню балерины, антикварную кровать под балдахин, на которой она возлежала, и промолчал.

— Простынь нет: жена заперла белье, когда уезжала. Ведь она там, у дочери...

Действительно, какая-то маленькая старушка неслышно ходила у балерины по квартире.

— ...Сам я так обхожусь, — старик вытащил откуда-то ватное одеяло без пододеяльника.

Я снял пальто и с наслаждением присел на матрас, чувствуя себя обладателем спального места в великом городе. Было тепло, ломило колени и клонило ко сну.

— Чай! Вам надо согреться!

Мы прошли в кухоньку, на газовую конфорку был поставлен серый алюминиевый чайник. Чайник этот мне запомнился. Года через два старика прихватил на кухне инсульт — он упал, расшиб затылок и умер в одиночестве, а чайник на плите все кипел; выкипел, потом развалился, через день-два чад от него проник в коридор и соседи обнаружили покойника.

Все это было потом, а сейчас я сидел на своем матрасе, пил восхитительный сладкий чай из эмалированной кружки, старик же, склонив лысую голову над приборами, что-то мастерил.

— У меня есть телефон: можно позвонить... Ну да, — она не знает номера... — Он доверительно посмотрел на меня балерининым взглядом: — Звонить можно после восьми вечера, когда все из ЖЭКа уходят. Я подсоединился к линии — он кивнул на два тонких белых провода, вившихся от дверного косяка к телефонному аппарату, затерявшемуся на столе: — Все равно после восьми там никого нет, телефон простаивает. Я решился... Но... — он помрачнел — до восьми ни в коем случае звонить нельзя!

Я пил чай маленькими глотками, матрас ласково прижимался ко мне.

— Обещают телефон, — продолжал старик. — В райкоме меня уважают: я им сделал фотовизор...

— Что?

Старик показал на матовый экран, прислоненный к стене, на стеклянный лист и приборы на столе:

— Фотовизор, мое изобретение, получил авторское свидетельство. Один уже установлен на улице Горького, будут еще... Громадное будущее: для объявлений, рекламы...

Я присмотрелся и понял, что именно такой экран привлек мое внимание во время вечерних скитаний по московским улицам.

— ...Но никто не берется производить. Приходится делать самому. Обещают, правда, спустить заказ...

Он стал говорить о каких-то не интересных для меня переговорах с заводами, производящими оптику, затем опять спросил, как устроена дочь.

— С тех пор, как меня выпустили, ни одного письма не написала... Я мог бы ее фотографировать. Кто ее фотографирует? Я видел снимки, афиши — не годятся!

— Хорошо фотографируете? — спросил я из вежливости, стараясь не клониться к манящему матрасу.

— Я? — выпрямился старик. — Я фотографировал Сталина.

— Вы видели Сталина?!

— Как вас. Послушайте. Сколько лет прошло, а помню все. Это было в году.. 29-м, нет, в 30-м. Я молодой был, приехал из Бобруйска, но уже заведовал фотолабораторией, хвалили мои снимки. Оборудование тогда было плохое, но линзы... — он перешел на непонятные технические подробности.

Очнувшись от дремоты, я услышал:

— ...и вот — получаю вызов: явиться на Лубянку. Дочь тогда совсем малютка была. Жена — в слезы. Собрала мне кое-что в корзину, и пошел я утром... Посадили меня в коридоре возле какой-то двери, говорят — «ждите, вызовут». Жду, жду, в дверь люди заходят, выходят. До вечера дожидался, стемнело уже... Говорят: «идите домой и приходите завтра». Переспал дома, утром — опять туда. И на третий день — тоже. Опять жду у той двери, опять люди входят — выходят. Не вытерпел, думаю: будь что будет! — Встал, открыл дверь, захожу и вижу... В комнате будто сцена сделана — он показал рукой: — возвышение такое, помост. На нем — письменный стол, на столе много телефонов. За столом большой начальник хватает телефонные трубки: то одну, то другую, то обе сразу. И говорит в них. Увидел меня, закричал: — «Ждите!» Я — за дверь. Жду. Стемнело, коридор опустел...

Вдруг открылась дверь, выбежал тот начальник, коренастый такой, плотный, крикнул мне: — «За мной!» — и бегом по коридору.

Я — за ним. Не помню, как на улице очутились, как ехали. В трамвае, кажется. Приехали на Курский вокзал. Вышли на перрон к отправлению сочинского поезда. Помню: летний вечер, тепло, провожающих полно, людей беззаботных. Все у них хорошо, прощаются с отъезжающими, машут руками...

А меня подводит он к тому месту, где состав кончается, где людей нет. — «Стой здесь» — и исчез.

Оглянуться боюсь. Вдруг подходит ко мне человек: «Вы — говорит — такой-то? Распишитесь и получите деньги». Отвел в сторону, там ящики пустые стоя-

ли. Он прямо на ящик бумагу положил — список, и моя фамилия в списке. Чернильный карандаш прислонил: — «Распишитесь».

Я обрадовался — в голосе старика стал сильнее пробиваться еврейский акцент: — Вы же понимаете — если дают деньги, значит, хотят, чтобы ты жил...

А поезд все не отходит, задерживается.

Вдруг подают последний вагон. Подцепили его быстро. Этот человек говорит мне, чтобы залезал. Залез — внутри хорошо, чисто, люди серьезные, военные. Тронулись. Определили мне место в купе, вдвоем с военным. Молодой такой, но в петлицах у него... — пошли рассуждения о тогдашних знаках различия: шпалах, ромбах, квадратах...

Старик приладил что-то к прибору на столе, погладил лысину и продолжал:

— Едем, поезд быстро шел, — раскачиваемся. Сидим с этим военным друг против друга, одни в купе. Он молчит и я ничего не говорю. По коридору люди прошли — несут что-то. Он выглянул в коридор, оглянулся на меня: — «Айда за провиантом!».

Там буфет был в другом купе — буфетчик в белом халате, — и чего только нет: колбаса, ветчина, рыба всякая, ящики с лимонадом, пивом. А время было голодное...

Военный взял ящик пива, меня нагрузил ветчиной, салом, колбасой, осетриной, хлебом, маслом. Пришли к себе, нажали на все это. До сих пор помню — как вас вижу: горит в купе свет электрический желтый, сидит военный против меня, жует хлеб с салом, пивом из бутылки запивает, а сало течет по подбородку...

Старик улыбнулся кому-то невидимому...

— Я тоже прихватился: от волнения, усталости, да и голоден был. Потом военный залез на верхнюю полку, повернулся к стене, заснул. И я полез наверх, забылся...

Проснулся, через сколько времени — не помню, оттого что поезд стал. И еще от того, что страшно схватило живот: переел накануне. Тишина, свет горит, душно. Чувствую — конец. Скатился кое-как с полки, по пустынному коридору — в туалет. Взгромоздился, сижу на корточках, за оконный переплет держусь. Оконное стекло полуспущено. Снаружи — теплынь: на юг едем.

Посидел, стало приходить ко мне облегчение. Стал осматриваться: окно открыто на уровне лица. И тут... я увидел... его!

Старик торжествующе блеснул голубыми глазами: — Он прохаживался возле вагона, дышал воздухом. С ним ходили еще человека три. Разъезд большой — много путей. И по дальнему пути пошел встречный — товарный состав.

Сталин остановился прямо под моим окошком — считает вагоны: «адин, два, ...восемь...» — медленно так. Семнадцать насчитал. Потом обернулся к...

Старик назвал очень красивую фамилию, какие брали себе до революции подпольщики, террористы, происходившие из маленьких еврейских местечек.

— «Семнадцать вагонов. Не много ли?» — Тот отвечает: «Нет, товарищ Сталин, — не много. Паровозов у нас не хватает, надо загружать, но, конечно, так, чтобы не повредить чего-нибудь. Семнадцать — как раз. Меньше — мало, больше — плохо...»

А я сижу, слушаю и чувствую, как покой в меня вливается, радость...

— А потом?

— Потом приехали в Сочи. Дали мне парусиновый костюм белый, аппарат немецкий, цейсовский — фотографировал его и вообще... — старик вдруг замкнулся в себе, будто пожалел о недавнем многословии.

— И говорили вы с ним?

— Конечно. Как с вами. Помню, как-то гулял он по саду один. Я подошел сбоку — хотел снимок сделать хороший: щелкнул аппаратом. Он вздрогнул, обернулся: — «Вас здесь не хватало...» — и посмотрел так добро! Он всех любил. Вы не верьте, что говорят...

Мне тогда форму дали, в петлицах были... — опять пошли непонятные рассуждения о ромбах, квадратах, о том, чему это соответствует.

-- Воевал я в финскую... А потом арестовали... Он не знал этого. Если бы он узнал...

Веки мои стали тяжелыми, смежались, я изо всех сил старался держать глаза открытыми и смотреть на маленького старика, возившегося с проводами и приборами...

— Если бы он знал, — повторял старик, раскачи-

ваясь над фотовизором, как еврей над молитвенником, — если бы он знал, что со мной сделали...

— Да... — ответил я, стараясь соблюдать приличия: страшная усталость давила на плечи, пригибала голову к желанному, бесстыдно обнаженному, пыльному матрасу. — Конечно...

Тьма навалилась на меня. Заплясали во тьме снежинки, огоньки высотных громад, яркие рекламы с улицы Горького...

Та Москва была очень молода, а может, это я был молод. И фотовизоры в ней были: один на улице Горького, другой — в растворе «Метрополя», следующий — на Кузнецком мосту. А потом все они исчезли.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УМЕЛ...

В юной памяти Марата он сохранился, как существо, жившее очень недолго: от ранней весны до поздней осени одного из давних пятидесятых годов. Весной появился, поздней осенью исчез, а запомнился и повлиял...

— Повлиял? — как-то раз удивился Марат.

Почему-то всегда думал, что повлиял, а на самом-то деле — как? Покопался в бумагах, нашел на дне ящика, среди пожелтевших, еще, быть может, студенческих тетрадей рисунок карандашом: профиль остроносого юноши со впалым нерешительным подбородком. Несколько линий — твердой, уверенной рукой. Посмотрел в зеркало на себя обрюзгшего, столько раз предавшего, и понял: только таким и должен был стать тот, просвеченный на белом клочке ватмана востроносый — он предназначен предавать, предавать...

Но ведь не хотел. Конечно, не хотел. Для начала предали его.

Он стоял с Марленом у входа в городской сад, у знаменитой чугунной решетки, которую много раз описали в мемуарах бывшие юнкеры, когда-то фланкировавшие в саду, и бывшие революционеры, перелезавшие

через ограду во время исторического расстрела первомайского митинга. Теперь решетки нет: в начале семидесятых годов очередной председатель горсовета побывал с делегацией в новой бразильской столице, построенной Оскаром Нимейером среди дикой пустоши, восхитился «архитектурой будущего», отметил отсутствие в городе оград, садовых решеток, вспомнил, что и в родной деревне, где прошло детство, о чугунных решетках не слыхивали, и, по возвращении, велел снять решетки со всех скверов и садов города. Сделали это быстро и почему-то ночью, как бы подчеркивая таинственность власти таинственного председателя. А Марат, к тому времени уже не поэт, а молодой журналист, поместил в газете статью, одобряющую снятие той старинной решетки, хотя возле нее впервые целовался с Риной, да и деда-революционера застрелили, когда он перелезал через эту ограду во время знаменитого первомайского митинга...

Но в тот теплый весенний вечер ограда еще стояла, на пыльном гранитном парапете ползал брошенный кем-то слепой котенок, а два молодых поэта, Марат и Марлен, рассуждали о спасении слепыша. Апеллировали они к проходившим мимо девушкам и у одной имели успех. Очень красивая девушка по имени Октябрина, или попросту — Рина. Согласно давнему уговору, в таких случаях поэты бросали жребий — монету: «Орел», «решка». Тот, кому не повезло, сразу же, к удивлению новой знакомой, удалялся, ссылаясь на крайнюю занятость. Уйти выпало Марату, но... что за девушка: глаза голубые, взгляд внимательный, добрый, и — губки, ямочки, локон на нежном лбу... Марат потребовал бросать монету до трех раз. Так, с предательства, все и началось. Все три раза ему выпала «решка», но и тогда он не ушел: надо было спасти котенка. Взять котенка домой никто не мог, и сердобольная Октябрина — тоже. Она жалела слепыша, была растеряна и то ли погладила, то ли лишь коснулась парламутровыми в сумерках пальцами жалкой, короткой, словно еще слипшейся от родовых вод шерсти истошно вопящего, но готового покорно раствориться во тьме существа.

— А-а, твою... — раздался матерный вопль и к решетке с размаху прилипла расхристанная, изломанная, как на картинах Пикассо, фигура. Огромные татуиро-

Экспонат

ванные пальцы перебирали, словно струны арфы, чугунные прутья, меж которыми, пошатываясь, пытался встать на ноги котенок. Могучая женщина, употребляя могучие выражения, пыталась оторвать пьяного от ограды:

— Эк тебя... к решеткам тянет, только что ведь оттуда...

— Такой решетки там нет...

— Уйдем, — сказал Марлен: — преступная публика...

Была весна, была оттепель и была амнистия...

— Преступная публика... — повторил Марлен с интонацией своего отца — лектора, преподававшего в институте марксизм-ленинизм. Казалось, — это отец говорил из него.

Котенок с воплем навсегда свалился с парапета к могучим, корявым, но уже бесплотным ногам пьяного, его чернявой лохматой тени-подруге и еще, еще кого-то — Марат не помнит.

Котенок отчаянно мяукал, это было единственное, чем он мог себе помочь, но... его уже не было: его предали, едва он появился на свет...

А перед молодыми поэтами и Риной появился человек, ступавший неуверенно, как котенок, похожий на него пегими слипшимися короткими волосами на круглой костистой голове... Глаза на круглом, но худом лице были такими, какими должны были бы быть у котенка, если бы он их открыл.

Он открыл глаза, сидя на парапете, с которого исчез котенок, кивнул в сторону сада:

— Скамейки там есть, ребята?

Одет он был куда хуже исчезнувшего пьяного: какая-то ситцевая роба, дырявая, холодная.

— Преступная публика...

Но Марат сказал:

— Есть. Что, впервые здесь?

— Я оттуда... — глаза смотрели неподвижно, отрешенно и скорбно. — Ребята, дайте рубль. Мне поесть надо. Взаймы, я не так...

— ...Преступная публика...

— ...Я отработаю. Если скамейки есть, — он улыбнулся, как улыбаются дому, любимой работе, желан-

ному покою, — я отработаю. Приходите в сад завтра, я верну...

— Уйдем, — сказала Рина. — Какой он грязный...
— Преступная публика... — снова откуда-то сверху сказал отец Марлена, и Марлен стал исчезать, удаляться вместе с Риной, они смеялись весело, так, будто спасли кого-то.

Марат дал оборванцу рубль, поспешил за ними, но не догнал.

В том времени много провалов: куда-то исчезали Риночка, Марлен, да и сам Марат исчезал и не мог найти себя в том времени — что-то делал такое, от чего ничего не осталось, или вспоминать не хочется.

Но вот, словно черно-белые кадры старинного кинофильма: он с Риной в саду. На скамье сидит тот самый оборванец — посвежевший, чуть пополневший. На другом краю скамейки — девочка лет двенадцати рядом с матерью. Он рисует профиль девочки на небольшом, с игральную карту, твердом листке ватмана.

— Милиционер!..

Вскакивает, бежит сквозь зеленый барьер кустов. Усаживается как ни в чем не бывало на другой скамейке, оборачивается к сидящей рядом паре...

— Вы? — узнавая, улыбается Марату. — За мной долг. Хотите, нарисую? Или рубль возьмете?

— Нарисуй, — почему-то «на ты» ответил Марат.

И Рина проявила интерес:

— Пусть он меня нарисует.

— Сначала его... — строго сказал... котенок.

Так и появился тот рисунок: нерешительный востроносый юноша, обреченный предавать...

Листки ватмана размером с игральную карту, просвечивающие в рваном кармане... Он рисует колоду — короли и дамы, червонные валеты... Люди в саду становились такими, какими виделись себе в детстве, какими жалели себя в старости. Огрызок карандаша, несколько скупых росчерков умелой рукой и — вот твоя суть, прошлое или будущее, твоя счастливая или несчастливая карта...

— Вот так садитесь... Нет, в профиль... Так... так... Как зовут? — Для чего? Ну, Валя. Меня давно по имени не звали. Марат? — Хорошо, будем знакомы. Там? — Да, долго. За что? — К чему говорить. Рисовать? —

Учился, подавал надежды. Да вот... Разве хорошо получается? Разучился, куда мне. Но платят, по рублю беру за профиль... Там охранников рисовал. За что придется. Сплю? — Здесь, на скамейке. Пока терпимо. Вот и портрет ваш, Маратик. Нет, не надо: я же вам должен... А теперь девушка. Присаживайтесь поудобнее — так, так...

Голубем летает рука над бумагой. Взгляд голубых глаз строг, беспощаден. И вдруг—беззащитное голубое сияние:

— Валя... Меня по имени так давно не звали...

— Да? — Это не беда. Беда—что ни рисую, все не годится, не получается. Разучился, видно, там, на лесоповале, да и раньше... Никогда не получалось, как хотел. — Он посмотрел так, словно исчезнувший слепой котенок прозрел в нем, откуда-то раздался бесплотный крик...

— Да нет, вы умеете... — ответил Марат, с удивлением разглядывая свой профиль: всего несколько линий умелой рукой.

— Если не получается, не надо, — сказала Рина. Ее раздражала беседа, и позировать под взглядами прохожих расхотелось...

— Минуточку... Вот и готово.

— Замечательно, — не удержался Марат, — посмотри на себя, Рина!

Как же так?! Всего три линии на бумаге, а все есть: и губки, и ямочки, и локон на нежном лбу, и свежесть лица, и глаза с карим подсветом, и еще... что-то...

— Что за складка у губ? У меня такой нету.

Молодец Рина. Действительно, нет у нее такой складки.

— Исправить? — Марат с готовностью обернулся к художнику и осекся...

Что-то случилось. Что-то прояснилось у Вали в лице — уходили костистость, схожесть с голодным котенком, даже короткие пегие волосы уже не отдавали кошачьей неприютностью...

— Мне... Мне самому нравится... Много лет ничего не получалось и вдруг... Может, потому, что на воле?..

— Уберите складку, у меня с ней хищное выражение лица.

— Вправду, хищное, — удивился Марат. — И все же так похожа...

— Не уберу.

Пегая стрижка исчезла, была благородная седина, туманные глаза екатерининского вельможи, и руки вельможные — большие, спокойные, белые, с сильными длинными повелительными пальцами...

— ...так должно быть. Не хотите — не берите.

— И не надо, — очаровательно надулась Рина.

— Возьмем, — сказал Марат и шепнул Рине: —

Надо заплатить человеку, он голодал...

— Я дарю, — сказал екатерининский вельможа. — Тебе — протянул рисунок Марату. — Денег не надо...

Здесь был ухаб, провал того давнего времени — Рина исчезла и сам Марат исчез для себя. Остались вельможные руки с повелительными длинными пальцами, удивительно крепкие и уверенные на хилом теле оборванца... И еще оставался, жил в том времени Марлен, он издавал свою первую книгу стихов, — слишком рано для такого молодого поэта, слишком первую в их поколении.

Появилась книга в очень пестрой для тех времен обложке, и появилась Рина — она шла вместе с Марленом по улице. Марат это помнит. Тогда еще ходили под руку. Пестрая книга, пестрая летняя улица (разгар лета?), пестрое платье Рины...

Потом разговор с редактором молодежной газеты:

— Вот именно, потому, что друг. Надо быть принципиальным...

И востроносый с того рисунка, конечно, проявил принципиальность и написал статью о том, какая вредная книга стихов вышла преждевременно.

Марлен все-таки стал нормальным плохим поэтом, членом Союза писателей, а Рина стала плохой женой Марата и над верхней губой у нее появилась та складочка, придающая хищное выражение. Откуда? Ведь тогда ее не было...

Был холодный осенний слякотный день. Моросило, и были уже у дождя свойства мокрого снега. От него седали прически, индевели перила моста. У моста рыли траншею — прокладывали трубы, и грязь, занесенная на мост, была цвета тяжелой серо-желтой воды под ним. Рина держала Марата под руку, прижалась к не-

му. Они хлюпали по мосту, похожему на реку, они по-седали от дождевой морошки в волосах... Были счастливы?

— Мне хорошо.

— И мне, — ответил Марат.

Мяуканье котенка, жалобный всхлип, или слякоть чавкнула под ногами? Кругом совсем посерело от дождя. Навстречу шлепал по лужам разбитыми башмаками человек с круглым костистым лицом, с уже не пегой, а грязно-серой порослью на голове. Он шел неуверенно, как пытавшийся встать на ноги слепой котенок, и его чуть согнутые в локтях руки, когда-то белые, сильные, вельможные руки ссохлись, почернели, дрожали.

— ...Из больницы. Инсульт был. Выписали сегодня. Я просил заведомом толстомордого: подождите... Ведь некуда идти...

Он перехватил брезгливый взгляд Рины, хотел спрятать руку, но рука — ссохшийся темный рудимент — дрожала, не попадала в дырявый карман, где некогда лежала колода судьбоносных карт, — листков ватмана.

— Говорят: дрожательный паралич. Теперь мне уже не нарисовать то, что...

— Надо что-то сделать.

— Пойдем, — сказала Рина. — Ну, дай ему три рубля....

— Спасибо, — сказала дрожащая ссохшаяся рука, пытаюсь зажать трешку.

Рука исчезла навсегда, и появилась складка над верхней губой на таком красивом личике, прямо под ямочкой. Навсегда...

С тех пор прошло много лет. Марат знал множество людей, которые ничего не умели и прекрасно прожили жизнь. Но ведь этот человек умел...

국립중앙도서관

국립중앙도서관

Сандро МЕЙПАРИАНИ

«БУТОН ТУМАНОВ»

ОРИЕНТАЛЬНАЯ ДРАМА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица:

Синдон — отшельник.

Тхак — полководец тэгуна в изгнании.

Святой Архат в образе художника Лима.

Действие происходит в эпоху Корё (XI век) в горах Турюсан (Корея).

Терраса высоко в горах. В глубине просматриваются контуры заброшенной пагоды. Чуть ближе, справа — заросший кустарником вход в грот.

В левой части сцены небольшой барьер, за которым обрыв, ущелье, со дна которого временами доносится шум водопада горной речки.

Рядом со входом в грот — большая сосна, посередине террасы — яма, из которой время от времени вылетают комья земли.

Летом 1991 года по поручению правительства Республики Южная Корея был объявлен международный литературный конкурс под девизом «Корея! Любовь моя!». Жюри под председательством известного религиозного деятеля пастора Ким Джин Хона удостоило звания лауреата Сандро Мейпариани, автора религиозно-философской драмы «Бутон туманов». Награда была вручена в мае этого года.

Действие первое

Входит уставший от долгого перехода Тхак. Он вооружен мечом:

Делает несколько шагов вперед. При его движении раздается странный, хрустальной чистоты звук. Тхак напряженно озирается, обнажает оружие. Но вокруг никого. Еще движение — и снова тот же звук.

Тхак наносит мечом несколько ударов вслепую, пытаясь вызвать на бой невидимого противника. Из ямы показывается голова Синдона. Тхак, замечая его, угрожающе замахивается мечом.

Тхак. Так вот где ты таишься! Покнишь убежище, если не хочешь, чтобы оно стало твоей могилой!

(Синдон медленно, с трудом вылезает. Это изможденный долгими постами и религиозным рвением бородатый старец в рубище, подпоясанном травой. В руках у него лопата).

Синдон (спокойно). Вложи меч в ножны, воин.

(Тхак шагает к нему — и вновь тот же звук.)

Тхак. Ответь немедленно, отшельник, уж не колдовством ли промышляешь ты?

(Синдон снимает невидимые тонкие нити, которые протянуты по траве. Сотрясаются маленькие колокольчики и бубенцы — вновь слышен перезвон. Тхак убирает меч.)

Синдон. Вот и все, путь свободен.

Тхак. Уж не возомнил ли ты, что эта паутина сможет стать преградой и напугать храброго воина?

Синдон. Я ждал не тебя.

Тхак. Объяснись, я не терплю загадок! И побыстрее...

Синдон. Разве ты не оставил суету в долине, среди городского шума? Я же не спрашиваю, что привело тебя в такую глушь, в Башню Феникса моего уединения и разлуки. Здесь даже дровосек — редкий гость.

Тхак (повелительно). Я не привык отвечать на расспросы. И не советую водить меня за нос!

Синдон. По виду ты — янбан. И конечно, перед твоим добродетельным домом в Сондо красуется арка красного цвета. Мой же дымоход не закопчен.

Позволь я продолжу свой труд. К заходу солнца я надеюсь углубить яму хоть бы на одно ча.
Тхак (заглядывая в яму). Оджыбо! Да здесь уже больше двух килей глубины! Чем больше я тебя слушаю, тем меньше понимаю!

Синдон. Лучше я помолчу.

Тхак. Ты не Бодхисатва, умеющий красноречиво молчать. Объясни мне внятно и кратко, зачем взбираться на гору, чтобы рыть землю, вгрызаясь в нее, подобно кроту? Ты стар, и силы твои на исходе. Что движет тобой? Неужто в самом деле сооружаешь могилу? Давно ты копаешься в земле?

Синдон. Мои следы на тропе заросли уж мхом. Поведаю тебе, зачем я здесь, но затем ты уйдешь — тропа ведь ведет дальше. А тут — горестное место и люди не задерживаются... (Указывает на руины павильона.)

Тхак. Не бери меня на испуг! Это же не Павильон Скорби на перевале Шелкопряда.

Синдон. Всего лишь обитель древних хваранов. Эти руины — все, что осталось от школы мудрости. И все же тебе лучше следовать дальше. Здесь воину не с кем сражаться. Идя наверх, не останавливаются на полдороге. А мой путь уже завершен.

Тхак. Я решаю сам, что мне делать! Уйду или останусь — зависит от того, что ты мне скажешь...

Синдон. Одну правду! Так вот, только не перебивай...

Тхак. Запомни, твоя судьба в моих руках! Поэтому торопись!..

(Возбужденно ходит взад-вперед.)

Синдон. Ты все еще сражаешься, но эту вершину штурмом не взять. Ни тебе, ни кому другому уже не удастся поколебать меня. Чтоб понять это, понадобилась вся моя жизнь.

(Поворачивается и уходит к гроту.)

Тхак. Ни шагу дальше! Ты меня убедил — один из нас все же должен уйти. Не хватит сил наверх — тогда назад, спускаться всегда легче... Ты слишком стар и все равно, где примешь смерть.

(Синдон останавливается и резко поворачивается.)

Синдон. Я плохо вижу, иначе бы признал тебя сразу! Ты...

(Тхак в ужасе отступает, отшатывается и... срывается в пропасть. В последний момент ему удается уцепиться за кромку террасы.)

Тхак. Старик, на помощь, спаси меня! Быстрее, умоляю... Я гибну!..

(Синдон бросается к нему, ноги старца подкашиваются и дальше он с трудом ползет на четвереньках. Синдон протягивает Тхаку лопату и изо всех сил пытается втянуть его на террасу.)

Синдон. Сейчас... сейчас... Потерпи минуту, я справлюсь!..

Тхак. Мне нельзя так умирать... такой нелепой смертью...

Синдон (с усилием). Ты... ты военачальник Тхак!..

Тхак. Не продолжай... забудь это имя!

Синдон. Обласканный тэгуном, вознесенный на вершину славы! Возможно, ты сейчас погибнешь, откройся мне перед смертью!..

Тхак. Замолчи! Не изводи меня! Иначе я... я разожму руки...

(Синдон безуспешно пытается вытянуть Тхака. Постепенно сам сползает к краю пропасти.)

Синдон. У меня не хватает сил!.. О Боже! Я всего лишь немощный старик!

Тхак. Услышь же напоследок — я предан и оболган! Изгнан из дворца неблагодарного тэгуна и умираю в неизвестности, смертью, не подобающей воину. Всегда готов был бестрепетно принять кончину, но прежде... прежде я шел... я должен был услышать глас неба! Чудовищная, призрачная жизнь... Все впустую и лишено смысла... даже смерть!..

Синдон. Брось меч! Он тащит тебя вниз!

Тхак. Никогда! Я прежде всего боец...

Синдон. Он так тяжел... Ты уже насытил его кровью. Довольно смертей! (С трудом удерживается на земле, судорожно хватаясь одной рукой за ветви.) Иначе мы сорвемся... оба!

(Тхак сбрасывает в пропасть ранец-чиге, отстегивает меч и с нечеловеческим усилием закидывает его на террасу. Каким-то чудом Синдону все-таки удается вытянуть облегчившего свою ношу Тхака. Некоторое время оба лежат без движения.)

Тхак. Скажи, ты считаешь, я проявил слабость?

Синдон. От Кванбука до Еннама всем известно — храбрее тебя нет воина!

Тхак. Пусть я теперь никто — изгнанник вне закона, лишь скорбная тень былых подвигов. Воину всегда остается одно — умереть, но с честью и в бою! Что ж, торжествуй! Ты первый, кто увидел мой мимолетный страх. Страх нелепой, глупой, унижительной смерти, узнав о которой люди поднимут на смех Тхака, одно имя которого когда-то вселяло ужас в сердца врагов! Старик, теперь ты владеешь моей тайной и можешь выдать меня властям. За мою голову обещана большая награда!

Синдон. Полководец Тхак разгромил свирепые орды чжурчженей и защитил Отчизну у Закатных ворот — вот что будут помнить потомки! Оставайся же лотосом, что незапятнанным растет в тине.

Тхак. Мне уже все равно! Я заблудился в пустыне жизни и распротился с надеждой достичь Персикового источника Блаженных. Всеблагое Небо забыло обо мне и лишило блаженства. (Подходит к яме.) Достаточно глубока, чтобы захоронить то, что осталось от Тхака. (Бросает в яму меч и прыгает вниз.) Закидай мои останки грязью — пусть сия могила останется в неизвестности. Я уйду незаметно, как тень от солнечного света...

Синдон. Тхак, взгляни наверх — что ты видишь?

Голос Тхака. О, Боги! Я вижу чудо — среди бела дня лазурь небес исчезла, и мне предстал ночной небосвод!

Синдон. Священные Звезды — они над тобой?!

Голос Тхака (в упоении). Вон Рассветная Звезда, а вон Полярная!.. Я вижу Ковш Небесный, края Серебряной Реки, усыпанные звездной пылью!..

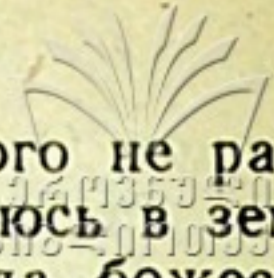
Синдон. И скоро, в седьмую ночь седьмой Луны Ткачи-ха встретится с Волопасом!

Тхак (вылезая наружу). Невероятно, опять все исчезло!

Синдон. Священные книги хварапов научили меня видеть ночь даже днем. И в слепящем свете я распознаю тайну!..

Тхак. Где хранится эта премудрость?

Синдон. Я обнаружил свитки в развалинах павильона и с тех пор не расстаюсь с лопатой.

Тхак. Так вот зачем ты рыл колодец!

Синдон. Мои глаза уже слезятся. Им многого не различить. И все ж, чем глубже я зарываюсь в землю, тем лучше, явственнее вижу оттуда божественные светила, вплоть до самого девятого неба! Мне мало одной ночи. Я должен постоянно чувствовать звезды! Я вижу их, а они меня, — этим я живу!

Тхак. Поразительное зрелище!

Синдон. Иногда мне кажется, что они приближаются, тогда я с удвоенным рвением вгрызаюсь вниз, устремляясь навстречу божественному Огню! Я обретаю дух ветра и покоя, обретаю озарение...

Тхак. Но ты дряхлый старик. Может статься и так, что тебе не вылезти наружу.

Синдон. Пока карабкаюсь кое-как... Влачу свою ничемную жизнь по постылым годам.

Тхак. Выходит, и ты жаждешь небытия!

Синдон. Нет, — озарения! Порой чувствую себя уже мертвым. Снежинки зимой уже не тают, падая на мою руку, летом жаркий ветер не сдувает иней седины, что сковал мою бороду... Но небо медлит, не раскрывает своих врат, — я не воспаряю ввысь, обратившись в седую цаплю. Бренное тело так цепко держит!..

Тхак. Еще бы! Остатками его сил я был воскрешен!

Синдон. Поверь, оно все полое внутри, как пальма хэсу.

Тхак. Значит твой час еще не пробил. Сосна ведь тоже зеленеет под снегом.

Синдон. Взывая к богам, я исходил все горы, но лишь стервятники насмешливо взирали с высоты, да ветер свистел в расщелинах. Все тщетно, и вокруг меня одна полынь!

Тхак. И эти нити с бубенцами, и даже выбритая твоя макушка — все чутко и нетерпеливо ждет знаменья, знака свыше!

(Синдон обнимает сосну, припадая к ней ухом.)

Синдон. Вслушайся — это древняя сосна, стропило и опора Небес. Корнями она пронизывает всю землю, доходя до царства мертвых. Вершину ее уже дважды опаляла молния. Эх, родиться бы мне

сосной, — вещим посредником между брэнностью и вечностью.

Тхак (подходит к сосне). Уже смеркается, поздно...

Синдон. Не торопи!.. Я время, истинное время, чувствую, лишь припав к ее стволу. И мне не нужны часы. Она, только она, поведает мне о грядущем. О, благостное, вещее древо!

Тхак (вслушиваясь в ствол). Какой-то гул...

Синдон. Убедился? Даже мой ослабший слух улавливает сокровенные звуки. Великое Древо, возвести, сколько мне еще мучиться в неведении?!

Тхак. Проводи меня к павильону, покажи книги хвананов.

Синдон. Я вчитывался в них зимой при свете луны, отраженном от снега...

(Уходят в павильон.)

Вспышка молнии, затем раздается сильный раскат грома.

На террасу обрушивается ливень.

Возвращается Синдон. Становясь на колени, воздевает руки, обнажая грудь навстречу хлещущим струям дождя.)

Синдон. Вода, о животворная влага! Хлещи струей упругой, свежесть мира! Низвергнись, Вечность, я готов!.. О, смой с меня весь брэнный ржавый прах — усталость жизни! Влага — гонец быстроногий, всевидящий, всезнающий, проникающий повсюду! Впитай и раствори в себе мой зов и горечь слез моих... Верю, жаркое светило выпарит, втянет к себе обратно своего посланца. Заждался я, Всевышний, не медли, шли скорее журавлей, что вознесут меня в твои Чертоги из нефрита!

(Под оглушающий грохот грома все тонет в темноте).

Действие второе

На следующее утро, там же. С глубины ущелья после ливня поднялась радуга. Слышится голос кукушки. Подыгрывая ей на камышовой дудочке, вхо-

дит просветленный Архат в образе художника Лима. Задевает протянутые в траве нити, но не обращая внимания на звон колокольчиков, стелет циновку и садится. Достает кисточки, краску и бумагу. Рисует, напевая: «Ах, тарондари!..»
Из грота выходит Синдон.

Синдон. Путник, здесь обитель отшельника.

(Пригубив бутылку из тыквы, Лим продолжает рисовать.)

Не нарушай моего уединения.

Лим. Но я же не в долине мудрецов Чхонхактон!

Синдон. Ты смеешься надо мной?

Лим (невозмутимо). Да нет, рисую. Взгляни, какая красота вокруг! Такой радуги я не видел даже над водопадом Пагён близ Кэсона. Не говоря уже о водопаде Девяти Драконов в Алмазных горах. Там я и начинал писать свою картину.

Синдон. Я понял, ты странствуешь в поисках страны зари и дымки.

Лим (торопливо рисуя). Прошу, не отвлекай... Я должен успеть запечатлеть это причудливое сверканье яшмы и жемчуга в облаке водяной пыли, а то оно вмиг растает.

Синдон. Немедля удались! Здесь место только для вознесения молитв.

Лим. А может, я так молюсь. К Богу идут разными путями.

Синдон. Не кощунствуй! Я праведник уж столько лет... Живу обрядами и ритуалом. И не тебе меня учить!

Лим. О, я лишь поклоняюсь красоте. Отойди, ты загораживаешь радугу.

Синдон. Нет, это ты отвлекаешь Небожителей разными глупостями!

Лим. Не горячись! Любое совершенство чтимо и угодно Богам. Ведь вдохновение искусства снисходит свыше как дар Предвечного.

Синдон. Не желаю слушать! Боги внимают моим мольбам, и я вот-вот окажусь среди Бессмертных! Я заслужил эту честь! А ты тут путаешься под ногами со своей мазней!

Лим. Никому из людей не ведомы желания Неба.

Синдон. Я только трачу на тебя время, а мне пора готовиться в последний путь!

Лим. Ты все твердишь о смерти... Оглянись вокруг! Неужели твое усталое сердце не восторгается прелестью омытой свежим дождем природы?

Синдон. Я не растрачиваю себя по пустякам. У меня одна заветная цель, все остальное суета!

(Из павильона выходит Тхак с книгами хваранов. Увидев Лима, он отбрасывает книги и обнажает меч.)

Тхак. Лазутчик, тебя послали выследить меня! Тэгун охотится за мной, не оставляет в покое!

Лим. Отшельник, мы в беде — это разбойник!

Тхак. Ничтожный, ты смеешь меня оскорблять!

Лим. Не размахивай своим Бинчжоуским мечом! Тебе здесь нечем поживиться. Я бедный художник, а в доме, покинутом мной, всего лишь плетеные двери.

Тхак (тихо, Синдону). Кажется, он меня не узнал. (Лиму.) Смотри мне прямо в глаза и отвечай — кого ты ведешь за собой?

Лим. За собой? Я сам с трудом добрался сюда, пройдя многие ли, продираясь сквозь рощи бамбука и заросли туи. Вдогонку неслись лишь крики обезьян в безлюдных чащах...

Тхак. Поверю на слово. А сам ты кто будешь?

Лим. Когда рисую — художник. На лучшей Лоянской бумаге я могу разрисовать декорации даже для актеров школы Грушевого сада.

Тхак. Ого, выходит, ты знался с лицедеями! Это опасно. Они наверняка научили тебя, как сыграть свою роль, изобразить любое чувство, короче, выдать себя за того, кем не являешься. По этим повадкам я распознаю соглядатая!

Лим (с грустью). Все... Увы, радуга исчезла...

Тхак. При чем здесь радуга?

Лим (собирая художественные принадлежности). Я пришел сюда только из-за нее.

Тхак. Снова морочишь мне голову! Покажи, что ты там намалевал.

(Грубо вырывает картину.)

Лим. В своей картине я должен запечатлеть весь мир, передать его образ. Это труд моей жизни. Я закончу его у горы Пэктусан. Говорят, оттуда видна вся Корё...

Тхак. Что ты там бормочешь о целом мире? Твой труд уже пропал впустую. Нет смысла больше переводить краски. Я не вижу здесь себя! А ведь мир без меня — это всего лишь остаток мира.

Лим. Ты забываешь, главное в мире — красота. А она запечатлелась в ловушке из красок...

Тхак. Вокруг нас достаточно зла, чтобы смыть их... Зла и страданий!

Лим. Даже измученный человек сможет обрести совершенство, так что мы говорим об одном и том же.

Тхак. Не у скоморохов ли из Грушевого сада ты набрался этих возвышенных поучений?

(Лим достает металлическое зеркало и подносит его Тхаку.)

Лим. Вглядишься, ты уже давно изображен. Я сам отполировал это зеркало.

Тхак. Это негодная железка. В ней отражен только мой меч!

(Швыряет зеркало в обрыв.)

Лим. Зря, я хотел тебе его подарить. Всегда приятно иметь правду в руках.

Тхак (тихо, Синдону). Не доверяю этому проходимцу. Он меня все-таки выдаст. (Лиму.) Я запрю тебя в грот, на время. Не сопротивляйся!

Лим. Я заключен лишь в свое тело. С меня этого хватит!

Тхак (замахиваясь мечом). Я вызволю тебя! Придется подобрать ключи к твоей тюрьме, для твоего же блага! Ха-ха!

Лим. Запомни, меч ни от чего не освобождает!

(С помощью приемов восточного единоборства Лим обезоруживает Тхака.)

Лим. Спасайся, отшельник!

Тхак (кричит). Проклятье! Он одолел меня в схватке!

Лим. Торопись, старец, пока я удерживаю бандита!

Тхак. Меня не проведешь — ты вовсе не художник, а переодетый воин тэгуна! Не художник!..

(Эхо в горах повторяет: «Не художник... не художник...»)

Синдон (кричит от удивления). О, чудо! Здесь раньше никогда эхо не слышалось!

(Эхо: «Слышалось... слышалось...»)

Синдон (собираясь залезть в яму). Молю вас, Звезды, дайте мне ответ! Неужто зов мой наконец услышан!

Тхак. Не покидай меня! Мне нужен Учитель, я собираюсь читать священные книги!

Синдон (поднимая книги с земли). И что же ты с ними сделал — вывалял в грязи?!

Лим. Беги, монах, пока еще есть время! (Еле сдерживает рвущегося к Синдону Тхака. Отбрасывает ногой меч.)

Тхак. Синдон, не верь ему! Он готовит западню, в которой погубит нас. Подай мой меч — на сей раз я уничтожу его, сотру в порошок! Брось меч, Синдон, ты ведь уже меня спасал!

(Эхо: «Спасал... спасал...»)

Синдон. Не верю своим ушам — ты снова стал дорожить жизнью, полководец Тхак!

(Эхо: «Тхак... Тхак...»)

Тхак (озлобленно). Все-таки произнес мое имя!.. Теперь эхо разнесет его по всей Корё! Плевать, это ничего не изменит! Отныне я не боюсь грозного тэгуна и сумею заставить всех считаться с собой! Моя судьба только в моих руках, сейчас вы в этом убедитесь!

(Тхак вырывается от Лима и бросается к мечу, но Синдон успевает бросить оружие в пропасть.)

Тхак. Предатель, взбалмошный старик! Ты лишил меня верного меча!

Синдон. Хочешь сеять вокруг одну смерть... источаешь слепую жестокость! Если тебе нужна новая кровь — сбрось меня в бездну, вслед за мечом!.. Сбрось на самое острое его лезвие!

Тхак (пятится назад). Э-э, нет... Меня не обманешь! Моими руками решил покончить счеты с жизнью! Выбравшись из нее сам, за столько лет мог бы наконец решиться. Ну же, будь смелее! Сгинь, ис-

парись, подобно рассветной росе. Что, боязно, желаешь сыграть по правилам, согласно ритуалам...

(Синдон поворачивается, чтобы уйти.)

Тхак. Убегаешь? Нет, подожди! Заруби на носу: там (указывает вверх) всего лишь холодное, бесстрастное небо. И для тебя оно навсегда затянуто свинцовыми тучами! Никому нет дела до Синдона, понял? Хоть это уясни в итоге! Твоя смерть будет действительно концом, так что продолжай уныло влачить свои дряхлые годы, как истлевшее рубище в немошной руке... И в этом твое подлинное проклятие!

Лим. Твой меч в сравнении с языком — целительная повязка!

Тхак. Во всем виноват ты один, пришелец! Вздумал рисовать целый мир? Оглядишься, да где же раздобыть столько черной краски, чтобы придать хотя бы видимость подобия? Или красной, для водопадов, ведь вместо воды там клокочет людская кровь! Уж я-то это знаю, мне доподлинно известно... Вдоволь насмотрелся!..

(Синдон без сил прислоняется к стволу сосны.)

Синдон. Опять этот нескончаемый гул... Он все нарастает! Уходите... оба...

Лим. Ты все-таки изгоняешь меня?

Тхак (сдавленным голосом). Мне... мне некуда идти. Подожди, скоро за мной придут. Сейчас меня можно захватить голыми руками! Вы это хотели от меня услышать?! Меня загнали в угол! Загнали!! (Эхо: «Загнали... загнали...»)

В ответ я шлю проклятье миру! Проклинаю!!

Слышите, даже эхо не в силах повторить мои слова!

(Хватает картину Лима, рвет на части и бросает в пропасть.)

Лим. Что ты наделал, безумец!

Тхак. Если в твоей картине мира и был заложен его вздорный смысл, то я все окончательно уничтожил. Возрадуйся, Синдон, мира больше нет, смысл утрачен, жизнь прекратилась, осталось одно холодное равнодушное Небо! Отныне вместо капель дождя сверху будут срываться льдины! Ви-

дишь, как все просто! Благодарю меня за то, что я разорвал твои путы!

Лим. Ты осквернил красоту мира...

Тхак. Зато дал счастье хоть одному страждущему! Не так ли, Синдон? Ты все не решался подвести черту — я взвалил на себя твою ношу. Пользуйтесь мной, страх уже оставил меня! Покуда я жив, предоставьте мне исполнить за вас всю черную работу, горе-праведники. (Хватает сосуд с черной краской и обливает ею себя). Принимайся за новую картину, художник! Теперь перед тобой истинный облик мира! А для красного фона я вскрою вены и нацежу свою кипящую кровь!..
(Синдон прижимается к сосне.)

Синдон. Невероятно, ко мне возвращается острый слух?!
О, что за грохот сотрясает твой ствол, опора мироздания?!

Тхак. Пусти эту сосну на дрова — хоть согреешься зимой, когда будешь листать священные книги при свете лучины. Так от нее хоть какая-то польза...

Синдон. О, святые угодники, как вы все это терпите!

Тхак. Старик, уразумей, в мире ничего не происходит! Не знаю причины его сотворения, но потом Небожители о нем позабыли, отбросили за ненужностью, как неудавшееся полотно! Так поступают все художники. (Лиму.) Разве я не прав? Хорошо еще, что Творец не стал малевать на старом холсте новый сюжет. Вот получился бы Хаос! Но я не участвую в подобных играх... Забудьте про Тхака, я лишь привиделся в ваших кошмарных снах!

Лим. Нет, уйду я... на вершину.

Тхак. Давно пора. Прочь отсюда!.. Ха-ха! О, долго же тебе придется плутать по узкой тропе... в одиночестве! Обратный путь всегда долог. И если сорвешься в бездну, никто не удержит, не подставит плечо в трудный момент, когда не вмоготу...

Синдон. Неужто с вершин больше ничего не видно?! Все уже окончательно свершилось, а дальше... дальше — большое Ничто.

Лим. И все же я иду. Путь мне хорошо известен... Я ведь спустился оттуда. (Уходит.)

(Синдон пытается последовать за ним, но ноги подкашиваются и он падает.)

Синдон. Верни его...

Тхак. И не подумаю! Опомнись, ты же так хотел одиночества! Отправляйся в свою яму, она как раз по тебе. А я спущусь вниз по тропе и больше никогда не встречу с этим проходимцем.

Синдон. Говорю тебе, верни художника! Теперь, когда его нет рядом, я по-настоящему почувствовал свою заброшенность. Тхак, мы осиротели!..

Тхак. Что ты к нему привязался! Он даже не удосужился назвать себя.

Синдон. О, страшная догадка! Я, кажется, начинаю прозревать!.. С нами был сам...

(Внезапно земля под ними начинает сотрясаться. Сосна со страшным скрипом раскачивается из сторону в сторону. Начинается извержение вулкана. Синдон и Тхак скатываются к самому обрыву.)

Синдон. В несчастный день я появился на свет!.. всю жизнь стремился ввысь и поделом скатываюсь в геенну огненную!..

Тхак. Мир распадается на части... нас разрывает в клочья!..

Синдон. Долгожданная встреча с Всевышним! Он карает меня за то, что я презрел его посланца!.. О, горе нам!.. В тумане неведения проблуждал я всю жизнь и проглядел яркое солнце!..

(Разверзшееся жерло вулкана проглатывает Тхака и Синдона.)

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

Тэгун — князь.

Башни Феникса — символ уединения.

Нефритовые чертоги — символ разлуки.

Янбан — дворянин.

Сондо — древняя столица Кореи.

Арка красного цвета. — по конфуцианским заповедям такая арка ставится перед домом добропорядочного дворянина-воина.

- Ча, киль — старокорейские меры длины.
Оджыбо! — восклицание.
Чиге — тип рюкзака.
Хваран — древний мудрец.
Персиковый источник Блаженных — утопическая страна.
Рассветная Звезда — Венера.
Ковш Небесный — Созвездие Медведицы.
Серебряная Река — Млечный Путь.
Волопас и ткачиха — герои древнекорейского фольклора, раз в год встречающиеся на мосту через Млечный Путь.
Девятое небо — даосский рай.
Архат — святой, один из пятисот учеников Будды.
Чхонхактон — сказочная горная долина, где обитают Премудрые старцы.
Бинчжоуский меч — оружие легендарного древнего полководца Гуан-би.
Ах, тарондари — припев.

* * *

Как призрачна гора —
как облака над стибом
колена, ставшего скалой.

Слойста, перевозанна гибель,
взошедшая дугой,
землей,
телесностью безгрешной...
Во времени изменена
бедрa скользящая поспешность.
...Петь, руки распластав,
кружиться, воздух рассекая,
стать достоянием пласта,
всплакнув:

— О жизнь земная!

Эй!..

1

В мольбе не речи приторной елей.
По тропам строк ищу к сердцам тропу.
Пусть не найду желаемого, пусть —
Стихотворенье — храм души моей.

Всю теплоту влагаю в окрик: «Эй!»
Как будто вечность превратить в рабу
Мне ничего не стоит... Не в гробу
Шептать нам заклинание: «Скорей...»

Пусть снег хрустит от запоздалых клятв,
И день еще один ладонью смят,
Пусть вихрь срывает шапки Мономаха

С бесстрастных летописей—не нарушу
Рождение минутного размаха:
Моя душа целует твою душу.

Сорвалась птицей поцелуя высь,
Синь тающую резанув крылом,
И, отразившись в луже, как в былом,
Исчезла провинившаяся мысль.

Яви сквозь облака черты, явись,
Хоть в муравьином облике, любом,
Прикосновенья прозвучит псалом,
Божественную возвещая близь.

Под пылью зеркала я узнаю
Следы телесного, печать земного,
Явив себе самой печаль свою.

Обряда радости я не нарушу,
К пришествию безропотно готова...
Моя душа целует твою душу.

* * *

Вспорхнув,
что оставляет птица ветви?
Невидимый для глаза
толчок в бессмертие,
в сочащуюся белизну
над пирамидою пылинок,
усыпальницей веков...

Шершавым языком
слизну
кристаллик
млечный.

На пороге осязанья

1

Плеча коснулся звук сухой,
зовущим эхом.
в раковину сна
проник...
Замолкло сердце звука.

Волну биения роднит
с созвучьями дневного света,
забивший радостью родник...

2

Пылью скованные вещи —
шелуха бессилия,
проникающая в поры...
В стены бьющийся прибор
стекленеющего взгляда...

Тихой крови плеск в аорте
отдаляет нас с тобой
от бездонного объятья
отдалившегося солнца...

3

Вкрадчивое трепетанье
на пороге осязанья
переходит в очертания
парящей птицы...

У обрыва век прикрытых
дуновенье ликования...
У истока замиранья
холодок,
текущий кожей
в мирозданье...

* * *

Вместо сердца —
звезда

одинокая...
Чашей
ладони подставь.
Трогаю
светом небытия,
как встарь:
было небо,
боли не было...
Синью будешь,
взгляд — мглою,

ОДИНОЧЕСТВО
звездное
мною.

* * *

В саркофаге
парень
солнечное
от пят до глазниц прикрытых...
В воздухе растворенье
кожи...

Сыто
солнце, телом пронизано,
раскалено...
Стать земная,
небесная —
все —
одно.

* * *

Глаза и небо
совместимы,
когда, касаясь облаков,
движение струится ввысь,
в гордыне,
смахнув брожение дождя
на цвет
вечнозеленых грив.

Гурам **БЕНАШВИЛИ**

МЭТР ЛИТЕРАТУРНОГО МЫШЛЕНИЯ

В «красочных» пространствах медитационного мышления Гурама Асатиани есть место и полному горького сожаления возгласу, идущему из глубины души: «Удивительно, — писал он, — чаще всего грузин как будто враждует с грузином, но и жить без него не может, ибо именно с ним желает соперничать, мериться силой, равняться на него... Это — наследие не только прошлых веков...»

Уникальный исследователь грузинского духа и характера, тонкий аналитик, он точно отметил взаимоисключающие свойства национального духа, отраженные от нашего исторического прошлого и преобразованные в грузинском художественном сознании, духа, который с одинаковым «успехом» преодолел и возвышение и падение, и гордость и стыд...

Грузинское литературоведение и критика имеют богатые традиции, к сожалению, почти неизвестные широкому кругу читателей. Согласно этим традициям, пересказ действительно порой застывшей, мертворожденной псевдолитературы, напоминающей навечно онемевший музейный экспонат, и намного реже — художественного шедевра, отмеченного прекрасными чертами реальной жизни, стоит немногого, гораздо важнее прислушаться к благозвучию высших достижений национального художественного сознания и, исходя из этого, определить истинную ценность произведения.

Настоящий критик интуитивно постигает достоинства и недостатки созданного писателем творения... И только после того, как он «попробовал» его «на вкус», начинается «неприми-

римая» борьба во имя выявления скрытых его ценностей. Так что главным признаком литературной критики является верность четко выраженным принципам собственной эстетико-философской системы, которая, естественно, совершенствуется с увеличением интеллектуального опыта... Доказательством того, что и Гурам Асатиани был истинным творцом, живописцем слова и вдохновенным мастером своего дела, является его духовное наследие.

Его характеризуют отличные от всех мыслительный масштаб и стиль...

И сегодня на бледном фоне нашей интеллектуальной и морально-этической жизни его произведения продолжают восприниматься насущной пищей для сердца и ума.

Прискорбно, что сегодня даже в публикациях бесспорно интересных авторов преобладают «интонации» зубовного скрежета и угрожающих взглядов вышедших на культурную авансцену «гладиаторов». И гораздо реже попытки превратить общую боль нашего времени в частицу собственной души и, только таким образом очистившись, выносить свои мысли на публичное обсуждение...

Идеи писателя и мыслителя «не должны рождать странной неясности и впечатления, будто они лишь отзвук торжествующего согласия победителей, в котором нет и тени независимого аналитического мышления...»

Приближение к элегантно и светлой мыслительной проблематике Гурама Асатиани не может не заставить нас задуматься и представить под иным углом историко-литературную жизнь нашего величественного прошлого и бесцветную атмосферу сегодняшнего духовного бытия...

Круг его интересов не ограничивается чисто литературным исследованием, он проникает в те глубины национальной психики и эстетической природы, которые имеют существенное значение для нашего самопознания.

Параллельное исследование грузинской литературы и народной мудрости выявило веками создаваемую модель национального идеала человека, которая уникальна не своими застывшими чертами, а динамичным обликом, закаленным холодным дыханием времени.

Его исследование «У истоков» или шедевр лирической медитации «Как любили в Грузии» — образец особенного литературного мышления.

Сколь впечатляюще блестящие проявления его смелых и свободных «полетов» в глубинах исторического прошлого на-

рода и классической литературы, когда обостренной интуицией он с поразительной ясностью постигает светотени навсегда минувших явлений... Когда покрытое пылью времен-сумеречное прошлое открывается в своей первоизданной чистоте... Ничто для его взгляда, бродящего по лабиринтам прошлого, не чуждо, не бесцветно, не безжизненно... И непрерывный поток мощно исходящих от истоков родной страны духовных импульсов устремляется к сознанию читателя.

Трудно представить, было ли у этого мыслителя, наделенного даром ясновидца, зловещее предчувствие возможных «сумерек» национального духа и такого его падения, которое, оказывается, так бережно хранила до «лучших» дней угнетенная внутренняя потенция народа... Чувствовал ли он своим неповторимым чутьем, что предмету его преклонения и романтического увлечения — духовной культуре народа — будут грозить спячка и увядание... Что четко выраженная индивидуальность личности окажется перед опасностью вырождения... Что со вчера еще спокойными и безобидными людьми произойдет непредусмотренная мутация и появится множество отвратительно обезличенных существ, по существу новая порода, естественно, уже не homo sapiens, но разнузданные отпрыски «абсолютной свободы», брезгливо освободившиеся от человеческих «регламентаций». Удивительно трудно, если не невозможно, обнаружить в их опустошенных и начисто размытых душах истинно человеческие стремления, ибо кажется, что ростки добра и милосердия вытравлены в них до конца — что является логическим результатом полного игнорирования собственной этической природы... Так определенная категория людей превратилась в готовый сосуд разложения и беспощадной ненависти...

Гурам Асатиани, ушедший от нас десять лет назад, естественно, не мог представить себе эти трагические метаморфозы грузинского духа, ибо в противном случае не стал бы так увлеченно курить фимиам субстанционному характеру нашего чисто христианского мироощущения.

Сомневаться в том, что эти привлекательные рефлексии романтической эстетики, с трепетом устремленной к прошлому грузинской духовной культуры, имеют под собой почву, было бы кощунством. Многочисленные памятники национальной духовности олицетворяют собой святые идеалы именно христианской религии. Они утверждали в сердцах грузин, не так уж и редко зараженных червем честолюбия, божественную благодать и добро. Были в нашей истории периоды, когда свет

христианства одолевал тьму и злобу, но ядовитое дыхание, вырывающееся из мрака невежества, как фатальная неизбежность, очень скоро губило зеленеющие ростки духовности. Наступали долгие годы торжества плоти над духом.

А ведь благодать духа — то самое средство, которое крепит единство и мощь страны.

Приобщение к христианскому мировосприятию и превращение его в единственный «механизм» духовного движения, возможно, и не носило всеобщего характера, но замечательные примеры жизни и деятельности лучших представителей грузинского народа бесспорно подтверждают нашу верность христианству...

Гурам Асатиани как несравненный исследователь гениальных писателей XIX столетия незабываем. Литературные портреты романтиков, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела и других выписаны с характерной для него лирической трепетностью. Писатель и его творения предстают перед читателями как единая и неразделимая субстанция, как монолитное тело, которое критик благодаря своему вдохновению постигает всем существом... Романтическая жизнь и художественное мышление духовных предшественников как бы снимают с себя перед ним таинственный покров времени, и вниманию и слуху потомков предстают благородные личности, чистые сердцем мученики за отечество со своими человеческими проблемами. Печаль их отнюдь не результат увлечения потусторонней мистикой. Всему причина — жестокость жизни, в преодолении которой закалялась и крепла их же гениальная духовная потенция. Может быть поэтому литератор, как близкий человек, искренне оплакивающий своих предков и разделяющий их горькие чувства, и не пытается распутать до конца прозаичные узлы их жизни, ибо в душе он эстет и многое «окропленное» безжалостной приземленностью должен возвести в ранг прекрасного и возвышенного. Гурам Асатиани как бы сердцем переживает жизнь грузинских классиков, движения их души. Вместе с ними озабочен прошлой судьбой родины, вместе с ними искренне оплакивает ее.

Эти портреты, отмеченные ярким талантом критика, знаменовали собой новую стилистику литературного мышления. Она освобождалась от оков догматизма, категоричности и сухой научной методологии. Пафос волнующего поиска и неоднозначные рассуждения давали, в первую очередь, представление о духовном образе автора.

Поразительно, что этим он как бы помогал читателю в

формировании собственного менталитета, индивидуального отношения к духовной культуре и, представьте себе, даже новой модели психологии и поведения. Круг его литературных интересов даже в этих конкретных исследованиях ^{литературных} весьма широк. Эстетические, социологические или экзистенциальные проблемы отдельных писателей рассматриваются в связи с культурным миром, и именно это придает литературным портретам высокую познавательную ценность...

Для нашей культурной общественности имя Гурама Асатиани ассоциируется, в первую очередь, с образом истинного эстета. И это естественно, поскольку для него, как человека и мыслителя, важнейшим является эстетическая природа и артистизм творческой личности, которая тайно излучает энергию творческой потенции. Именно этот горизонт эстетического восприятия определяет для него эмоциональный нафос отношения к действительности... Разумеется, это не имеет никакого отношения к изоляции, подразумевающей апологию полного отдаления мира художника от реальной действительности.

Гурам Асатиани был опьянен ароматом поэзии Николоза Бараташвили и Важа Пшавела, Галактиона Табидзе и Анны Каландадзе, и поэтому его эстетический идеал не мог мириться с грубыми чертами прозаичной «естественности»... И несмотря на это, его мироощущение не ограничилось лишь удовольствием, полученным от «Артистических цветов». Ибо он понимал, что для него, сына малого народа, перенесшего и переносящего столько бед, это было бы непозволительной роскошью, поэтому он и смирился с судьбой и по возможности отказался от столь органичных его внутренней природе галантных «соблазнов»...

Мы все хорошо помним горечь бессмысленной и нездоровой жизни нашего ближайшего прошлого. Гурам Асатиани как личность сформировался в атмосфере этих общих безличных регламентаций. Находясь в центре общественных явлений, он старался во всей глубине представить и обобщить увиденное и пережитое...

Многие его соображения, с точки зрения актуальности, возможно, не представляющие сегодня для некоторых особой ценности, — мыслительные тропы, прорывающиеся в будущее, которыми, я убежден, с трепетом и любовью пойдет разумный грузин. Что касается культуры его отточенного мышления, оно останется эталоном грузинского разума, заговорившего на языке прекрасного...

Несмотря на поразительную силу аналитического сужде-

ния, он доверял свою собственную судьбу нежным, бархатным крыльям поэзии, и не было силы, способной «отрезвить» его от сладко-горьких богемных иллюзий. И это было врожденным свойством его уникальной натуры.

Есть ли у нас право, прикрываясь затасканным именем благоденствия общества, усомниться в правильности такого его выбора? Выбора, который был необходимым «украшением» его жизни. К сожалению, имевшей тяжелый конец...

Его жизнь — еще одна мистерия, разыгранная гордой волей протагониста от начала до самого конца. Тут есть над чем задуматься...

Благородная душа Гурама Асатиани, приобщенная к «оргиям» истинно высоких муз и потому безмерно счастливая, настойчиво стремилась к безграничным глубинам таинственных красот духовной культуры, чувствуя, впрочем, все более и более явственно, что никогда не утолит этого своего желания, каждый раз вновь рождающегося из полноты удовлетворения. Он был намного больше того, что можно увидеть нашим ограниченным зрением. Еще раз хочу повторить, что аритмия его жизни была продиктована и до конца предусмотрена волей его мятежной души...

Всякая самобытность изначально и оригинальна, а всякая оригинальность моральна, отмечал немецкий философ Фр. Шлегель. Оригинальность человека в целом — превыше всего, без нее нет ни энергии ума, ни красоты души. Эти слова удивительно подходят к личности грузинского литератора Гурама Асатиани, энергии ума и красоте души которого посвящена наша скромная статья. Статья, которая может показаться излишне патетичной людям ко всему равнодушным... Для некоторых Гурам Асатиани, как и многие другие, всего лишь автор нескольких книг, не более. Но это не так... Написать книгу и создать произведение — разные вещи. Чтобы создать произведение, необходимо искусство, для написания книги достаточно чернил и бумаги... Даже две строки могут быть творением, а десятки томов — всего лишь книгами. Оригинальным стилем своей жизни и мышления Гурам Асатиани стоит особняком в грузинской литературе и представляется той необычной высотой, которая имеет силу большого примера для искренне увлеченных литературой людей.

„МЫ—БРАТЬЯ ПО АДАМУ“

РУССКИЕ ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ И АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ

Акакий Церетели был истинным гуманистом. В стихотворении «Гости», рассказывая о хозяине, принявшем к себе в дом пришельца, поэт говорит: «Мой язык ему неведом. Мне его невнятен глас. Но — мы братья по Адаму, Бог-отец един у нас».

С высот своей поэзии поэт как бы спускался на землю и стучался в каждую дверь, подчеркивая близость, связь и родство со всеми, кто на ней живет, какой бы нации и вероисповедания он ни был. И его слышали, откликались на зов, как откликаются и сегодня.

Акакий Церетели поддерживал дружеские связи с людьми разных национальностей, но особая дружба связывала его с деятелями русской культуры.

Еще при жизни поэта его произведения переводили на русский язык В. Лебедев, И. Тхоржевский, В. Гиляровский, И. Гриневская и другие. В «Северном вестнике» за 1892 год была помещена рецензия С. Кабичевского на «Тамар-цбиэри».

Более 50 лет А. Церетели выступал на страницах русской периодической прессы, ставя перед русской общественностью актуальные вопросы жизни своего народа. Он писал на русском языке публицистические статьи, художественную прозу и драматические произведения, фельетоны, в которых высмеивал фальсификаторов прошлого и настоящего Грузии, мещанские взгляды обывателей, консервативную настроенность некоторой части интеллигенции, выступал за права и независимость грузинского народа, вел резкую полемику с приверженцами старого уклада жизни.

Особый интерес представляет его публицистическая статья в газете «Обзор» от 10 ноября 1878 года в связи с похоронами Н. Некрасова. Известны и другие его статьи и ху-

дожественные произведения, печатавшиеся в газете «Новое обозрение».

Из грузинских классиков XIX века никто не пользовался такой популярностью среди русской общественности, как Акакий Церетели. Русские деятели культуры и литературы относились к нему с большой любовью и уважением. Это особенно проявилось во время празднования юбилея А. Церетели. В честь поэта были проведены торжественные вечера не только в Тбилиси и других городах Грузии, но и в Петербурге, Москве и других русских городах. Участвовали в них Ф. Шаляпин, К. Станиславский, В. Брюсов, В. Немирович-Данченко, В. Гиляровский, М. Ипполитов-Иванов, Л. Собинов и многие другие. Проведение этих вечеров широко освещала центральная русская пресса — в ней печатались адреса, телеграммы, стихи, написанные в честь юбилея поэта. Таких поздравлений было очень много, что свидетельствует об огромной популярности грузинского поэта среди русской общественности.

В Государственном литературном музее Грузии имени Г. Леонидзе ученым С. Лекишвили были найдены неопубликованные материалы, посвященные юбилею А. Церетели, среди них — торжественные речи, экспромты, стихи русских поэтов и деятелей культуры.

Среди этих материалов — стихотворение-экспромт М. И. Рейха «Кто он?», в котором говорится об огромной народной любви к поэту; стихотворение поэта и журналиста, переводчика стихов А. Церетели, Н. Бараташвили и И. Чавчавадзе, В. А. Гиляровского (1853—1935), который 30 ноября 1908 года преподнес А. Церетели свою автобиографическую книгу «Были» с экспромтом, прославляющим поэта, и строками самого А. Церетели, переведенными В. Гиляровским на русский язык: «Восторги мимолетных грез я слил с борьбою за свободу!». В своем экспромте Гиляровский особо отмечает близость грузинского поэта к простому народу, то, что он призывал его не «к топору», а «к любви»: «Любовью, а не злобой — нет, звучат могучие призывы!».

Поздравляет поэта и В. П. Лебедев (1869—1939) — русский поэт и переводчик многих его произведений на русский язык (как отмечает В. П. Лебедев, стихи поэта он переводил с подстрочников, данных ему самим автором). Он посылает Акакию Церетели из Гельсингфорса (Финляндия) стихи, написанные специально по случаю торжества. В них, сравнивая «бледную природу» Финского побережья, «где все печальной мглой повито», с «иными небесами», он восклицает: «Там ны-

не пир, и пир певца Тамары, там — юбилей и полувековой». Для него образ певца неразделим «с грузинским небом ярко огненным», с грузинской песней, «полной обаянья». В конце своего послания он заключает: «Когда страна таким певцом богата, тогда она счастливая страна».

Полный теплых слов любви адрес посылает юбиляру труппа Петербургского «Нового театра», от лица которой выступает Л. Б. Яворская (1871—1921), русская актриса, которая в 1901 году организовала в Петербурге «Новый театр», где ставились пьесы М. Горького, А. Чехова, Л. Толстого. Адрес написан в форме обращения к грузинскому народу, чьи думы и чаяния, стремление к свободе выражает великий певец этого народа.

Особенно восторженные слова признания высокого таланта А. Церетели выражены в стихотворном послании «Грузинскому поэту» А. Н. Кремлева (1859—1939) — русского писателя и поэта, актера, театрального деятеля, служившего также судьей и присяжным поверенным в Петербурге, одного из основателей и деятельного члена англо-русского литературного общества в Лондоне, активного участника грузинских литературных вечеров, проходивших в Москве и Петербурге, хорошо знавшего грузинский язык (на одном из вечеров в Петербурге, посвященном Грузии, он читал стихи Н. Бараташвили на грузинском языке). Он был автором поэмы «Грузинская греза», полной любви и сочувствия к грузинскому народу, никогда не расстававшемуся с идеей независимости. Важа Пшавела перевел эту поэму на грузинский язык. Стихотворное послание А. Церетели А. Кремлев написал в своеобразной манере белым стихом. Оно начинается с обращения:

Сын Иверии, брат поэзии, друг фантазии, —
Чуждый вычурной декламации и холодности!
С европейскими стал ты думами у врат Азии,
Страстно преданный дорогим мечтам о народности!

Как в поэме «Грузинская греза», так и в послании А. Кремлев подчеркивает свою веру в то, что «звезда» Грузии «не померкнет ввек от страданья!».

Среди поздравлений — телеграммы от известного русского писателя В. Короленко из Москвы, который приветствует поэта от имени всей редакции издаваемого им журнала «Русское богатство»; от академика, профессора Московского университета, литературоведа П. Сакулина (1868—1930); от

И. Анненского, выступавшего от лица петербургской литературной общественности, от профессора В. Жуковского (1858—1918) — филолога, востоковеда, члена-корреспондента Российской Академии наук; от русской драматической труппы А. Н. Кручинина; от Общества русских женщин и многих других.

Стихотворное поздравление поэту шлет Аркадий Беловаленский — русский поэт из Кутаиси, который в те годы часто печатался в кутаисских газетах. Он обратился к А. Церетели со словами: «Ты наш Мессия, зовущий к смирению». А о себе он говорит: «Я лишь дитя пред твоими сединами, жалкий пигмей пред твоими вершинами, где изнывал богатырь Амиран». Имя поэта связывалось в представлении русских деятелей с борьбой Грузии за независимость, и это подтверждают следующие строки: «Слава тебе, лучезарный пророк! Верю глубоко в твое откровение. Верю: настанет пора обновления и возрождения от мук и тревог!».

Стихотворное послание шлет А. Церетели русский поэт К. Митрофанов из Ташкента, с «границы гордой крыши мира». Поздравление в стихах посылает А. Церетели от русских рабочих Баку бакинская поэтесса Ада Ружальская. Обращаясь к поэту, она говорит: «Певец любви, певец святой свободы! Как глубоко ты Грузией любим...», «Ты как поэт достиг высокой цели, ты заслужил бессмертия венец!».

О высокой оценке поэта русскими деятелями говорят и печатавшиеся в различных русских газетах сведения об Акакии Церетели, о его юбилее. Так, в Харьковской газете «Утро» (1912, 15 сентября) были напечатаны воспоминания русского ученого С. Анисимова, который встретился с Акакием Церетели 15 июля 1912 года в Рача-Лечхуми во время путешествия поэта по Грузии. В своих воспоминаниях С. Анисимов пишет: «...Приветствуя его, я сказал, что мы счастливы тем, что нам привелось видеть; как умеет глубоко и единодушно любить своего поэта родной ему народ, что мы были свидетелями его безграничной популярности в родной ему стране. Зрелище того, как все, от младенцев до глубоких стариков, шли приветствовать его, нас глубоко тронуло». В ответ на это, как пишет С. Анисимов, А. Церетели, взволнованный, ответил по-русски, что я преувеличиваю его популярность, и после небольшой паузы добавил: «Хотя вы русские, а мы грузины и говорим на разных языках, но в чувстве любви все люди могут и должны понимать друг друга!».

В газете «Утро России» (1913, № 6) было напечатано при-

ветствии К. С. Станиславского, который пригласил А. Церетели на спектакль «На всякого мудреца довольно простоты». Здесь же рассказывается о прошедшем в Новочеркасске вечере, посвященном А. Церетели, о прочитанной на нем лекции «Заслуги Грузии перед христианской культурой».

В журнале «Голос минувшего» (1915, № 6), уже после смерти поэта, была напечатана статья профессора Одесского университета, историка литературы Б. Т. Лазурского (1859—1943), посвященная А. Церетели, в которой говорилось: «Как все лучшие поэты, А. Церетели соединяет в себе общечеловеческое и национальное. Он мечтал о братстве народов, любил Грузию и Россию. Он сравнивал себя с восковой свечою, которая стоит, таинственно мерцая, в храме, пред светлой иконой и тает, как символ искупления за земные грехи. Храм для поэта — это весь мир, а икона для него — родная страна...» «Грузины любят называть покойного поэта своим «некоронованным царем» и утверждают, что на его произведениях воспитывается все молодое грузинское поколение. Если это так, то грузинская молодежь выбрала себе прекрасного руководителя...»

Об огромной любви народа к Акакию Церетели свидетельствует тот факт, что еще при жизни поэта одному из городских училищ было решено присвоить его имя. Вопрос об этом стоял еще в 1902 году (см. ходатайство Тифлисского по городским делам присутствия. — ЦГИАГ, ф. 29, оп. I, д. 50). В газете «Закавказье» (№ 103 от 12 июня 1909 года) говорится о том, что тифлисский губернатор уведомил тифлисского городского голову, что наместник Кавказа разрешил присвоить давидовскому начальному училищу в г. Тбилиси имя грузинского поэта Акакия Церетели. Таким образом, хотя общественность этот вопрос ставила уже давно, разрешен он был только в связи с юбилеем поэта.

И таких фактов выражения горячей любви и уважения к поэту можно привести множество. Вот еще один малоизвестный в нашем литературоведении факт. В Национальной библиотеке Грузии хранится книга Максима Липкина «Долина Свэти. Имеретинское предание XIII века», изданная в Тифлисе в 1914 году К. И. Свимоновым. Как выясняется, автор посвятил ее Акакию Церетели.

Как отмечается в газете «Закавказье» (1909, 15 июня), полковник М. Липкин — председатель сессии Кавказского военного окружного суда и прокурор полковник Дубровский, находившиеся в Кутаиси, явились с визитом к поэту

Акакию Церетели. При встрече с поэтом председатель окружного суда, протянув поэту руку, сказал: «Мы бы желали познакомиться и выразить чувства глубочайшего уважения представителю грузинской нации... Мы явились к вам для того, чтобы выразить чувство глубокого почтения, заслуженное вами перед своей нацией, которая недавно так величественно и достойно чествовала 50-летний юбилей вашей литературной деятельности».

Как пишет газета, поэт, крепко пожав гостям руки, долго беседовал с ними. М. Липкин попросил поэта дать ему несколько своих произведений в прозе, чтобы перевести их на русский язык. Поэт с удовольствием обещал сделать это.

К сожалению, грузинская газета «Чвени азри», сообщив о посещении председателем окружного суда Липкиным и прокурором Дубровским поэта, искажила смысл их беседы, приписав А. Церетели высказывания по различным судебным вопросам. Эту заметку без изменения перепечатала газета «Закавказье». В связи с этим А. Церетели написал опровержение — «Письмо в редакцию», которое также было опубликовано в «Закавказье» (1909, 19 июля): «Считаю долгом сообщить, что я крайне поразился, прочитав заметку в «Закавказье» о посещении меня полковником Липкиным и Дубровским, т. к. эта заметка в совершенно извращенном виде передает характер и смысл нашей беседы! Наш разговор касался исключительно поэзии как русской, так и грузинской. Полковник Липкин, как поэт, просил меня перевести ему некоторые из моих стихотворений для передачи на русский язык, а о судебных делах у нас никакого разговора не было».

Из этих заметок, да и из самой поэмы Липкина, можно заключить, что он горячо любил Грузию, ее историю, культуру, с большим уважением и восхищением относился к грузинскому поэту, которому посвятил свою поэму «Долина Свэти». В ней он изобразил любимого поэта в образе седовласого Мествире (как он сам объясняет в сноске — русского Баяна).

Поэма М. Липкина, написанная в Тифлисе в 1911—1912 годах и напечатанная в 1914 году, прекрасно издана, снабжена иллюстрациями. В книге помещен прекрасный портрет автора — М. Липкина. Произведение разделено на главы, названные автором «Песнями». Поэма начинается с восторженного посвящения любимой Грузии, «стране былых побед и славы, в прошлом погребенной». Автор воспеваает Шота Руставели: «Где гений Шота Руставели твое бессмертие ковал и завещал его потомкам», царицу Тамар: «Где по руинам и об-

ломкам великой некогда страны, как страж могучей старины, витает тень жены державной — твоей Тамары богонравной». Поэт признается, что написание поэмы вдохновили его слышанные им предания об этой прекрасной стране.

М. Липкин сознает свои скромные поэтические возможности: «Стихами «Демона» и «Мцыри» мне не воспеть на скромной лире тебя, волшебный перл творца». С открытой душой он обращается к Грузии: «Я не дитя твоей отчизны, я не птенец твоих орлов, но от иной отторгнут жизни, пришлец, в тебе нашел я кров». В отличие от многих других пришельцев, военных и чиновников, он проникся горячей любовью к гостеприимно принявшей его стране, ее природе и народу. Он выражает глубокое чувство благодарности этому краю за то, что он принял его так ласково и дружелюбно, и желает своими стихами отблагодарить его. Поэтому он пишет полную любви к Грузии поэму, где признается, что «дыханьем Севера обвеян», он с юных лет мечтал о Грузии, и лишь на склоне лет осуществилась мечта его юности: «И вот мои мечты оделись в светлые одежды твоей волшебной красоты. И я, как юноша влюбленный, при ярком свете звезд твоих, твоим дыханьем опьяненный, тебе слагаю скромный стих». Он надеется, что его стих будет хотя бы «светлым камешком в Риони, иль кроткой звездочки лучом».

Далее поэт подробно и красочно описывает место действия своей поэмы — цветущую долину реки Квирилы, где горделиво высится вершина Кацери. Долина Свэти, «гордо ширясь и сверкая цветами вышитым ковром, спешит, как дева молодая, склониться тихо над ручьем». Автор описывает огромную скалу, возвышающуюся посреди долины Свэти, которая в народе с давних пор была известна своей недоброй славой. А на вершине скалы, куда ни люди, ни орлы «подняться в ужасе не смели», возвышались зловещим призраком черные обломки древней башни. Недалеко от этой башни, на скале, стоит небольшая часовня. И это странное соседство — «творенье демона и храм» — поражает любого, кто попадает в эти места. В поэме приводится легенда — древнее сказание о неприступной башне.

Согласно легенде, в древности царем Имерети был Давид, который вел беспрестанные бои с «мстительными соседями» — мусульманскими странами. «Он вел давно кровавый спор», сокрушая мечом и булатом «неверных турок». Отдыхая от войн, царь любил проводить время, охотясь на вепрей и медведей, или пировать с друзьями. Иногда он заезжал к какому-либо

князю в гости, и это для хозяина было большой честью. Среди знатных князей своим гордым нравом славился князь Мурашидзе, владелец долины Свэти. У него была красавица дочь Саломэ. Князь мечтал выдать замуж свою единственную дочь только за царского отпрыска. Таким женихом был князь Вахтанг, смелый, богатый, отважный юноша, безумно влюбленный в Саломэ, которая отвечала ему холодным равнодушием. Рисуя портрет Саломэ, автор явно подражает Пушкину:

Кротка, ленива и послушна,
С лицом мечтательным она
Порой казалась простодушна,
Порой, как мрамор, холодна.
В ней все как будто бы дремало,
Чего-то смутно ожидало, —
Так дремлет роза в час ночной,
Свернув цветок душистый свой.
И ждет во сне, чтоб луч денницы
Открыл ей ласково ресницы.

Однажды ночью Саломэ не спалось, она вышла в сад. Внезапно перед ней появился князь Вахтанг, который стал домогаться ее любви. Вдруг, подобно страшному видению, над ужасающей скалой появился страшный призрак с огненной пастью. Призрак захохотал, и страшный гул, будто гневный ураган, пронесся над горами. Князь в испуге отступил, а Саломэ скрылась в доме. Наступило утро, в его описании уже слышатся лермонтовские интонации: «Еще полны ночной истомы, грузинки медленной толпой к ручью спустились за водой, держа высокие кувшины на смуглых поднятых плечах. И пел ручей среди долины, сверкая в солнечных лучах».

Лишь Саломэ была печальна. Князь, решив развлечь свою дочь, едет с ней к царю. Во дворце пир, множество гостей. Гости поют прекрасную народную песню о царице Тамар. Здесь Саломэ встречается с Нико — бедным азнауром, веселым и смелым юношей, которого сразу же полюбила. А Нико давно уже влюблен в прекрасную Саломэ, давно мечтает о ней. Вахтанг, заметив их взаимное чувство, страдает от ревности. Через некоторое время в гости к князю Мурашидзе в долину Свэти приезжает со своей пышной свитой царь. Он узнает о страшной башне, из которой по ночам доносятся стоны и плач, о страшных призраках, пугающих все местное население. Мно-

го месяцев крестьяне по приказу князя Мурашидзе строят лестницу, чтобы можно было добраться до башни и победить злого духа, но достроить ее никак не удастся. Тогда царь обратился к своим приближенным — к тем, кто чувствует в себе силу и смелость проникнуть в башню и победить дракона. Мурашидзе обещает победителю руку своей дочери. Добровольцами вызываются идти Нико и Вахтанг. Когда-то они были друзьями, но любовь к одной и той же девушке сделала их смертельными врагами. Они решают попытать счастья и договариваются, что Саломэ станет женой того, кто добьется победы. Саломэ тайно следует за Нико.

И вот они на пути к башне. Все ближе подходят к ней с разных сторон, как вдруг вновь над ними раздается оглушительный хохот. Из башни вырывается страшный призрак, который поражает «двух пигмеев», два слабых человеческих существа «с кичливой жаждой Прометей». И горы разверзлись и поглотили отважных юношей, дерзнувших выступить против злой силы. А с ними погибла и Саломэ. Убитый горем князь Мурашидзе на этом месте воздвиг часовню. Так и высится она по сей день рядом со страшной башней. «И мчались годы, стояли башенные своды, а рядом с ними божий храм. — Две тайны матери природы, по днесь неведомые нам».

Таким образом, в основу этой поэмы, посвященной Акакию Церетели, легла древняя народная легенда, пересказанная автором в стиле романтической поэмы. Хотя поэма как художественное произведение не представляет особой ценности, она, несомненно, интересна своей фабулой, этнографическими подробностями. Стих ее звучен и красочен, хотя порой и грешит подражаниями. Но главное, поэма — выражение признательности стране, ласково принявшей ее автора, она исполнена нежной любви к прекрасной Грузии. Подобное отношение к ней в немалой степени было вызвано знакомством и дружескими отношениями с великим грузинским поэтом Акакием Церетели, которому она и посвящена.

ИСПОВЕДЬ ПОЭТА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ РЕЗО АМАШУКЕЛИ

В декабре 1991 года я увидел в книжном магазине моего родного города Алаверди сборник стихотворений Реваза Амашукели на русском языке (перевод Е. Рейна и С. Борисова).

На улице — необычный холод. Даже дома нелегко было расслабиться — блокада обрекала нас на замерзание. Погрузившись в глубокое кресло, я перелистал сборник, а затем приступил к чтению.

С Резо Амашукели я познакомился семь лет назад: в декабре 1984 года в Ереване отмечалось 70-летие со дня рождения известного армянского поэта Ованеса Шираза (к сожалению, он не дожил до того дня).

На юбилей известных поэтов приглашались, как водится, гости со всех союзных республик. Однако на юбилей Шираза приглашения были посланы лишь в две соседние республики и в центр. Грузинскую делегацию представляли Резо Амашукели с супругой и переводчик Гиви Шахназар.

Вечером Большой зал Ереванской филармонии был переполнен. Многие поклонники поэзии Шираза тогда не смогли попасть в зал.

Без преувеличения можно сказать, что наиболее теплый отклик вызвало выступление Резо Амашукели. Грузинский поэт сполна отдал дань своему старшему собрату, автору поэмы «Шота Руставели и царица Тамар», переводчику «Мерани» Н. Бараташвили, певцу дружбы армянского и грузинского народов. Свою речь поэт закончил на армянском языке: — Да благословит Бог святую могилу Шираза. Амины!

В ложе, где находился Святейший Патриарх и сопровождавшие его священнослужители, встали, перекрестились и повторили: Амины!

Выступление грузинского поэта взволновало тысячи телезрителей, и наутро Резо Амашукели был уже знаменитым

в Армении поэтом. Даже официанты и водители узнавали его, приветливо улыбаясь.

У грузинского поэта было немало интересных встреч в Армении. Одна из них — прием у католикоса Армении Вазгена I.

Видимо, цикл стихотворений, посвященный Армении и напечатанный в «Гракан Терт» («Литературная газета») в переводе Вагана Давтяна, и явился следствием этой поездки.

С тех пор минуло семь лет. И вот сейчас, сидя в холодной квартире, я почувствовал, как меня греют его стихи. Я узнал его ближе — как он начинал, каковы его корни, из каких источников он черпает вдохновение, какой прошел путь, какие делал ошибки, какие преодолевал противоречия, каким поэтическим принципам хранил верность...

Поэт Реваз Амашукели вступил на литературное поприще в 60-е годы. Новаторские течения тех лет несли в себе все преимущества и крайности переломных поэтических эпох: новые требования к оценке художественных явлений, предпочтение формы содержанию, жонглирование словами и пр. Создавались теории, в которые вписывались аморфные, оторванные от своих корней бесстрастные персонажи и лирические герои многих произведений. Начали «переписывать» классиков, толковать их на свой лад, по-новому осмысливать. Некоторым это компенсировало отсутствие собственного голоса, собственного духовного багажа. Но далеко не всем. Так или иначе каждый по-своему поверил в собственные возможности, по-своему осознал новое веяние времени, что придавало стихотворной строке поэтичность и правдивость.

Заморозки губят слабые саженцы, а сильные делают выносливее. Этот простейший закон распространяется и на поэзию.

Сегодня, когда утихли страсти, кипевшие вокруг «талантов» и «звезд», отчетливо виден путь, который прошли как бы находившиеся в тени, но интересные по сути своей и глубине истинные поэты.

В храм поэзии Резо Амашукели входит со священным трепетом, все подчинено одной цели — переоценке ценностей, определению границ добра и чистоты.

Монмартр,

полуночь,

рюмка коньяку...

— Художник цвет, как правило, один! —

Подобно акварельному мазку,
блудница,
утомляющая сплнн.
Брусчатка улиц,
розы погребка,
инное знали время,
но верней
поведает о нем издалека
поэт и царь,
книго и соловей.
Бледнеют щеки,
ропщет забытье.
Звучит Монмартр отчаянья и грез.
— Чем укреплю я звание мое,
не ведающий блага, кроме слез?! —
Провидец,
мастер
и дитя с пелен,
идет Парижем батоно Мераб,
как Петр Великий,
долг и силен,
сметлив и ловок,
как его арап.

«Монмартр»

Несколько густых, свободных мазков кисти—и перед читателем возникает живой, пластичный и теплый поэтический образ. Это — стиль Резо Амашукели — отточенный, прозрачный, ясный.

Человек в поэзии Резо Амашукели — самостоятельная ценность, содержание истории и смысл жизни. Человек — единственный материал и главный критерий его поэзии.

Силу человека, высшее его достоинство поэт видит в осмысленной, целеустремленной и добросовестной деятельности. Он восхваляет силу и ум своего современника.

Ведущий философский мотив в поэзии Резо Амашукели — отношение к труду — главный источник могущества человечества и прогресса, верность избранному пути как стимул для творчества. Именно эта верность определяет моральный облик и поступки лирического героя Резо Амашукели.

...О, как мне хотелось
С размаха упасть на колени!

Мы тост поднимали во славу реликвий священных,
И к нам опускались
Великие древние тени.
Задумавшись крепко,
Забылся Тархан-моурави,
И видел свой сад,
И свой дом,
И соседские кровли.
И к нам возвращались
И птицы, и горы, и травы.
И киндзмараули разбилось на капельки крови.
И так рассветало,
Что если бы враг позстречался,
То я бы ему улыбнулся и встретил, как брата,
И лист винограда на солнце слезой источался,
Надежда грузина,
Наш пыл, но и наша прохлада...

Резо Амашукели неразрывно связан со своим временем. Его поэзию можно охарактеризовать как поэтическое эхо современных проблем универсального значения. Вот почему в его поэзии доминируют актуальные темы. В частности, тема родины.

Поэта волнует судьба родины, судьба грузинского народа. В его патриотических стихотворениях мы видим концепцию, покоряющую своей нравственной сутью и правдиво передающую настроения родного народа.

Одним из примеров художественного обобщения пройденного им исторического пути является стихотворение «Вечер в Гелати. У могилы Давида Строителя!».

Грыз я узду
железного злого закала.
Кривое ярмо
невзгоды влачил терпеливо...
Соком инжира
тлетворная влага стекала
в руки мои,
предержащие слезы надрыва...
В гору ревмя машин устремляется свора.
Звонко сверчки оглашают окрестные склоны.
Как на закланье
я отдан до судного хора

этой земле,
этим кровлям, упрятанным в кроны!
Вьется дорога.
И меркнет чело Моцамети.
Тень от маглари
темнеет на мшистой ограде.
Там, где когда-то
сады ликовали, как дети,
эхо развалин скитается милости ради.
Низкое солнце исполнено тайного гнева.
Прозелень звезд изнывает в небесном замоте.
Горестно знать,
что во благо несытого чрева
пахарь и воин пожертвовали духом для плоти...

Таким образом, двигаясь от частного к общему, переходя от описания родной природы к общей судьбе народа, поэт естественным образом пишет историю. Резо Амашукели понимает, что настоящее страны неотделимо от ее прошлого, невозможно отразить судьбу народа, обойдя вниманием его историческое прошлое. Сила патриотических стихотворений поэта в том, что настоящее с прошлым в них тесно переплетено.

Сколько вражеских нашествий пережила Грузия, но грузинский народ вынес все, сохранился как этнос, никогда не терял веру в свою жизнеспособность, напротив, именно эта вера помогала бороться за сохранение своей земли, родного языка и веры. И он сохранил-таки все это, создав неисчислимые духовные и материальные ценности.

В цикле «В комнате царя Ираклия» новые мотивы исторической памяти звучат в нем в сочетании с современной действительностью.

Кристалльной чистотой звучания отмечены стихотворения «У Кашвети», «Анна Каландадзе», «Из Эль-Кахари», «В блаженстве», «Шуапхо» и др.

Книга Резо Амашукели исполнена тревожного спокойствия и спокойной тревожности, глубокой исповедальности. Это поэзия со здоровыми и древними корнями. И еще одно: Резо Амашукели относится к поэтам, которые о наблевшем говорят по велению сердца. Именно огромная внутренняя боль выявила индивидуальность Резо Амашукели.

Сборник поэта убеждает нас еще в одном: для художника недостаточно быть честным, интеллектуальным, быть мастером. Необходим еще фактор личного трагизма, без которого

творчество поэта лишается общественно-обобщающей функции. Естественно, гораздо тяжелее нести крест личных страданий и трагизма, но без этого не получить из зерна колос, из дерева — уголь, из строки — стихотворение. Это смелая и составляющая единое целое книга, в которой обобщены лучшие элементы поэзии, в частности, приземленный романтизм и возвышенный реализм. После ее прочтения невольно вспоминаешь, что выражение самого главного и существенного всегда требовало от художника сверхчеловеческого напряжения сил. Именно это — самое существенное, созревая от строки к строке, переходит в иное качество, и стихотворение становится исповедью. Подобные книги не пишутся сразу, в один день. Их, как деревья, питают не столько видимые, сколько невидимые источники, сам мир, его боль и страдания. Эта теплая книга — отражение истинного «я» поэта.

30 сентября в связи с дезинформацией, систематически распространяемой российскими телевизионными программами о событиях в Грузии, нами была отправлена телеграмма Президенту РФ г-ну Б. Н. Ельцину. Приводим ее текст.

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Вынуждены беспокоить Вас в связи с той политикой в отношении грузино-абхазского конфликта, которую осуществляет российское телевидение в своих программах «Вести» и «Новости». Так лишь за последние несколько дней по этим программам был передан ряд несоответствующих действительности сообщений, например, о взятии г. Очамчиры абхазскими военными формированиями, о том, что якобы Эдуард Шеварднадзе положительно оценил акцию перед зданием штаба ЗакВО и т. п. Зачастую демонстрируются старые кадры хроники под видом новых, что тоже сбивает с толку зрителей. Очевидна и односторонность информации: преимущественно передаются сообщения абхазской стороны и игнорируются поступающие из Грузии. Подобная политика нам представляется аморальной, тем более, что речь идет о жизни и смерти людей, она служит не миротворческим целям, а еще большему разжиганию конфликта, что, конечно же, не укладывается в рамки того политического курса, который проводит Президент РСФСР и который поддерживает все мировое сообщество.

Редакция и редколлегия журнала
«Литературная Грузия».

Роиւ **МЕТРЕВЕЛИ,**
 Нукри **ШОШИАШВИЛИ**

ОЧЕРЕДНОЙ НАСКОК НА ИСТОРИЮ ГРУЗИИ

В 1992 году Общество по изучению армянской архитектуры издало в Ереване буклет «Ахалкалаки» (с текстом на армянском, русском и английском языках), цель которого — ознакомить широкого читателя с историей армянского поселения в Джавахетском Ахалкалаки. Он входит в серию предполагаемых к выпуску буклетов, посвященных описанию истории армянских поселений в пограничных с Арменией регионах (главным образом в Грузии, так как в приложенный к буклету перечень внесена почти вся Южная Грузия). Издание такой справочной литературы — дело само по себе, разумеется, полезное: выполненная квалифицированно и добросовестно, такая серия могла бы способствовать освещению истории возникновения армянских колоний в различных странах. К сожалению, ознакомление с текстом буклета убедило нас, что его авторы и неквалифицированы, и недобросовестны, целью же их является вовсе не освещение истории армянской колонизации, а пропаганда маниакальной идеи «Великой Армении», дезориентация части общества, незнакомого с историей Грузии и Армении.

Перечень задуманных буклетов рождает у читателя вопрос: почему авторы серии ограничиваются соседними с Арменией странами и не включают в перечень армянские поселения в территориально отдаленных от Армении странах? Текст буклета дает ясный ответ на этот вопрос: цель авторов — убедить читателей в том, что все эти поселения без исключения исторически являются армянской территорией, частью «Великой Армении», карта которой напечатана на последней странице

буклета и в которую включена половина Грузии. Разумеется, в пределах Армении оказался и Ахалкалаки, обозначенный на карте заглавными армянскими буквами.

Из текста буклета мы узнаем, что:

ՀԱՐՑԵՅՉԻ
ՅՈՑՉՈՐՈՅՅՅ

1. Ахалкалаки со дня своего основания (XI в.) был и остается армянским городом. На протяжении всего средневековья он был центром одной из армянских провинций — «Джаваха Гавар» армянского края Гугарк.

2. Еще до XI века на месте Ахалкалаки находилось армянское поселение, ставшее в начале XI века армянским городом.

3. Со дня основания и до настоящего времени в Ахалкалаки всегда преобладало армянское население.

4. Оказывается, в 1637 году Турция захватила не грузинский город Ахалкалаки, один из центров грузинского государства — Самцхе-Саатабаго, а армянский «Ахалкалаки вместе с Гаваром».

5. В 1828 году русские войска освободили совершенно обезлюдевший Ахалкалаки, оживший только после того, как сюда переселились каринские (арзрумские) армяне (1831 г.).

Как уже отмечалось, буклет снабжен картой «Великой Армении» «от моря до моря» — символ мечты провинциального армянского националиста-шовиниста. Карта не имеет обозначений, и только название Ахалкалаки красуется белыми армянскими буквами на красном фоне.

Во всем тексте буклета ни Грузия, ни грузины не упомянуты ни разу.

Что можно сказать обо всем этом? И стоит ли, тем более что уровень этой очередной неприкрытой диверсии безответственных армянских горе-патриотов против истории Грузии крайне низок. Здесь нет ничего нового, подобные наскоки на нашу историю предпринимались ими не однажды. Вопросы исторической географии Грузии, и в частности Джавахети, детально, с привлечением грузинских и иностранных (в том числе армянских) источников изучены в трудах грузинских ученых (И. Джавахишвили, С. Джанашиа, Н. Бердзенишвили, Д. Бердзенишвили, Д. Мусхелишвили, Л. Чилашвили, Ш. Ломсадзе, А. Абделадзе и др.), так что для специалиста тут нет ничего спорного и неясного, но поскольку этот буклет ставит целью, как уже говорилось, ввести в заблуждение широкую читательскую общественность, необходимо разоблачить эту провокацию, могущую нанести вред исторической дружбе грузинского и армянского народов.

Если бы авторы буклета удосужились заглянуть в исторические источники, ознакомиться с научными трудами грузинских и армянских исследователей, то убедились бы, что:

1. Ахалкалаки возник в XI веке как грузинский город с грузинским населением, грузинским наименованием, как один из центров грузинского государства.

2. Никаким центром «гавара» (т. е. армянской провинции) Ахалкалаки никогда не был по той простой причине, что в грузинском государстве «гаваров» не существовало. В состав армянского государства Ахалкалаки никогда не входил и войти не мог хотя бы потому, что ко времени возникновения Ахалкалаки история средневековой армянской государственности в Закавказье была уже фактически завершена. Так что помещенная в буклете карта Армении, в которую включен Ахалкалаки, является плодом фантазии авторов.

3. Ахалкалаки всегда входил в грузинскую церковную епархию (этот вопрос авторы буклета обходят): он был приходом Цундского, а затем Кумурдойского епископа.

4. Когда Турция захватила Ахалкалаки (1578 г.), он был не центром армянского гавара, а городом-крепостью одного из грузинских князей (Шаликашвили) Самцхе-Саатабаго.

5. На протяжении всего средневековья (XI—XVIII вв.) в Ахалкалаки преобладало не армянское, а грузинское население (хотя здесь, как и в других районах Южной Грузии, происходила инфильтрация армянского населения).

Преобладание армянского населения в Ахалкалаки было создано искусственно в XIX веке в результате колониальной политики России: местное грузинское население было выселено, а заселены армяне из Турции.

Разъясним эти вопросы детальнее (хотя, как уже говорилось, для людей, хоть сколько-нибудь знакомых с историей Грузии и Армении, все это — известные факты, не требующие разъяснений).

1. Ахалкалаки XI—XV вв. Это была эпоха существования единой грузинской монархии. Именно в этой единой монархии и возник Ахалкалаки. Мог ли он в то время этнически или по своей государственной принадлежности быть армянским городом? В середине XI века прекратили свое существование главные армянские государства в Закавказье: Ширакское, Ванандское и Васпураканское царства. Немного дольше просуществовали Сюникское (Сивниетское) царство, Арцахское, Сасунское, Мокское, Рштунское княжества, а также т. н. Ташир-Дзорогетское царство в историческом Квемо Картли.

и все они, разумеется, не имели ничего общего ни с Ахалкалаки, ни с Джавахети. Так что авторы буклета включили Ахалкалаки в несуществовавшую Армению, а Джавахети объявили армянским «гаваром», также никогда не существовавшим.

Теперь о том, что касается этнического вопроса. Интересно, на чем основываются авторы буклета, заявляя, что в Ахалкалаки всегда преобладало армянское население, что вообще Ахалкалаки основали армяне. Если это так, почему же тогда армяне дали основанному ими городу грузинское название? Авторы, естественно, чувствуют эту неувязку и пытаются протащить такое «объяснение»: они специально приводят цитату из книги армянского историка XIII века Вардана «Всемирная история»: «Нор-Калак, зор вирк Ахал-Калак асен» — «Нор-Калак, что по-грузински значит Ахалкалаки». При помощи этой цитаты они пытаются создать впечатление, что Ахалкалаки — это грузинская огласовка армянского слова «Нор-Калак», т. е., что Ахалкалаки на самом деле называется не Ахалкалаки, а «Нор-Калак». Однако, ссылаясь на это замечание Вардана, они отлично знают, что и Вардан, и другие армянские авторы не раз упоминают именно Ахалкалаки, а не «Нор-Калак». Поэтому они не решаются переименовать Ахалкалаки на армянский лад и вынуждены оставить его грузинское название (в том числе и на карте!). Но их, как видно, очень раздражает этот грузинский топоним, и они пытаются хотя бы исказить его. В частности, они отмечают, будто армянский историк XII века Матэос Ургаэци называет его «Калаки Ахали» («город Ахал»). В действительности в подлиннике названного источника значится «Ахалкалаки», а не «Калаки Ахали».

Чтобы доказать, что Ахалкалаки основали армяне и в нем всегда преобладал армянский этнос, в буклете приводятся сведения об обнаружении в Ахалкалаки и его окрестностях нескольких армянских хачкаров (каменных крестов). Но можно ли на основании этого всерьез утверждать, что Ахалкалаки был армянским городом? Так ведь можно объявить армянским и Тбилиси, и вообще любой город Грузии, да и не только Грузии. Разве авторам буклета неизвестно, что в Ахалкалаки и его окрестностях (как и во всем Джавахети) грузинских исторических памятников (культовых, фортификационных, хозяйственных строений, памятников эпиграфики и др.) гораздо больше, к тому же они являются более ранними? Литература об этих памятниках и вообще об Ахалкалаки довольно обширна и достаточно доступна. Назовем некоторые источники: И. Ростомов. Ахалкалакский уезд в археологическом отношении:

საქართველოს
ქრონოლოგიური
ცენტრი

СМОМПК, вып. XXV, 1898; Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, т. I, 1964; В. Цискаришвили. Эпиграфика Джавахети как исторический источник, 1959; Д. Бердзенишвили. Очерки по исторической географии Грузии, 1985; Э. Джандиэри. К истории Джавахетского Ахалкалаки: «Археологические памятники феодальной Грузии», т. I, 1969, и другие.

Джавахетский Ахалкалаки возник на рубеже X—XI вв. Это было время образования в Грузии новых городов и новых крепостей¹, так как страна встала на путь экономического, политического и культурного подъема. (В это время возникли города: Джавахетский Ахалкалаки, Триалетский Ахалкалаки, Ахалцихе, Тмогви, Атэни, Олтиси, Телави, Дманиси и др.). Основанию Ахалкалаки способствовали следующие причины, указанные в вышеперечисленной литературе. См. также: Л. Чикишвили. Города в феодальной Грузии, II, 1970); географическое положение на торговых путях сообщения (у слияния рек Джавахетской Мтквари и Ахалкалакис-цкали), связывавших различные районы Грузии со странами Южного Закавказья и Передней Азии (Арменией, Персией, Византией), а также хозяйственная интеграция Джавахети с остальной Грузией, что увеличивало значение Ахалкалаки и всего края для страны.

Ахалкалаки стал экономическим и административным центром Джавахети, сменив в этой роли г. Цунда. Строительство городской стены начал Баграт III (975—1014) и завершил Баграт IV (1027—1072). Эти два периода строительства городской стены подтверждаются также археологическими раскопками: на городских воротах обнаружена грузинская надпись, в которой упоминается царица Мариам, мать Баграта IV. Когда в 1085 году султан турок-сельджуков Алф-Арслан осадил Ахалкалаки, стена была еще недостаточно прочной, ее защитники «месхи стойко обороняли Ахалкалаки», но турки все же захватили и разорили город.

Таким образом, в Джавахети Цундское эриставство сменилось Ахалкалакским, а Цундское епископство — Кумурдойским. Ахалкалакским эриставством владели Торели, Верхне-Джавахетская часть (расположенная на правом берегу Мтквари) была царским доменом, а Квемо-Джавахети (расположенная на левом берегу) была разделена на владения грузинских вельмож.

¹ Ахалкалаки в переводе с грузинского означает «новый город», а Ахалцихе — «новая крепость».

2. Ахалкалаки в XVI—XVIII вв. С 60-х годов XIII века, при пособничестве монголов, началось отделение эриставства Самцхе от Грузии, завершившееся в XV веке образованием отдельного княжества Самцхе-Саатабаго. Постепенно в его состав были включены Ахалкалаки и вся область Джавахети. Новые владельцы Самцхе — князья Джакели изгнали из своего государства старых помещиков и завладели их землями. (В частности, Джавахети покинули: Торели, Тмогвели, Гобиари, Отари, Камкамисшвили, Булгадарисшвили и другие роды.) Прекративший существование царский домен в Джавахети также перешел во владение Джакели. В Джавахети возникли новые княжеские дома (Шаликашвили, Аматакисшвили, Рчеулишвили, Диасамидзе и др.), завладевшие землями старых родов. Ахалкалаки вошел в состав владений князей Шаликашвили.

В XVI веке усиливается агрессия Турции и Ирана против Грузии. Объектом их соперничества становится, в частности, и Самцхе-Саатабаго. В 1578 году турки захватили Ахалкалаки, отняв его у Кокола Шаликашвили. В 1579 году турки создали на территории завоеванного Самцхе-Саатабаго «Гюрджистанский вилайет» (иначе «Чилдирский вилайет», «Ахалцихский пашалык»). В Джавахети были созданы две ливы: Хертвисская и Ахалкалакская, каждая из них была поделена на три района (нахиэда). Произведенное турками административное деление Самцхе-Саатабаго приводится в составленной в 1595 году книге «Большой давтар Гюрджистанского вилайета». Захват Турцией Самцхе-Саатабаго был подтвержден Ирано-Турецким мирным договором 1639 года.

В период турецкого владычества началось омусульманивание и отуречивание населения Самцхе-Саатабаго, однако большая часть населения в XVII—XVIII веках все еще сохраняла свое национально-религиозное лицо. По сообщению Вахушти Багратиони (I половина XVIII в.), население завоеванной Турцией Джавахети «язык имеет грузинский». В 70-х годах XVIII века немецкий путешественник Гюльденштедт сообщает о Джавахети: «Джаввахети — грузинский край, ныне находится в руках Турции». (Путешествие Гюльденштедта по Грузии»; т. I, перевод и исследования Г. Гелашвили, 1962, с. 215). «Большинство населения — грузины» (там же). Когда в 1778 году царевич Георгий (сын Ираклия II) отправился на отдых в Триалети, то на берегу Тапараванского озера к нему выразить свое уважение пожаловал ахалкалакский паша (санджак-бег) в сопровождении вельмож, говоривших по-грузински (П. Иоселиани. Жизнь Георгия Тринадцатого, с. 82). «Гю-

рджистаном (т. е. Грузией) называет Самцхе-Саатабаго турецкий историк XVII века Эвлиа Челеб. «Гюрджистаном» называется этот край в давтаре-описи 1595 года и в других источниках.

На протяжении всего средневековья как в грузинских, так и в армянских источниках жители Джавахети именуются «джавахами» и «месхами». Не думают ли авторы буклета, что «джавах» и «месх» означает «армянин», а не «грузин»? И где жили эти джавахи, если не в главном городе Джавахети?

3. Ахалкалаки в XIX веке. В первой половине XIX века, в результате русско-турецких войн, Самцхе-Джаважети, а следовательно и Ахалкалаки, освободилась от турецкого владычества. Но это освобождение не принесло особых благ грузинскому населению. Напротив: следствием «освобождения» стало то, что русское правительство очистило эту исконную грузинскую область от грузинского населения и заселило ее негрузинами: армянами, курдами, греками, карапапахами (таракамами, терекеминцами), русскими сектантами (духоборами). Планировалось также заселение казаков и немецких колонистов. Еще во время первой русско-турецкой войны (1806—1812) по приказу главноначальствующего Тормасова в 1810 году из Ахалцихского пашалыка было выселено 1506 грузинских семей. Из одного только села Котэло (в 15 км от Ахалкалаки) было выселено 112 семей. В 1812 году по Бухарестскому мирному договору Россия вернула Турции Ахалкалаки (взятый русскими войсками в конце 1811 года). Окончательно Ахалкалаки отошел к России по условиям Адрианопольского мирного договора. В 1829 году, после освобождения Самцхе-Джаважети, российские власти разработали план выселения отсюда грузинского населения и заселения этого края колонистами. И. Джавахишвили писал: «В Месхети, где до 1828 года грузинское население превышало 90 процентов, уже в 1830 году по милости русского правительства большинством стали армяне» (И. Джавахишвили. Докладная Советскому правительству Грузии, 1926 г., ЦГИА, ф. 471, дело № 6).

26 июля 1828 года главноуправляющий Паскевич писал Нессельроде, что Джавахети — наилучшее место для русских колонистов. Началось массовое выселение грузин. Чтобы облегчить эту операцию, грузинам разрешалось продавать свою землю казне и частным лицам. Так за бесценок была распродана вся Самцхе-Джаважети. Омусульманившийся грузинский князь Палавандишвили, санджак-бег Ахалкалаки, продал казне 29 сел. Кроме того, частным лицам (русским чиновникам

и армянским купцам) он продал села Мурджанэти, Пртэна, Накалакеви, Гогашени и др. Потомки грузинских дворян, изгнанных турками из Самцхе-Джавахети в XVI—XVIII веках, представили Паскевичу свои фамильные грамоты и потребовали возвратить принадлежавшие им по праву владения, но получили категорический отказ. Грузинам вообще запрещено было селиться на освобожденных землях Самцхе-Джавахети. Здесь задумано было создать военные поселения казаков, но затем край заселили армянами. Определенную роль сыграл в этом генерал Василий Бебутов, возглавлявший в 1828—1830 годах временное управление «Ахалцихской области». В 1829—1830 годах на землях выселенных грузин поселили 14 000 армянских семей из Арзрума, Ардагана, Карса и Баязета, приблизительно половину из них — в Ахалцихском пашалыке. Л. Загурский писал в 1872 году: «Армяне из турецких областей густо заселили Ахалкалакский уезд, сохранились лишь маленькие оазисы грузинских сел». (Л. Загурский. Поездка в Ахалкалакский уезд в 1872 году).

Поселившиеся здесь армяне использовали в качестве строительных материалов памятники грузинской материальной культуры — церкви, крепости (к счастью, они не сумели уничтожить все, и в Самцхе-Джавахети сохранилось много античных и средневековых грузинских исторических памятников, свидетельствующих о многовековой жизни и многогранной деятельности грузин в этом крае). Месх-патриот Иванэ Гварамадзе писал: «Вторгнувшиеся иноземные племена со всех четырех сторон силой отнимают у нас обильно политую кровью наших предков родную землю, ее горы и долины, леса и поля, делят между собой... Разрушают наши крепости, замки, церкви, захватывают наши монастыри, присваивают иконы и драгоценности». (Ш. Ломсадзе. Самцхе-Джавахети. Тб., 1975, с. 361).

Вот как, вследствие колонизаторской политики Российской империи, возникло преобладание в Ахалкалаки армянского населения в XIX веке. Авторы буклета замалчивают этот процесс, заявляя, что в «Ахалкалаки всегда преобладало армянское население».

Вопрос о Гугарке.

Топоним «гугарк» и этноним «гугарцы» встречаются в древнеармянских источниках (Агатангелос, Фавстос Бузанди, Мовсес Хоренаци, армянская география VII века — «Ашхарацуиц», Ованес Драсханакертци, Ухтанес и др.). Соответствующая греческая форма «гогарене» в древнегреческих и латинских источниках (Страбон, Клавдий Птолемей и др.) В гру-

зинских источниках этот топоним-этноним не упоминается (видимо, он рано утратил реальный смысл).

Исследователи полагают, что первоначально это слово имело грузинскую форму «гог-ар-ани», образованную при помощи мингрельско-чанского суффикса -ар-, обозначающего происхождение. Таким образом, «гог-ар» означает «гог-эли» («гогец»), а «гог-ар-ани» — «гогарети» (А. Шанидзе. Два чано-мингрельских суффикса в грузинском и армянском языках, ЗВОРАО, т. XXIII, Петроград, 1916, с. 369).

В пользу происхождения армянского «гугарк» от «гогарани» свидетельствует тот факт, что на карте русского генерального штаба, датированной 1802 годом, в Бамбакском ущелье значится село Гогарани, ныне находящееся на территории Армении и называющееся Гугарк.

Территориальные границы Гугарка.

Древнейшие сведения о Гогарене встречаются у древнегреческого автора Страбона (I в. до н. э. — I в. н. э.). В своей книге «География» он сообщает, что во II в. до н. э. усилившаяся Армения отняла «у иберов склоны горы Париадр, Хордзене и Гогарене, расположенный на другом берегу реки Кир» (Страбон, XI, 14,5). Таким образом, по сообщению Страбона, Гогарене принадлежал Иберии (т. е. царству Картли) и был захвачен Арменией во II в. до н. э. Расположен он был юго-восточнее р. Мтквари.

Армянские источники сообщают различные сведения о территориальных границах Гугарка. По-видимому, под понятием Гугарк первоначально подразумевалось только историческое Квемо Картли¹, затем содержание его расширилось, включив также и Квемо Джавахети, т. е. Джавахети, расположенное на правом берегу р. Мтквари (Мовсес Хоренаци). Согласно «Ашхарацуиц», сюда входят уже Триалети, Артани и Кларджети, т. е. вся Южная Грузия. В дальнейшем в армянских источниках Гугарк отождествляется со всей Восточной Грузией, а гугарцы, гугаряне — с грузинами (Иоанн Драсханакертци). Это отразилось и в том, что в армянской «Географии» XIII века (приписываемой историку того периода Вардану) Гугарком именуется и Шак (западная часть Албании), входивший в то время в состав Грузинского царства.

Этническая принадлежность гугарцев.

Ни один армянский автор не причисляет гугарцев к ар-

¹ Нижняя Картли.

мянам. Фавстос Бузанди (V в.), перечисляя различные народы, которых объединил против армян царь Маскута, называет и гугарцев. Следовательно, он не считает гугарцев армянами.

Мовсес Хоренаци (V в.) отмечает: царь Армении «управление северным краем, что расположен перед горой Кавкасиони, возложил на большой и сильный народ, родоначальника которого сделал питиахшем Гугарка». Ясно, что под населением Гугарка Мовсес Хоренаци подразумевает не армян, а грузин. Об этом свидетельствует сообщение того же автора, что питиахш Гугарка был потомком Мирдата, которого Александр Македонский назначил правителем грузин. Здесь также Гугарк явно отождествлен со страной грузин.

Лазаре Парпеци (V в.), Мовсес Каланкатваци (XI в.) и Степаноз Орбелян (XVIII в.) упомянутого Мовсесом Хоренаци «питиахша гугарцев Ашуша» (отца Варскена) называют «питиахшем иберов».

Грузинское анонимное сочинение VI века «Мученичество Евстафия Мцхетэли», упоминая Аршуша, сына Варскена, называет его «питиахшем Картли».

Армянский историк X века Ованес Драсханакертци в своей «Истории Армении» пишет: «Наши соседи и народы, окружающие нас: греки, мегрелы, гугарцы и утийцы — северные племена, живущие у подножия Кавкасиони». Ясное дело, под гугарцами здесь подразумеваются восточные грузины, а под утийцами — албанцы. Он же называет известного грузинского мученика Микел-Гоброна (замученного в 914 г. Абул-Насимом) «Микаэлом из страны Гугар». Тот же историк считает Гугарком и Кахети и отмечает, что кахетинский князь (мтавар) владеет частью Гугарка близ Дарьяла.

В какой период Гугарк входил в состав армянского государства?

Как мы уже отмечали, по сообщению Страбона, Армения захватила Гогарене у Картлийского царства в начале II века до н. э. В I—II веке н. э. усилившееся Картлийское царство не только вернуло себе Гогарене, но пыталось также завоевать Армению. Некоторое время Арменией правили грузинские царевичи. Мовсес Хоренаци называет царя Картли Мириана (первого грузинского царя-христианина, IV в.) «предводителем иберов и питиахшем гугарцев», а это свидетельствует о том, что автор считал Гугарк в то время частью Картлийского царства.

Таким образом: 1. Гугарк реально существовал только во

II—I вв. до н. э. Это был южный район Картлийского царства, захваченный Арменией.

2. Гугарцы, согласно армянским же источникам, были не армянами, а грузинами.

3. После того, как Картлийское царство отвоевало у Армении Гугарк, этот край больше не назывался Гугарк. В армянских же источниках происходит отождествление данного топонима со всей Восточной Грузией, а гугарцев — с грузинами.

4. Сведения о границах Гугарка, содержащиеся в «Ашхарацуиц» (армянской географии VII века), отражают период II—I вв. до н. э., когда Гугарк входил в состав Армении.

Краткие сведения о Джавахети

1. В письменных источниках Джавахети впервые упоминается в урартских надписях VIII века до н. э. под названием «Забаха».

2. В Картлийском царстве (III в. до н. э. — 30-е годы VI в. н. э.) Джавахети, Кола и Артани составляли Цундское эриставство. Цундское, Одзрхское и Кларджетское эриставства в совокупности составляли историческое Зэмо Картли¹.

В этот период у царей Картли были три резиденции: Мцхета (весенняя и осенняя), Гачиани (зимняя) и Цунда (летняя).

3. В VI—VIII веках Джавахети входило в Картлийское эриставство. Арабский историк IX века Балазур называет в составе Картли также и районы Зэмо Картли. Эрисмтавар Арчил (VIII в.) зарыл фамильные драгоценности в Джавахети.

4. В IX веке Джавахети владел Гурам Мампал, младший сын Тао-Кларджетского мтавара Ашота I Куропалата, а затем — потомки Адарнэрсе, старшего сына Ашота I («Кларджетские государи»).

5. Во второй половине X века Джавахети переходит в подчинение царя Эгриси — Абхазии (Западногрузинское царство), и им правит эристав из рода Варданидзе.

6. В XI—XIV веках Джавахети входило в состав единого Грузинского царства. В это время центром Зэмо Джавахети был Ахалкалаки, где находился эристав — правитель края. Северная часть Зэмо Джавахети была доменом царя Грузии. Резиденцией царя здесь был сначала Дливи, затем Гртила, за

¹ Верхняя Картли.

тем Божано. После постройки царского монастыря в Вардзиа царская резиденция переместилась из Божано в Вардзиа.

Лаца-Георгий (1207—1222) как владетель царского домена Джавахети упоминается в надписях Баралетской церкви и Пртэнской стелы, а также на монете: «Царь Георгий, сын Тамар, государь джавахов».

7. В XV—XVI веках Джавахети входило в состав Самцхе-Саатабаго, принадлежавшего князьям Джакели, и делилось на владения отдельных князей, подчинявшихся атабагу Самцхе.

8. В XVII—XVIII веках Джавахети, захваченный турками, входил в «Гюрджистанский вилайет» («Ахалцихский пашалык»).

9. С 1829 года в Джавахети, освобожденном русскими войсками, установилось русское правление.

10. Джавахети природно-географически и, соответственно, административно делилось на Зэмо и Квемо Джавахети (соответственно на правом и на левом берегу Мтквари, на горное и равнинное Джавахети). Одной из древнейших была в Квемо Джавахети крепость Хертвиси, построенная в античную эпоху и просуществовавшая на протяжении всего средневековья. Согласно грузинским источникам, она предположительно существовала уже в IV веке до н. э. (На древность ее указывает название, сохранившее архаичную языковую форму, а также раннесредневековый слой, обнаруженный на территории крепости).

В Квемо Джавахети — в «долине Наили» встречается множество грузинских памятников, относящихся к раннему средневековью: стелы VI—VII веков близ Агарской церкви, церкви Святого Георгия, базисы стел в Карзамети, Гавети, Артахи и др.

Главным городом-крепостью Зэмо Джавахети была Цунда — до X века административный и епархиальный центр всего Джавахети.

11. В эпоху господства арабов (VII—VIII вв.) в Джавахети все же были построены грузинские церкви: Кварши, Сиргеи, Саро, Аландзиа, Хвилиши и другие (Н. Г. Чубинашвили. Церовани. Тб., 1976).

12. Джавахети вообще изобилует памятниками грузинской средневековой эпиграфики, собрания которых изданы несколько раз. Например, в грузинских надписях XI века часто упоминаются грузинский царь и царица (кумурдойская, зэдат-

могвская и другие надписи), царский эристав (зэдатмогвская, сатхская, мирашханская).

Мирашханская надпись 1065 года сообщает, что во время нападения на Ахалкалаки Алф-Арслана погиб эристав ^{царя} Грузии. В одной из надписей Ахалкалакской крепости упоминается мать Баграта IV царица Мариам.

В сохранившейся на Ахалкалакской крепости надписи XIII века упоминаются царь Грузии, амирспасалар и правители Ахалкалаки Торели.

Такова подлинная, без подтасовки и фальши история Джавахети, объявленного в буклете «Джавахским гаваром», и его центра — «армянского города» Ахалкалаки.

Грубое искажение истории Грузии, думается, не только не делает чести армянским авторам, но, что важнее, наносит вред добрососедским отношениям между грузинским и армянским народами. Не хочется верить, что буклет — дело рук профессиональных историков. Но тем не менее, армянским историкам следовало отреагировать надлежащим образом на подобную фальшивку.

Григол РОБАКИДЗЕ

ДЕМОН И МИФ*

СЕРИЯ МАГИЧЕСКИХ КАРТИН

Предисловие

Можно рассматривать Землю как геологическую реальность. Однако можно воспринимать ее и как космическое существо. Ведь не случайно на протяжении тысячелетий многим посвященным она представлялась как «душа космоса». Если и в наше время взглянуть на Землю с учетом этого знания, то невозможно будет отделаться от чувства, что она тяжело страдает. Можно даже сказать, что ее эфирному телу после мировой войны нанесен огромный ущерб. В восприятии Земли как явления можно различить два направления или течения. К первому относятся силы, которые видят в феномене Земли лишь «материю». Средствами, с помощью которых используется эта «материя», являются радио и техника. Земля расколдовывается и обезбоживается. Все происходящее на Земле объявляется как «факт» материального мира, не более. Вечное отрицается, индивидуальное подавляется — все сводится к анонимному, безлико-интернациональному. Эти силы, их изображению я посвятил свою книгу «Убиенная душа», существуют повсюду, но в основном они сконцентрированы в Советском Союзе.

Второе направление составляют силы, для которых Земля

* Перевод выполнен по изданию: Grigol Robakidse. DAMON UND MYTHOS. Eine magische Bildfolge. Eugen Diederichs Verlag in Iena, 1935

есть не вещественно-материальная субстанция, а MAGNA MATER — Великая Матерь. Вместо рации здесь доминирует интуиция, технике же отводится место всего лишь суррогата магии. Все явления рассматриваются в нерасторжимом космическом единстве и благодаря этому — под знаком мифа. Замкнутые в себе жизненные системы (раса, почва, род и др.) активизируются, и таким образом утверждается многообразие мира. Предпринимается попытка развития земных сил с точки зрения нации. Эти силы действуют всюду, но главное их поле действия в настоящее время — Германия. Вы спросите: почему именно эта часть Европы? Чтобы ответить на этот вопрос, следует проникнуться духом немецкой мистики, немецкой музыки, немецкой живописи, немецкой поэзии, наконец, феноменом Гете. (Гете — это мир сам по себе.) Здесь Земля принимает непосредственное участие в процессе материализации духовного начала. Для подкрепления сказанного приведем лишь один пример. Сравним Мадонну Рафаэля с Мадонной Дюрера. Если первая парит в эфире как совершенное небесное создание, вторая в своей чувственной реальности как бы вырастает из Земли.

Указанные два направления являются магистралями современного мира. Все то, что сегодня происходит сверх того, второстепенно и третьестепенно. Предлагаемые читателю очерки возникли на основании и с учетом обоих полярных направлений. Очерки эти ни в коей мере не представляют собой рассуждения, основанные на чисто отвлеченных понятиях, ибо едва ли возможно с помощью каких бы то ни было понятий зафиксировать те тончайшие волны, что струятся в атмосфере. Для того, чтобы проникнуться космической первозданностью, не прибегая к человеческому произволу, нужно сомнамбулически пройти сквозь предметы и явления, стремясь всей душой к истине. Очерки мои суть отражение моего созерцательного, то есть поэтического подхода к предметам и явлениям. Это — впечатления, или, вернее, отпечатки, моментальные снимки моих видений. Есть ли в них доля вымысла? Пожалуй, да. Но во всяком случае лишь в той степени, в какой это требует «воображение для восприятия реальной действительности» (Гете).

Я, конечно, отдаю себе отчет в том, что с помощью подобных очерков ничего нельзя доказать, тем более убедить кого-либо в чем-либо. Но, если хоть один духовный элемент этой серии картин пустит росток в сознании читателя, то не исключено, что предметы и явления предстанут в его душе в

совершенно ином свете, и мысли его примут иное направление, которое я, конечно, не могу предвосхитить. Я назвал бы это подлинным вдохновением на строгой и бесконечной ниве истины. На большее эта книга и не претендует.

Хотелось бы добавить еще следующее. Несмотря на то, что царицу Нефертити отделяют от нас тысячелетия, там, где Землю видят внутренним оком, она остается нашей современницей, и ее портрет может послужить нам ключом к разгадке тайн и других портретов. Портрет Сталина* взят мной из моего романа «Убиенная душа». Он подвергся, однако, значительным изменениям. Кроме того, он дополнен и расширен.

Автор

ГОЛОВА НЕФЕРТИТИ

Амон приблизился к Амосе, ибо была она прекраснее всех женщин Нильской Земли. Бог принял облик фараона и под покровом ночи неслышно подошел к ложу почивавшей царицы. Когда она, трепеща от страха, узнала его, она воскликнула вне себя от ликования: «Как великолепен ты в облике твоём сиюминутном! Ты наполнил мое благородство своим величием! Роса твоя — во всех моих членах!». Царица родила девочку Гатшепсут, тонкие черты которой резец мастера увековечил на лице сфинкса. Но это предание, похоже, скорее относится к Нефертити, ибо, если какая-нибудь из дочерей Земли являлась нам в облике богоподобном, то это прежде всего она, Нефертити.

Ее голову лучше всего рассматривать в часы сосредоточенности, когда душе открывается тайна. На стройной, длинной, слегка изогнутой шее газели, которая, кажется, способна вдохнуть жизнь в угасающий жемчуг, в повелительном наклоне покоится точеная головка. Губы — чувственно-пухлые. У уголков рта едва заметная складка, выдающая неутолимую жажду опьянения земным счастьем. Если взглянуть на нее снизу, трепетно ощущаешь священную строгость. В больших, цвета аквамарина глазах, над которыми нависли буроватые ресницы, одновременно — и застенчивость, и властность. Глаза эти были бы совершенно прозрачными, если бы не их колючий взгляд. Упрямо и все же грациозно взметнулись над

* См. журнал «Литературная Грузия» № 11, 1990 г.

ними густые, длинные брови. Ушные раковины, точеные, крепкие, как будто хранят в своих извивах сладостно-далекий отзвук давно отшумевшего рокота волн. Женщина солнечных кровей обращена лицом к светилу, глаза ее застыли в созерцании покойно мерцающего горизонта. Кажется, что она смотрит наружу, но на самом деле взгляд ее ощупью ходит внутри себя. С глубоким блаженством ощущает она беззвучное пение своей крови. Образ ее доминирует над ландшафтом. Лучи солнца зноем опустились на золотистый песок, мерцающий так, словно он — семя солнца. Синеватые тени тяжелым матовым металлом ложатся на безбрежную равнину. Тонкие женские черты чистотой своей выделяются на фоне бесконечного океана света.

Через дремлющий в дыхании полуденного зноя песок величаво катит Нил свои сине-зеленые волны. Вместе с легендарной рекою и женщина плывет в бесконечную даль. Выгоревшая пустыня, храня жуткое молчание, подступает к великой Нильской долине, явно намереваясь поглотить тело реки своим знойным дыханием. Женщина трепещет в предвкушении невыразимого блаженства: не изнывает ли точно так же по ней и солнце — этот «пылающий бутон, от которого расцветает мировой океан»?

Она, дочь солнца, чувствует, что желанна солнцу. Она вздрагивает от изумления, вспомнив вдруг, что солнце само себя оплодотворяет. Она задумывается над символом скарабея, почитаемого ее народом, как священное насекомое. Это тот самый жук, который оплодотворяет себя в своем собственном свернутом в капсулу помете. Ей ведомо, что изображение жука в иероглифических письменах означает «бытие», нераздельное, завершенное в самом себе бытие, невыразимый отблеск которого не покидает ее лик.

Медленно и отрешенно погружается дочь Египта в Бесконечность. В темной глубине она ощущает себя теперь юным отпрыском материнского тела египетской земли: лонс ее предчувствует вождеделение солнца.

И вот она поднимает руки до подбородка — как торжествен, как величествен этот жест — и в благоговении направляет ладонь своей десницы к горизонту. Слова молитвы принадлежат ее царственному супругу Эхнатону, Аменхотепу IV:

Когда лик твой сияет,
снова исцеляется мир,
торжественно пылают страны Земли,

росой окропленные, в сиянии преобразенные;
воздев руки, они обращают молитвы к тебе.
Звери скачут, радуясь пастбищу,
зеленеют деревья и травы,
птицы взлетают над гнездами своими,
крылами славя тебя неустанно...
Тобою движим рост плода во чреве женщины,
ты пробуждаешь семя мужское,
тобою дышит птенец в скорлупе,
и твоей силой он пробивает ее.
Всех ты питаешь, о сиделка нерожденных,
ты — дыхание всех тварей твоих,
когда они покидают темное лоно...

Ты — биение моего сердца.

«Ты — биение моего сердца». Это говорит Эхнатон солнцу. Не подразумевает ли он под солнцем свою прекрасную возлюбленную? Лишь мужчина, познавший Нефертити в том смысле, в каком Адам познал Еву, мог найти для солнца такие неповторимые слова.

А теперь я советую наблюдателю взглянуть на этот продолговатый, благородный череп в профиль, ибо, если смотреть на него прямо в лицо, может смутиться дух. Далеко отстоящие друг от друга кошачьи глаза, из которых левый к тому же кажется остекленевшим, что еще сильнее подчеркивает темное, чувственное начало, обладают колдовскими чарами. Чтобы увидеть чудесную царицу, следует прежде всего усвоить чисто египетское созерцание. О таком созерцании сообщает Снофру.

Когда властитель Снофру однажды опечалился, какой-то мудрец посоветовал ему: «Да отправится Его Величество к озеру, что у дворца. Да повелит он наполнить челн прекраснейшими девушками из своего дома. И сердце Его Величества возрадуется, когда он узрит, как гребут женщины туда и сюда. Он улицезрит, и тогда откроются ему чудесные болота озера, и увидит он дивные берега и поля, и всем этим наполнится сердце его». И властитель, вняв совету, тотчас повелел: «Подать мне двадцать весел из эбенового дерева, обитых золотом, с рукоятями из секебового дерева, украшенных тонким золотым узором. Привести мне двадцать женщин, да таких, что еще не рожали, самых стройных, с красивыми грудями и косами. Принести мне двадцать сетей и дать эти сети женщинам

вместо одежды!». И было его повеление исполнено. И они гребли, эти избранницы, гребли то вперед, то назад, и сердце повелителя возрадовалось, глядя на них. Так гласит предание.

Итак, опечаленный Снофру повеселел, глядя на движения стройных женских тел, любуясь тем, как они гребли в прозрачных одеяниях. Можно себе представить, с каким душевным целомудрием, как увлеченно и в то же время сдержанно наслаждался властелин обнаженными женскими телами. И контакт с Нефертити возможен лишь только такой. Лишь обладая египетской сдержанностью, можно хоть немного приблизиться к разгадке тайн и легенд, которыми обросло имя египетской властительницы.

Взор прекрасной царицы безмятежно скользит по необозримым просторам. Горячее дыхание пустыни грозит гибелью всему живому. Страшная песчаная буря заметает любой след: будь то след зверя или человека. Огромные кочующие дюны погребают под собой жилища и все, что попадает на их пути. Царице Нефертити введома страшная сила пустыни. Не открыто ли сердце ее для этого ужаса? Не всплывает ли в недрах ее сознания мрачная мысль о том, что когда-нибудь все поглотит пустыня, все станет пустыней? Может быть, и она, Нефертити, подвластна этому закону, закону бренности всего сущего? Нельзя не увидеть легкой тени невыразимой печали, скользкой по ее безмятежным чертам.

Вдруг перед ее внутренним взором блеснул тот мифический образ, о котором ей говорил верховный жрец. 19 июля из ока солнца скатывается капля в маленькую речку, берущую свое начало в безымянных источниках при Элефантине. Именно благодаря этой капле речушка раздувается в могучую реку Нил. Половодье вновь возвращает жизнь страждущей земле — снова расцветают деревья, чуть было уже не высохшие, и снова оживают родники, казалось бы, уже иссякшие, и радость вновь расцветает вокруг. Блаженство вновь наполняет женщину. Сколько раз она вместе со своими подружками отмечала праздник «Ночи капли»! Сколько раз она пела с ними:

Когда он разливается, ликует страна,
каждое тело преисполнено радости.

Тот, кто печалился,

может возрадоваться,

сердце каждого может веселиться...

Уже арфы заиграли мелодии;

и люди поют руками.

Когда Нил разливается,
совершают жертвоприношения,
закалывают скот,
устраивают торжества в твою честь;
для тебя откармливают птицу,
для тебя отлавливают антилоп пустыни.
Тебе воздают за добро твое...
Ты зеленеешь, ты зеленеешь, о Нил, ты зеленешь!
Ты, питающий человека скотом его,
а скот его — твоими лугами.
Ты зеленеешь, ты зеленеешь, о Нил, ты зеленеешь!

Итак, найдена последняя метафора: капля, выпавшая из ока солища в речку при Элефантине, раздувшая ее затем в большую реку, в Нил. Не есть ли сама Нефертити эта капля? Она как будто глядит из себя, наружу, эта прекрасная царица. Однако, если присмотреться повнимательнее, можно увидеть, что взор ее направлен вовнутрь, в себя самое. Она чувствует, что та чудотворная капля, то солнечное семя упало в ее лоно, и силы земные превращаются в ней в могучий поток Нила, которому вся страна обязана плодородием. Вместе со всей страной расцветает и она, легендарная супруга Эхнатона.

Нефертити стоит теперь перед нами, словно Изида, с которой наполовину снят покров. Подобно растению, погружается она в глубину своего существа. Внутренним взором нащупывает темное первоначало своего бытия. Два-три мгновения — и она чувствует вдруг, как растение, осознавшее в себе перворосток, что нечто в ней возвращается к первоистоку. Это нечто есть вечность. Царица превращается в миф о самой себе. Очарованные, осчастливленные, смотрим мы на ее прекрасный лик: он доверительно близок нам и в то же время бесконечно далек. Слово дуновение над спокойной гладью моря, веет над ней Невыразимое. Она совершенно растворилась в мгновении, а мгновение — в ней: немое выражение вечности. Ни к одной женщине во всем мире нельзя отнести слова Зулейки в такой мере, как к Нефертити:

Я в зеркале — красавица, а ты
пугаешь: старость, мол, не за горой.
Но в боге вечны сущего черты,
Так в юной — бога ты во мне открой¹.

¹ Цитируется по изданию: Иоганн Вольфганг Гете. Западно-восточный диван. Москва, «Наука». Пер. В. В. Левика, с. 46.

Вот этот миг как раз и увековечивает собой Нефертити. Слова Гете как будто сказаны о ней.

Безымянный ваятель, обессмертивший Нефертити в камне, и в самом деле передал таинственное «Ка» чудесной царицы. Как и всякий истый египтянин, он, наверное, стремился к тому, чтобы найти «Ка» в любом явлении. «Ка» есть внутренняя субстанция существа: она живет первоначально, воплощаясь на Земле, уходя после смерти в духовные сферы. Она являет собой единственный в своем роде лик. В ней проявляется Божественное: благодаря этому она обретает свойство вечности. Она неосязаема и все же вполне ощутима. Египтянин во всем чувствует прикосновение «Ка». Каждое мгновение для него пропитано «Ка». Вот почему египтянин влюблен в мгновение и стремится удержать его, пытается хоть как-то остановить его. И земное воплощение для него не что иное, как подобное вечное мгновение, светящееся во прахе. Он обрабатывает тело умершего хранящими веществами, свивает его плотными льняными бинтами. Так он готовит для «Ка» земную оболочку. Затем укладывает мумию в гранитный гроб и совершает обряд погребения в усыпальнице из скалы или пирамиде. И на мумии египтянин высекает имя — ведь имя представляет собой нечто особенное, оно включает в себя личность — чтобы имя хранило покойника. Итак, «Ка» замуровано в мумии. Но мумия дремлет, и все вокруг напоминает о неземной жизни. Неутомимой страстью увековечения мгновения дышат необозримые равнины страны пирамид. Медленному течению Нила соответствуют застывшие обелиски, саркофаги и храмы. Миф воплотился здесь в камне. Из гигантских скальных стен выжидающе смотрят сфинксы, словно чуя таинственность, царящую вокруг.

Так представляет собой и так формирует египтянин «Ка» — внутренний образ существа. Но и в изображении он продолжает руководствоваться принципом «Ка». Именно здесь с особой силой проявляется его духовидческая изобразительная сила. От созерцания пластики Египта мороз проходит по коже: ведь это ни дать ни взять живые существа! И без того любое изображение фиксирует собой некую непостижимую сущность изображаемого. Известно, что необычайно одаренные люди могут по фотоснимку определить, жив ли еще изображенный на нем человек или он уже ушел в лучший мир. Не происходят ли в материале-носителе изображения химические изменения после смерти изображенного? Никакой другой народ не обладал такой высокой степенью выразитель-

ной фиксации прообраза в образе, как египтяне, ^{И в самом} деле: то или иное вещество, побывавшее в руках египетского художника, как бы заново обретает и воплощает в себе «Ка».

Среди египетских изображений выделяется одно — портрет прекрасной царицы Нефертити. В этом портрете чувствуется живое дыхание бессмертного «Ка» Нефертити: она и в самом деле живет, живет как будто вполне осязаемо, непосредственно. В своем застывшем покое она глубоко погружена в космическое мгновение, что производит впечатление сладостной отрешенности. Капля солнца, она превратилась в родниковую силу египетской земли. Пьянясь и пьяня, она превращается в Изиду, пребывая в чутком, счастливом ожидании солнца. Она сияет в сладостном предощущении неземного блаженства, и свет играет на ее чувственных губах, тронутых тонкой, едва уловимой улыбкой.

Сравним улыбку Нефертити с улыбкой Джоконды. Улыбка Моны Лизы выдает многоопытную женщину, сознающую свое чисто женское превосходство. Глядя на нее, мужчина испытывает некое подобие космической слабости, ибо улыбка эта действует обескураживающе. Не так улыбается Нефертити: ее улыбка полна девичьей застенчивой прелести. Ее неисчерпаемая сила Изиды оплодотворяет солнечное семя любящего. Может быть, она это не вполне ясно осознает, но чувствует это в недрах своего существа. За головой Хефрена, мастерски изваянной из блока зеленого диорита, сидит сокол, распростерший крыла над своим властелином. Сокол охраняет мужчину, и, возможно, придает ему скрытую силу. Нефертити знает, что глаза сокола светятся мужеством и что взмах его крыльев подобен удару молнии. Ей ведомо и то, что египтянину солнце является в образе сокола. Для египтянина нет отраднее мгновения, когда он вместе с солнечными лучами видит сокола — тогда гордая птица представляется ему лучом солнца, нежданно-негаданно обретшим крылья.

Нефертити ведомо все это. Именно сокол придает Хефрену солнечную силу. Нефертити также оплодотворяет любимого мужа этой силой. Эхнатон, имевший обыкновение говорить о себе: «Я жив истиной», обладает теперь солнечной силой, он посвящен в тайну солнца, он — поэт солнца. Он безмерно любит свою юную прекрасную супругу и творит под знаком ее сладкого имени. Нефертити волшебной силой Изиды пробуждает в Эхнатоне солнечное семя — не просто для зачатия, хотя она и подарила ему прекрасных дочерей, и не для удовлетворения похоти — это могло бы повредить ее со-

кровенную сущность — а лишь для того, чтобы в божественном «ТЫ» сохранить свой непреходящий лик. Она любит и расцветает в вечном. Такой явилась она нашему взору: чудодейственной, величественной, овеянной дыханием Невыразимого.

Теперь она обрела жизнь в материале, которому придана определенная форма и которая называется головой Нефертити. Может быть, время разрушит и этот материал. Что же пребудет? Неужели вместе с материалом исчезнет и сама Нефертити? Нет. Разве Девятая симфония исчезла бы, если все скрипки и горны, гобои и фаготы были бы уничтожены? Она, наверное, еще звучала бы где-то в царстве звуков до окончания века. Так и Нефертити, словно магическая музыкальная волна, продолжает жить, уходя в вечность. Мы зачарованно смотрим на ее лик, и нам все еще слышатся таинственные слова:

Я в зеркале — красавица, а ты
Пугаешь: старость, мол, не за горой.
Но в боге вечны сущего черты,
Так в юной — бога ты во мне открой.

ПЕРВОРОДНЫЙ СТРАХ И МИФ

Каждый раз, когда я поутру получаю письма, мною овладевает странное чувство. Это не обычное любопытство, не простое стремление узнать, что происходит вокруг, а скорее всего нечто вроде страха перед самым событием, происходящим в данный момент. Все то, что в бытии выражается глаголом «быть», представляется нам в абсолютной ясности: то или иное явление просто «есть». Но бытие вместе с тем совершенно открыто для потока непрерывного становления, процесс которого всегда протекает скрыто. Каждое мгновение таит в себе новое, еще не свершившееся, и мы всегда стоим перед тайной. Я ощупываю конверты, осторожно вскрываю их — иногда при этом у меня дрожат руки — и вдруг меня пронизывает Непостижимое. Дело, конечно, не в том, что я пребываю в постоянном ожидании чего-то недоброго. Нет, мир других существ просто и бесцеремонно вторгается в мой мир. Ах, если бы почтальон знал, сколько судеб заключено в его кожаной сумке! Между мной и окружающим меня миром возникает тончайшая перегородка, и мое «я» тут же отступает в свои

пределы. Несколько движений — и «я» наталкивается на эту перегородку. В таких случаях человек сразу же ощущает себя оторванным от окружающего мира, замкнутым в своем собственном «я». На этом отрезке, на этой грани мы прикасаемся к бытию метафизически. Это — не познание, а лишь ощущение, но тем значительнее прикосновение. Вот здесь, на этой грани тихо, смутно дают себя знать корни страха. Чем тоньше грань, тем полнокровнее «я», но и тем глубже страх.

Если столкновение «я» с гранью происходит одновременно на разных плоскостях, то страх становится еще глубже, ибо плоскости, пересекающиеся друг с другом, входящие друг в друга, сами представляют собой грани, благодаря чему бытие еще острее противопоставляется осязанию души.

Непостижимы эти втиснутые друг в друга плоскости. Приведем для иллюстрации сказанного один пример. На поле брани подбирают павшего солдата. Сердце его уже не бьется. Сам по себе этот факт еще не вызывает душевного потрясения, так как на поле брани каждый павший едва ли представляет собой нечто большее, нежели любая, ничем не примечательная вещь среди прочих вещей. Официально мы фиксируем — солдат мертв. Но вот что мы вдруг замечаем: в кармане покойника тикают часы. Благодаря этому тиканью мы совершенно неожиданно для себя осознаем весь ужас того, что сердце солдата уже не бьется. Лишь теперь в полной мере мы ощущаем — и страх, сопровождаемый холодным потом, подтверждает это — присутствие смерти. Или другой пример. Мы проезжаем через местность, населенную католиками. Земля в зеленом наряде и пышном цветении. Во всем чувствуется плодотворный дар материи: опьяненный полдень, час Пана. Еще несколько шагов, и на повороте внезапно вырастает каменное распятие — символ первопричинного страдания. И сразу же физика перерастает в метафизику.

А вот еще пример. Отрешенно наблюдая за каким-нибудь автомобилем, чувствуешь, что перед тобой чудовище. Подобное чувство, вероятно, испытывал бы, глядя на машину, первобытный человек. Ведь машина не представляет собой такое физическое тело, каким, к примеру, является зверь, дерево или камень, а она есть творение, хотя и не рук Творца, ибо создана человеком, к тому же не рождена, а лишь сконструирована им. Когда машина заведена и находится в движении, она невольно вызывает смутный, безотчетный страх. Случается порой, она мчится без водителя, мчится слепо, бешено, эпилептически; и тогда кажется, что она — охваченная безумием

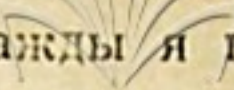
тварь, лишенная каких бы то ни было чувств. Извергая из своих сопл маслянистую слюну, она — исчадие нового Апокалипсиса — неистовствует в бессильной злобе. Непреодолимый ужас охватывает тогда человека.

Приведем еще один характерный пример. Из многоэтажного дома выносят гроб с телом покойника. Носильщики идут молча, неровно и неуклюже. С превеликим трудом несут они длинный гроб по узкой лестнице. И вот гроб, наклонившись набок, застревает на одной из лестничных площадок. Глухо раздаются выкрики мужчин: «Левее!» «Сзади немного выше!» «Осторожно!» и т. д. Однако гроб упрямо не поддается сильным мужским рукам, поддерживающим и подталкивающим его. Крышка гроба, согласно обычаю православных, уже вынесена и стоит где-то впереди в ожидании гроба. Гроб плывет, словно бездушная, неумолимая мебель, и в нем покачивается из стороны в сторону голова мертвеца, как бы воскреснувшая на несколько секунд и прислушивающаяся к выкрикам людей, несущих ее. Уж не улыбается ли покойник? Или он просто злится? Воздух призрачно сгущается.

Эти жуткие случаи кажутся мне художественными экспромтами скрытой реальности. Содрогание вызывает атмосфера втиснутых друг в друга плоскостей. Но еще более зловещее впечатление производит столкновение «я» с гранью, отделяющей его от окружающего мира. Кто-то издалека получает по телеграфу извещение о скоропостижной смерти единственного друга. Сердце оставшегося в живых разбивается о внезапно выросшую перед ним преграду. Спустя несколько дней он получает от того же друга письмо, написанное до смерти. Он с сердечным трепетом читает строки послания: друг обращается к нему с нежными словами, подбадривает, воодушевляет его, шутит, рассказывает веселые истории — словом, живет. И все же последний час его уже пробил. Здесь смерть ощутима физически, а скорбь переходит в страх.

Страх коренится в самом бытии: чем больше плоскостей пересекаются друг с другом, тем сильнее, тем острее страх. Но острее всего страх тогда, когда непосредственно касаешься таинственной жизнеобразующей силы — крови.

В детстве мне не раз приходилось резать кур. Лево́й рукой я хватал их за крыло, отдавливал большим пальцем голову так, чтобы глотка освободилась от перьев, а правой орудовал ножом. Я испытывал при этом весьма неприятное чувство, хотя страхом или трепетом это не назовешь. Обезглавленное тело курицы еще порхало и трепыхалось несколько се-

кунд. Я тем временем очищал нож от крови. Однажды я пережил нечто из ряда вон выходящее: в тот миг, когда маленькое окровавленное тело еще продолжало бороться со смертью и вслепую бросалось то в одну, то в другую сторону, я вдруг увидел отрезанную голову — и ужас обуял меня: клювик птицы умер у меня на глазах, испустив последний вздох, глаза еще сверкнули на какую-то долю секунды и застыли. Страшнее всего при этом было то, — и я осознал это позднее — что жизнь, это неделимое целое в живом теле, боролась со смертью в отсеченных друг от друга частях: в теле и голове. Тело перестало вздрагивать, голова уже не дышала — жизненная сила, изгнанная изнутри, на короткий промежуток времени обрела видимый образ, как аура, чтобы затем снова раствориться в первоначале. В этом бестелесном образе ясновидец в течение доли секунды мог бы увидеть лицо птицы. Я побледнел, руки мои затряслись. Бросив нож, я, одержимый паническим страхом, бросился бежать.

Здесь «я» натолкнулся не на свой собственный предел, а на предел другого «я». Но благодаря этому обстоятельству предел этот, а вместе с ним и страх ощущался еще острее.

Человеческое «я» окутано непроницаемой тайной. Нет ничего сладостнее ощущения пределов, отделяющих собственное «я» от окружающего мира. Здесь бьет ключом первоначало Божественного. Быть может, именно поэтому «я» таит в себе опасность. Так лунатик легко одолевает горную звериную тропу и бродит по ней без тени страха и риска для своей жизни. Он бродит вслепую, побуждаемый и сдерживаемый силой притяжения луны. Но стоит вспугнуть его, как он тут же приходит в себя и падает в пропасть. Итак: «я» как предел, как грань превращается здесь в рок... Кто-то почувствовал подозрительную боль в желудке и обращается к врачу. Тот сообщает пациенту, что у него, мол, рак. Что же произошло? Как будто ничего особенного. Желудок сегодня точно так же болит, как и вчера. И все же: болезнь резко обостряется уже лишь только оттого, что осознана больным. И снова «я» выступает в роли неумолимого рока.

Может быть, «я» — космическое зло? Мы слышим предостерегающие слова Яхве, обращенные к первым людям: «Не ешьте плодов с того древа, с древа познания». Сднако Адам и Ева не послушались его и навсегда лишили себя благ, приносимых другим деревом — деревом жизни. Неужели «я» — и в самом деле проклятие, от которого человеку следует освободиться? Люди с неизменным страхом задают себе этот горь-

кий вопрос, и многие утвердительно отвечают на него. Китаец отделяет себя от своего «я», стремясь вернуться к первоначалу. Индус воспринимает предметы как нечто иллюзорное, к чему он относит и свое «я», растворяясь в безличной нирване. Джалаледдин Руми, великий поэт и ясновидец Ирана, причитает в одном из своих стихотворений:

Хоть смерть — всем напастям конец,
но все же жизнь пред ней трепещет.
Жизнь зрит зловещую десницу,
не замечая кубок светлый в ней.
Так сердце пред любовью трепещет,
предчувствуя свою погибель.
Ибо там, где пробуждается любовь,
там мрачный деспот «я» хиреет.
Так дай же умереть ему в ночи
и на заре вздохни свободной грудью¹.

Эти слова пришли к нам с Востока. «Я», индивидуальное, личное должно умереть. Здесь Восток коснулся одной из глубочайших тайн. И на Западе — правда, не так решительно и гораздо реже — отрекаются от «я». В наши дни голос покаяния звучит в учении Людвига Клагеса²: «Дух — противник души».

Как же может «я», эта невыразимая, чарующая и наиреальнейшая субстанция человека, быть проклятием? Здесь мы и в самом деле стоим перед космической тайной.

«Я» само по себе, конечно, не может быть проклятием, ибо оно есть высший дар бытия. Ведь Адам еще до того, как вкусил соблазнительного плода с древа познания (примечательно: по грузинскому преданию, это была смоква), обладал своим «я»! Но «я» Адама не наталкивалось на разделительную грань, так как оно в блаженном полузабытьи пребывало в Божественном и посему не ведало никаких пределов. В этом, должно быть, кроется разгадка тайны.

Ничто и никто не в состоянии до конца познать Бога. Вот почему он представляется нам Невыразимым и Безымянным. И все же душой нам дано соприкоснуться с ним — в мо-

¹ Подстрочный перевод с немецкого перевода, выполненного Ф. Рюккертом (1788—1866).

² Немецкий психолог и философ-иррационалист (1870—1956), представитель философии жизни (Прим. переводчика).

литве. Когда мы молимся, ревностно, полностью отрехшись от своего «я», Бог представляется нам как нечто самое реальное в реальной жизни. В книге «Бытия» Бог называется словом «Элохим». По-древнееврейски слово это означает «Боги». Странно: речь идет о Боге, а понимать следует: Боги. В сознании автора этой непостижимой книги, естественно, ассоциируется «Бог» в единственном числе. Однако смутно он чувствует, что, если Бог представляется как некое единство, лишенное какого бы то ни было множества, то от него не добиться никакой жизни; и он, Бог, есть тогда нечто абсолютно безжизненное. В закрытой монаде может существовать лишь мрак и неподвижность. Поэтому автор осторожно допускает в недрах Бога определенную множественность, для начала в имени «Элохим». Это звучит таинственно и гениально.

Есть необходимость в существовании иного. Это нужно для того, чтобы индивидуальное вообще было возможно и мыслимо. Бог есть «я» — наивысшая и глубочайшая субстанция. Однако Бог есть не только «я», а он есть вместе с тем и постоянно существующее «иное». Он беспрестанно творит себя из себя самого, и хотя сотворенное им и является обособлением от себя самого, оно представляет собой «иное» и даже чуть ли не чужое. В этом корень всех вещей.

Адам как существо, как творение явился выражением божественного «я» и в качестве такового не ведал никаких пределов. Пример ребенка смутно напоминает нам об этом состоянии. Человек в первые годы жизни постоянно ощущает первобытное состояние. Его «я» еще не отделено от материнского лона, от первоначальных недр, и потому он еще не обладает четким восприятием своих пределов. Он не воспринимает пространство, и движения его устремлены в бесконечность. Благодаря этому ребенок и в смерти не ведает смерти и страха перед ней. Бывает, что и взрослый возвращается в эту райскую обитель зари человеческой жизни; и случается это чаще всего во сне. В момент отпадения от Божественного Адам почувствовал себя голым, обнаженным, а это означает, что он лишь теперь воспринял рамки своего бытия. Ибо чувство стыда, внушенное сознанием своей наготы, выражает не что иное, как соприкосновение со своим метафизическим пределом. Сознание Адама острым жалом пронзает мысль: его «я» может иссякнуть, погаснуть. И снова мы видим перед собой то древо познания, и снова слышим предостерегающие запретные слова. Несмотря на предостережение и запрет, первые люди вкусили плодов с древа познания. В этом факте, как видно,

проявился их божественный дар свободы. Но что же последовало за этим? Люди стали плодиться, то есть другими словами — творить, воспроизводить себя в «ином» и — да не воспримет читатель это как кощунство — быть может, именно благодаря этому оказались причастны к непрерывному творению Бога. Загадка, которая навсегда останется неразгаданной. Похоже, змей не обманывал, не обольщал Евы.

Мы можем, таким образом, предположить, что «иное», в котором раскрывается божественное «я», проявилось в акте отъединения первого человека от Божественного. Человеческому «я» в этом отъединении вдруг пришлось пережить столкновение со своим метафизическим пределом. Змей же как раз и олицетворяет этот предел, эту разделительную грань, — эта пронизывающе холодная волна, молнией сверкающая между бренным и Божественным миром. При виде ее человек смутно чувствует свое отъединение от Божественного и, к своему ужасу, сознает, что может обратиться в прах. Змей и в самом деле воплощает собой первородный страх человека. Вот почему он стремится либо убить его (Георгий Победоносец и дракон), либо укротить его (заклинания змей), либо поклоняться ему (культ змей, распространенный, например, в Грузии, у сванов). Змей — не просто чудовище, внушающее смертельный страх, он — мистическая рептилия. Зигфрид, возрожденный из крови дракона, понимает песни птиц и шепот деревьев. Миндия, согласно грузинскому преданию, вкусив мяса змеи, — языки всех живых существ.

Вот так мы все подвержены первородному страху.

Но ведь любая грань обоюдоостра. И дает она себя знать как раз там, где подстерегает нас всепоглощающая пустота, где царит дыхание Бога. Неугасимо тлеет в нас первоначало. Оно таинственно присутствует, живет во всех предметах и явлениях. Так возникает то мифическое восприятие бытия, которое нашло свое выражение в непостижимой идее вечного возврата. В каждом начале живет, развивается первоначало; узреть, почувствовать которое можно лишь сосредоточенным внутренним зрением.

Пифагор, будучи посвященным в египетские тайны, познакомил мир с идеей вечного возврата. Спустя много столетий идея эта открылась и европейцам, однако в совершенно извращенном виде. В Европе рассказывают, что какой-то пифагореец однажды сказал своим ученикам: «Пройдут тысячелетия, и мы — вы и я — снова встретимся в этом зале, и я

снова преподам вам идею вечного возврата, и вы снова услышите таинственные слова этого учения». Смешно? Не без этого. Но вместе с тем от слов этого пифагорейца веет какой-то демонической силой.

ЭТА ИДЕЯ ЦЕЛИКОМ ЗАХВАТИЛА ФРИДРИХА НИЦШЕ, КОГДА ОН ЖИЛ НА ГОРЕ СИЛЬС-МАРИЯ.

Эта идея целиком захватила Фридриха Ницше, когда он жил на горе Сильс-Мария. Известно его провозвещение: «Что станет с тобой, если однажды ночью или днем к тебе в тиши уединения подкрадется демон и скажет: «Жизнь, которую ты прожил и которую ты поддерживаешь в себе, тебе придется повторить еще раз и еще множество раз; и в жизни этой не будет ничего нового: каждую боль, и каждую радость, и каждую мысль, и каждый вздох, и все самое незначительное и самое великое в ней ты должен будешь встретить снова и каждый раз в одной и той же последовательности: и вот этого паука, и эту ночную картину с деревьями, и это мгновение, и себя самого. Вечные песочные часы непрерывно переворачиваются и вместе с ними и ты — крошечная пылинка среди прочих пылинок!». Разве ты не бросишься на колени и не станешь скрежеща зубами проклипать сатану, заговорившего с тобой таким образом?».

Аналогично воспринял эту идею Достоевский (разговор черта с Иваном). Идея вечного возврата была для Ницше, уже охваченного безумием, последним и высшим откровением. Достоевскому же подобная «вечность» казалась скукой «закоптелой бани с пауками по углам» (Свидригайлов). Примечательно, что в представлении и того, и другого проявляется образ паука.

Такое понимание вечного возврата в корне неправильно. Не частное вечно возвращается к себе, а вечное в частном, то есть первоначало. Это и есть первоначальный миф, миф обо всем, что происходит на Земле. Но как охватить, как постичь эту великую истину? Лишь в предметно-созерцательном мышлении. Однако дар проникновения в суть вещей посредством созерцания первоначального мифа уже давно утрачен, а убийственно холодные понятия, пришедшие этому дару на смену, в данном случае совершенно бессильны. К счастью, на Западе в этом отношении имеется величайшее исключение — Гёте. Он представляется мне живым воплощением счастливого всемирно-исторического синтеза Востока и Запада. В нем полнокровно сохранилось и проявилось предметно-созерцательное мышление. Предметы и явления он воспринимает чисто мифологически. Его теория первообразования, эта гениальнейшая до-

гадка Европы, может послужить нам наглядным символом первоначального мифа о вечном возврате.

Как пришел Гёте к идее первораствения? Он постоянно стремился к тому, чтобы «подвести друг к другу начала и концы явлений». Уж в этом проявилась его западно-восточная сущность. Ибо, если при западной манере созерцания явления рассматриваются как бы «вперед» (на Западе спрашивают: «куда?»), то Восток созерцает «назад», двигаясь к первопричине (на Востоке спрашивают: «откуда?»).

Шаг за шагом Гёте постигает таинственный феномен роста. Небезынтересно проследить, как он исследует растения в Итальянском саду в Падуе в сентябре 1786 года: с каким благоговением, с каким рвением и целомудрием! Я бы добавил: с космически открытым сердцем, с той догадкой ясновидца, что природа, не боясь быть уцербленной созерцателем, именно его сердцу раскроет свои тайны. Это трепетное прикосновение к сокровенной тайне природы, когда Гёте рассматривает *Cactus orpntia* или *Acanthus mollis*. Срезанные листья веерной пальмы лежат перед ним, и он разглядывает их как фетиши. В каждом листочке ему видится подлинный Протей.

«Если, рассматривая растение, заглянуть вперед и оглянуться назад, то оно представляется лишь как лист», — пишет он Гердеру 17 июня 1787 года. Нечто цельное, неразделимое продолжает свой рост в растении, — догадывается он далее. По наитию он постигает, что каждой части растения в отдельности представлена возможность развивать все растение целиком. Это, по-видимому, означает прежде всего то, что каждая часть содержит целое. Так мыслит Гёте. Он постоянно настаивает на этой возможности познания и только на ней, «предвсхлиная в совокупности все то, что со временем разовьется шаг за шагом». В своем исследовании он повествует: «Мне становилось с каждым днем все яснее, что созерцание можно оживить, подняв его на более высокую ступень, — требование, которое зрело во мне тогда в чувственной форме сверхчувственного первораствения. Я следовал за всеми вегетациями, как они представлялись моему воображению, в их метаморфозе. И вот в конце моего путешествия, в Сицилии, мне стала вдруг совершенно ясна первоначальная идентичность всех частей растения, и я всюду стремился следить за ней и не упустить ее из виду».

Итак, прототип растения, то есть первораствение — величайший поэтический образ Европы — найден и осмыслен. Слов-

но дитя Божие, пишет он с просветленным задором Гердеру в уже упомянутом письме:

«Перворастение становится прелюбопытнейшим созданием на Земле, в чем сама природа может мне позавидовать. И в самом деле, природе есть чему завидовать созерцателю тайн, ибо здесь, в этом беспрецедентном видении она, незрячая, обрела зрение.

Здесь уместно вспомнить и о первой встрече Гёте с Шиллером. Гёте рассказал Шиллеру о метаморфозе растений и несколькими характерными штрихами обрисовал символическое растение. Кантианец Шиллер покачал головой и сказал: «Это — не опыт, это — идея». Гёте превосходно парирует: «Весьма лестно слышать, что у меня есть идеи и что я даже вижу их собственными глазами». Итак, два мира, два вида созерцания.

Благодаря идее перворастения неожиданно решаются все самые важные проблемы. Впервые в истории человечества бытие глазами природы раз и навсегда представлено в образе мифической реальности. Реальное растение следует воспринимать лишь в каком-нибудь одном отрезке времени: либо в зародыше, либо в созревании, либо в цветении. Перворастение же дано окончательно и полностью даже в процессе роста — от зародыша вплоть до цветка. В каждой фразе реального растения оно присутствует всей силой своей формообразующей воли. Итак, перворастение — мифическая реальность, не единственный исторический факт, а космическое событие, происходящее постоянно. Так Прометей и по сей день похищает огонь у богов. Перворастение есть чувственно-уплотненный образ мифа. Если бы растение обладало сознанием, то оно в свои счастливейшие мгновения ощущало бы состояние постоянного возврата к самому себе.

В каждом начале дремлет первоначало, а вечное формируется в частном. Когда частное испытывает на себе оплодотворяющее действие вечного, оно причастно к этому вечному. Тогда та обоюдоострая, смертельная грань уже не будет представлять для него роковую опасность, и его «я», натолкнувшееся на свой метафизический предел, может быть спасено.

Таким образом, живое постижение мифической реальности, приобщение к ней, представляется нам единственно верным способом преодоления первородного страха.

ЧУВСТВО ЖИЗНИ

НА ВОСТОКЕ

И ЗАПАДЕ*

С лева и справа — скалы — разбросанные ребра доисторического мамонта. Некоторые из них обрывисты, другие пологи, третьи плоски или выпуклы. Эролиты, монолиты... Нагие призраки пирамид, пещер, саркофагов. Что это? Разгул фантазии какого-нибудь фараона, или рассыпавшийся и затем окаменевший жар солнца? И всюду обилие красок: лист касатика, лист ореха, альпийская роза, папоротник, гвоздика, вишня, хна, бронза, железо, сланец, галька, мед, хвито — волшебный камень, называемый еще оком солнца, — все эти цвета мерцают во всевозможных и невероятных, фантастических переливах. Частью они сливаются с базальтами скал, частью же бархатом простираются над подъемами, уклонами, откосами; некоторые из них радугой протянулись между скалами и расселинами. Сразу же бросается в глаза: мох и гвоздика состязаются между собой. Гвоздика одерживает верх. Присмотревшись, замечаешь: теперь сланец и хвито вступили в единоборство. Побеждает хвито. В конце концов как бы повсюду лежат бесчисленные древесные лягушки, пестрые павлины, раскинутые хвостами в разные стороны, или же мерцающее тело дракона с пятнами цвета кизила; и все вместе — будто языки солнечного пламени, застывшие в виде благородных камней.

Солнце палит. Караван на мгновение замирает. Не солнцестояние ли это? Вот такую тишину вдруг прерывает Пан, с криком прорываясь сквозь зной. Здесь реальность как бы удваивается, а вместе с ней — и ее созерцатель. Время останавливается. Настоящее исчезает. Остается лишь прошлое. Будущее изредка вспыхивает как мысль, последняя же — словно воспоминание о грезе. Все зримое — лишь тень про-

* Из книги «Демон и миф. Серия магических картин». Перевод выполнен по изданию: Grigol Robakidse. DAMON UND MYTHOS. Eine magische Bildfolge. Eugen Diederichs Verlag in Iena, 1935.

шлого, лишь жгучее тавро минувшего. Преданные забвению, дремлют здесь давно минувшие события — словно астральные тени с унылыми лицами, мутными глазами, гневным взглядом, вперенным вовнутрь.

Дорога тянется вдоль гранитной скалы, отбрасывающей гигантскую тень. Тут же — река, почти высохшая. Не дракон ли выпил ее? Там и сям виднеются лужи, напоминающие тусклые, слепнувшие глаза, в которых вот-вот угаснет свет. На том берегу снова гиганты: толстобрюхие каменные Левиафаны, удовлетворенные, дремлющие, уставшие от страсти, изможденные от похоти. Они лежат, вытянувшись или скрючившись.

Полдень. По-видимому, только что пробежал козлоногий бог. Не слышно ни жужжания мухи, ни шелеста листьев: да ведь вокруг ни дерева, ни кустика, ни травинки. Верблюды укладываются на покой. За ними следуют их погонщики. Караван отдыхает в гигантской тени, которую дает скала. Неуклюжие тела верблюдов сливаются со скалами и валунами, образуя их продолжение. Химерические верблюжьи головы глядят человеческим взглядом. Кажется, будто это камни, созерцающие из неизмеримой дали! Головы кивают. Тихий шорох. Теперь головы приходят в движение, словно шлемы, плывущие по воде. Затем химеры прислоняют головы друг к другу и колышутся будто колосья на легком ветру... Так на речном острове овечье стадо ищет в тени ясеней спасение от палящих лучей полуденного солнца.

Глаза овец выдает страх: не чует ли отара приближение орла или коршуна?.. Из глубины гигантской тени глядят на скалы беспокойные глаза верблюдов. Не боятся ли и они кого-то?.. Неподалеку стоит погонщик, неподвижно уставившись вдаль. Что он высматривает? Ничего. Может быть, он к чему-то прислушивается? Но ведь вокруг — ни шороха! И все же он прислушивается к чему-то. Он чует дыхание вечности: он творит молитву...

Эти картины взяты из моего романа «Змеиная рубашка». Так выглядит ландшафт Иранского нагорья. Но то же самое можно сказать о любой другой стране или области на Востоке. Каждый предмет, каждое существо здесь погружено в себя самого, словно оно дышит дыханием Творения. Все здесь пронизано первозданностью. Над всем навис покой. Покоем дышит здесь каждая глыба, каждый ком земли. Земля на Востоке — нечто большее, нежели просто материя: она — космическое существо, в дыхании которого дремлет миф. Че-

ловек на фоне такого ландшафта — маленькое, даже крошечное создание. Природа здесь не подвластна человеческому измерению. Время на Востоке не течет, оно величественно застыло в пространстве; и мгновение содержит в себе вечность, как морская раковина хранит в себе шум давно отхлынувших волн.

Теперь обратим взор на Запад. И здесь, конечно же, немало прекрасных, пленяющих душу пейзажей. Они, правда, близки человеку, но в них почти не ощущается дыхание Творения. Оторванные от Творца, они, с чисто человеческой точки зрения, обладают своим собственным дыханием. Земля здесь — только и только материя и, пожалуй, зачастую — лишь почва, которую обрабатывают, за которой ухаживают. На всем здесь лежит печать человеческих рук, нигде не найти нетронутых, заповедных мест. Ни тотема, ни табу. Мифическое предостережение о том, что хоть какая-то часть территории должна остаться неприкосновенной для того, чтобы Земля не утратила своего космического дыхания, на Западе почти никем не принимается во внимание. Так и кажется, что человек здесь делом рук своих вознамерился заменить Божий Промысел. Красивые и четко очерченные контуры западных ландшафтов будят лишь эстетическое чувство. Все здесь пребывает в бурном росте, в пышном цветении. Недостает шири, простора. Нельзя не заметить во всем широкого размаха человеческой деятельности; однако даже во время перерывов в этой деятельности нет ощущения тишины. Повсюду видишь причудливо разграниченные, разбитые на ландшафты фигуры. Но взор созерцателя везде во что-то упирается, ему недостает необъятности. Каждый предмет, каждое существо стремится наружу. Пространство на Западе не в состоянии сохранить величественную ширь: оно просто растворяется во времени; и мгновение здесь не дышит ароматом вечности, ибо оно здесь — не более чем единица времени, измеряемая часами. Оно лишено протяжения.

Вот так Восток и Запад представляют собой два отличных друг от друга мира — и не только в географическом отношении, но и, пользуясь удачным выражением русского мыслителя Чаадаева, — в самом порядке вещей.

Если в качестве символа взять внутреннее напряжение, существующее между растением и перворастением, следует отметить, что в бытии Востока упор делается на перворастение, в то время как в бытии Запада на первом плане — само растение. Восток растворяет свою суть, свое «я» в первона-

чале: для него любое начало есть первоначало. Запад же развивается в личностную монаду, и начало почти всегда означает для него единственно возможное новое начало. Китаец стремится расти в обратную сторону: не от зародыша к цветку, а наоборот — от цветка к зародышу. Когда в полудреме едешь в машине, кажется, будто тебя несет назад. Вот этому кажущемуся обратному движению подобен возвратный рост китаецца. «В действии бездействовать», — таинственно провозглашают древние китайские мудрецы. Это означает для вида отдаться течению событий, в душе же оставаться в рамках первоначального «я». Даже семенем, которое, собственно, лишь и обладает творческой способностью, следует, по глубокому убеждению китайцев, повелевать в обратном порядке. Иными словами, его следует распалать в себе и сохранять его самовоспроизводящую потенцию. «Когда семя преобразено, тело свежо и свободно», — говорится в загадочной книге «Тайна золотого цветка». Легенда повествует о том, как мастер Понг, «касавшийся» таким образом своих девушек-служанок, прожил 880 лет. Человеку западного склада ума это кажется непостижимым.

Восток дышит первоначалом. В первоначале же все предметы составляют единое целое. «Тат твам ази» (это — ты) — говорили древние индусы: все, что ты видишь, есть ты сам. Грани между предметами стерты. Все, что воплощается, лишь майя, светлая иллюзия. Для Запада каждое явление само по себе не есть только иллюзия, а оно — прежде всего форма, образ того, что является. Всякая вещь, любой предмет обладает здесь обязательной для всех собственной реальностью. Отсюда необычная ясность видения на Западе: все вещи представляются здесь в определенных, четких очертаниях, в то время как Восток воспринимает их неопределенно, расплывчато.

Это различие ярче всего проявляется в творчестве обоих миров. Погруженному в Безграничное, восточному миру несвойственно создавать завершенные произведения, ибо «завершить» означает «ограничить» определенными рамками. Готические кафедральные соборы просто невозможно себе представить на Востоке. Запад знает толк в пределах. Исходя из этого знания, здесь создаются такие законченные произведения искусства, как например, «Божественная комедия». Такие произведения представляют собой мир в себе, мир конечного. Зато Восток обладает тем, чего почти лишен Запад: инспирированное непосредственно бесконечным, восточное про-

изведение сохраняет в себе дыхание вечности. Таковы вавилонские эпосы.

Есть еще одна восточная особенность, которая резко других противопоставляет образ жизни на Востоке и Западе. С первых же дней пребывания на Востоке европеец озадачен: он никак не может понять, почему, например, в Иране никто не в состоянии по-деловому, достоверно передать суть того или иного происшествия. Может быть, это объясняется лукавством или даже лживостью восточного человека? Отнюдь нет. В сознании восточного человека предметы сливаются друг с другом в туманные, иллюзорные образования; и к каждому факту такой человек почти всегда что-то присочиняет. Поэзия и правда, вымысел и реальность на Востоке суть одно и то же. Я припоминаю, как один мой друг в Грузии, человек с ярко выраженным восточным складом ума, в обществе знакомых, причем в моем присутствии, рассказал обо мне нечто такое, чего в действительности со мной не происходило. Я, конечно, понимал, что возражать ему не имело никакого смысла. Рассказчик настолько далеко зашел в своей фантазии, что мне оставалось реагировать на его веселые выдумки лишь едва заметной улыбкой.

Европеец по имени Лео Маттиас, потрясенный случаем, подобным только что рассказанному мной, пишет в своей книге путешествий «Восточные очерки» следующее:

«Это было в Йезде. Мой друг Чарльз Хамфри только что получил партию ковров. Он поручил сосчитать их своему конторскому служащему Али. Ковров оказалось довольно много, и Али потребовалось немало времени, чтобы установить их количество. Мой друг спешил куда-то. У него было еще какое-то дело за городом, и он попросил меня заменить его в конторе на время его отсутствия.

— Ну, сколько всего оказалось ковров? — спросил я Али, когда он, наконец, вернулся.

— Или четыреста или пятьсот, — ответил он неопределенно.

К удивлению Али, эта его информация меня ни в коей мере не удовлетворила. Я настойчиво, хотя и вполне вежливо потребовал, чтобы Али дал мне более точные сведения.

И Али снова исчез.

День уже клонился к вечеру, когда Али вернулся. Он привел с собой второго конторского служащего, своего друга Хусаина.

— Итак, сколько же ковров ты насчитал? — спросил я Али.

— Их всего было триста или триста пятьдесят...

Я вконец рассердился на Али.

— Послушай, болван, — сказал я ему, — тебе велено было посчитать точно! — Я спросил Хусаина, может быть, он знает, сколько ковров получено в этой партии.

— Не знаю, — ответил Хусаин, — но их, кажется, примерно 170 штук.

Я обрадовался, получив, наконец, хоть наполовину разумительный ответ, отослал Али и поручил Хусаину сосчитать ковры.

— Я надеюсь, что ты поймешь меня, Хусаин. Ты должен взять в руки каждый ковер и так все пересчитать. — И чтобы до конца объяснить ему суть поручения, я сорвал несколько листков со старого календаря и стал считать, бросая их один за другим на стол:

— Раз-два-три-четыре... и т. д. Понятно?

Хусаин кивнул головой.

Тем временем мой друг вернулся, и я сообщил ему о том, что произошло в его отсутствие. Он рассмеялся и обозвал Али олухом. Я, мол, правильно сделал, что перепоручил это дело Хусаину.

Через несколько часов — это было незадолго до закрытия конторы — Хусаин вернулся с горделивым видом.

— Так сколько же было ковров в партии? — спросил я его.

Хусаин, улыбаясь, ответил:

— Я насчитал 145, господин.

Не могу объяснить, почему я, несмотря на такой, казалось бы точный ответ, не поверил ему до конца. И я спросил его:

— До какого числа ты считал, Хусаин?

— До 130. — ответил тот. — Осталось всего около пятнадцати...»

В сознании восточного человека рост растения происходит в обратном направлении — к перворастению. В недрах его бытия тлеет ядро мифа. Собственно же растение распускается в нем медленно, порой даже кажется, что оно вот-вот зачахнет. Весь Восток расплывается в полумраке, и ему неведомы четкие контуры. Отсюда неподвижность, растворенная в вечности, взгляд, вперенный вовнутрь, величественный

покой, царственность неподвижного великолепия во всем — в людях и ландшафте.

На Западе же все не так. В бытии западного человека доминирует растение, личность. Перворастительный источник в нем иссякает, первоначало с каждым днем убывает в нем. Его взгляд все больше направлен наружу; и покой неведом ему. Если восточный человек лучше всего проявляет себя в самопогружении, то человек Запада — весь в стремлении. На Востоке — мастер Понг, на Западе — Фауст.

На Востоке опьянение переносится сдержанно, внутри себя; и чем оно сильнее, тем сдержаннее наслаждение им. На Западе же опьянение протекает в динамике, по восходящей линии, и наслаждение выражается бурной радостью. Восточный человек видит Бога закрытыми глазами, уходя в глубину, где все чувства обострены до звериной чуткости, где они, взаимодействуя, выливаются в новое чувство. Западный же человек видит Бога открытыми глазами и, кажется, даже пытается осязать его. Внутреннее зрение восточных мистиков — скорее мысленное погружение, нежели реальное, переживаемое состояние. Это различие можно проследить вплоть до опьянения любовью: на Востоке, где внутренняя близость ставится выше внешней, соблазн, связанный с обнаженным телом, не велик. Человек на Востоке живет, постоянно погружаясь в самого себя, благодаря чему он как бы пребывает в беспробудной дреме — и не только в физическом плане. Западный человек, беспрестанно куда-то устремленный, почти непрерывно бодрствующий, страдает бессонницей — и в метафизическом смысле. Дурман Востока — опиум, вызывающий грезы; на Западе — никотин, поднимающий бодрость...

Погруженный в первоначало, восточный человек постоянно пребывает в глубоких, фантастических грезах. Так как он никогда не выходит из созерцательного состояния, то инертность его доходит до сонливости, последняя же нередко граничит с идиотизмом. Но вот что примечательно: даже отсутствующий вид и тупой взгляд восточного человека таят звериную хитрость. Европейец, каким бы умным и искусным во многом он ни был, не хитер; и он не в состоянии перехитрить восточного человека, будь он даже многоопытный дипломат.

На Востоке говорят: «Тат твам ази», стирая тем самым все грани между вещами и уходя в сладкую нирвану. На Западе вторгаются в сами вещи, проецируя «я» на окружающую среду. На Востоке вопрошают: «Откуда?» и долго, не спеша, ждут ответа. На Западе спрашивают: «Куда?» и суетятся и

нуществовуют в ожидании незамедлительного ответа. У восточных людей почти всегда есть время. На Западе же времени совершенно нет. В Апокалипсисе сказано, что у сатаны мало времени. (Это, конечно, следует понимать ^{лишь} как предостережение).

Эти параллели можно было бы продолжать до бесконечности. Но хотелось бы еще остановиться на том, как в этих совершенно различных мирах преодолевается первородный страх.

Втянутое в напряженное состояние, создаваемое двумя полюсами — Богом и Пустотой, — человеческое существо то и дело натывается на свой метафизический предел. Внезапно лишенное всех своих сил, существо это оказывается перед зевом Пустоты (Ничто), и его поражает первородный страх. Человек на Востоке освобождается от оков своего «я» спокойно, в полузабытьи уходя в первоначало. Он рассеивает действие своего «я» для того, чтобы нейтрализовать тот смертельно опасный предел, ибо без «я» нет и предела. Он приближается к первоначалу, но не вполне достигает его — в телерешнем состоянии космоса это, пожалуй, и невозможно, — и он стоит на пороге потерянного рая, всей душой в тоске устремившись к нему. Вот эта тоска и лежит на Востоке на всем, как некая духота, как томление, зачастую перерастающее в меланхолию. Тоска эта ощущается в пронизанных солнцем равнинах, в самих пластах земли; она слышится в монотонных, унылых песнях, чувствуется в тягучей поступи караванов; ее можно увидеть в печальных глазах верблюдов, словом — во всем. Неким подобием метафизической ностальгии преисполнено здесь бытие.

А как в этом отношении обстоит дело на Западе? Здесь первородный страх преодолевают иначе. Человек Запада не уменьшает свое «я», а, наоборот, распространяет его действие на окружающую среду, благодаря чему оно все больше конкретизируется, материализуется, становясь таким образом все менее восприимчивым к ощущению боли. Разделяющий предел постоянно отодвигается благодаря бесконечному расширению «я». Первородный страх кажется таким образом преодоленным. Однако, расширение «я» есть в сущности не что иное, как эгоизм, а стремление материализовать это «я» — лишь самообольщение. «Я» во всяком случае остается на месте, даже будучи в крайне стесненной форме. А что же происходит с пределом? Он, конечно, не стирается, а просто отодвигается. Но до каких пор его можно отодвигать? Когда-

нибудь «я» так или иначе столкнется с ним. Тогда страх еще беспощаднее схватит его своими тисками...

Запад и Восток — два мира, вернее, два вида бытия. То, чего недостает одному, есть в избытке у другого. Эти миры полярны по своей сути. Однако это не значит, что они взаимно исключают друг друга. Построенные по космическим законам, они даже друг друга обуславливают. Запад романтически тоскует по Востоку, а Восток с надеждой устремляет свой взор на Запад. Нет ничего ошибочнее широко распространенного мнения, будто всякое благо и спасение идет с Востока. Западное бытие метафизически так же оправдано, как и восточное. Чем было бы первоначало без начала? Лишь закоснелостью. Что являл бы собой первоначальный лик без лица? Не более, чем зародыш. Перворастение лишь в растении обретает живое воплощение. Единственный, неповторимый лик так же божественен, как и вечный, бесконечный. Если дыхание первоначала идет с Востока, то именно на Западе оно обретает плоть и кровь. Эти миры призваны оплодотворять друг друга. Односторонность каждого из них чревата опасностью, которая преодолевается другим, полярным миром. Это наглядно подтверждается той проблемой, которая оказалась роковой для человечества, — проблемой техники.

Техника принадлежит Западу. Она — его волшебная сила, способная в случае ее неправильного применения обратиться пагубой. С помощью сжатого воздуха и электричества можно достичь невиданных результатов, но и они не заменят человеку мистического прикосновения к вещам. Искушение, однако, есть, и никто не может быть уверен, что человечество когда-нибудь не проявит такую слабость.

Рассказывают следующий эпизод из жизни человека, потерявшего свою юную возлюбленную. Вернувшись из поездки, он не застал ее в живых, и горе его усугублялось тем, что он лишен был возможности избавить возлюбленную от мучившей ее ревности. В жизни человека немало ничтожных обстоятельств, пустяков — ведь дьявол оперирует в основном пустяками, — имеющих роковые последствия. Особенно это относится к тем случаям, когда «пустяки» касаются отношений между двумя любящими. Так случилось и на сей раз. Может быть, клочок бумаги — сущий пустяк, но именно из него она заключила, что он, ее возлюбленный, изменил ей. Это было лишь предположение, но — тем хуже, возможно. Мужчина безмерно страдал. С каждым днем все неудержимее было демоническое желание вступить с ней в кон-

такт. Все средства — даже магические — не приводили к желанной цели. Однажды вечером он, опечаленный, сидел в своей темной комнате перед камином, в котором тихо догорал огонь. Он постоянно думал о своей возлюбленной. Вдруг он замечает какой-то ящик в углу комнаты, и соблазнительная мысль появляется в его разгоряченном мозгу. В ящике лежит свернутая кинолента, на которой когда-то запечатлели его возлюбленную. Он прокручивает эту ленту. И вот, наконец, он видит ее, почти касается ее, заклинает ее. Она представляется ему живой, и он живет вместе с ней. Через несколько секунд вдруг жужжание киноаппарата резко обрывается. С белого полотна экрана на него глядит жуткая пустота. Человек падает на пол, охваченный безумием.

Мы видим: у последней черты волшебная сила техники бессильна. Хуже того, она превращается в смертельную опасность. Человеку Востока эта опасность едва ли грозит, так как он с появлением этой техники, не являясь ее изобретателем, всем своим существом постиг ее сущность.

Восточное предание гласит: однажды Энос спросил своего отца, кто был отцом Адама, и получил следующий ответ: Бог сделал Адама из глины. Тогда Энос взял ком земли и слепил из него подобие человека. Затем он по примеру Элохима вдохнул свое дыхание в глиняного человечка. Но что это? Фигурка ожила, но из нее получился не человек, а некое чудовище, обладающее демонической силой. В этом предании удивительно верно схвачена вся роковая сущность техники. Первые люди, обрабатывая землю, тоже, конечно, в определенной степени были приобщены к технике, но урожай, который они снимали, не приносил им несчастья. Лишь после того, как Энос, как некогда Бог, вдохнул свое дыхание в глиняную человеческую фигурку, то есть поставил себя на место Бога, людей постигло несчастье.

Сама по себе техника еще не беда. Вот когда человек, создавая что-то, забывает, что он сам — часть Творения, дитя Творца, то искушение и вытекающая отсюда опасность не заставят себя ждать.

Возьмем в качестве примера мифического Линдберга¹. Пристально и любовно разглядывает он свой самолет, как какой-нибудь шейх любуется любимой, породистой лошадью. С

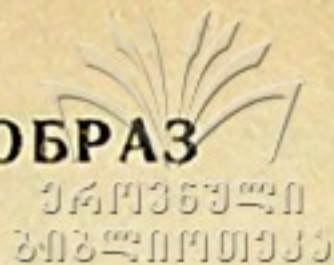
¹ Линдберг Чарльз (1902—1974), американский летчик. В 1927 году совершил первый беспосадочный полет через Атлантический океан. (Прим. пер.)

нежной озабоченностью проверяет он все детали самолета. Затем молча, покорившись судьбе, садится за штурвал. Постепенно тело его срастается с самолетом, он чувствует в себе прилив неведомых сил. Он летит, уверенный в себе — ново-явленный Дедал — через Атлантический океан. Силы, которые он вызвал к жизни, постепенно пронизывают его. И вот в полугипнотическом состоянии он уже сам являет собой такую силу — фантастический сомнамбула, в сознании которого бодрствует лишь одна-единственная молекула. Именно она и управляет теперь самолетом и им самим. Он потерял себя, свое «я». Но в то же время «я» это выросло, как никогда — своеобразный атом, вобравший в себя всю солнечную систему. Опьяненный, слепо, фанатично веруя в новые силы, летит он над океаном. Разве это не величественное, не потрясающее зрелище, оправдывающее человеческое существование?.. Но именно здесь, его, летчика, подстерегает самая страшная опасность — заносчивость. Он летит, он — триумфатор, опьяненный победой. Еще одно люциферическое мгновение, сладостное и обольстительное, — и вот уже опьянение переходит в самоупоеание. Кто устоит перед этим дурманом? Кто совладеет с ним? И тут наступает фатальная метаморфоза: триумфатор вдруг превращается в искусителя, бросающего вызов судьбе. Проходит еще несколько мгновений, еще более упоительных и соблазнительных — и в воспаленном мозгу летчика вспыхивает отчаянная мысль: это удалось ему, лишь ему одному на целом свете. И вот уже искуситель судьбы — преступник. В тот же миг рвутся нити, связующие его с космическими силами. Атом, носивший в себе всю солнечную систему, вдруг оказывается полым и рассыпается в прах.

Кто не испытывал подобного демонического упоения? Оно ведомо каждому поэту в состоянии вдохновения; каждому пророку, зрящему трансцендентное; каждому полководцу, принимающему на поле брани судьбоносное решение. Оно ведомо каждому вождю племени, сосредоточившему в себе волю всего клана. Блажен тот, кто находит в себе силы устоять перед этим великим соблазном. Благословенная связь между человеком и космосом тогда остается в силе. Но кто же способен на это? Лишь тот, кто в душе своей в постоянном благоговении хранит и пестует первоначало.

И если западный человек, ежедневно и ежечасно подвергающийся смертельной опасности благодаря техническому прогрессу, все же не становится его жертвой, то спасают его как раз восточные, близкие к первоначалу силы.

ГРЕТА ГАРБО — ЗАВЕТНЫЙ ОБРАЗ НАШИХ ДНЕЙ

Многие, по-видимому, испытали нечто подобное: поезд мчит тебя, погруженного в грезы, по пустынной земле. Полночный час. В твоём купе почему-то нет ни одного спутника. В полузабытьи ты гредишь о чём-то, отрешившись от всех будничных забот и тревог. На какой-то станции поезд останавливается. Через несколько секунд открывается дверь, и появляется незнакомая женщина. Она не спеша садится, ставит рядом с собой на сиденье небольшой чемодан и затем спокойно кладет на него правую руку. Незнакомка не то чтобы очень красива, но что-то есть в ней такое, что в глубине души не оставляет мужчин равнодушными. Она держится уверенно, но не подчеркивает это. Взор ее безучастен. Она лишь один раз встречается с мужчиной взглядом, недоуменным и почти вызывающим, и тут же отворачивается от него.

Мужчина поражен ее притягательной силой, ослеплен ею. Возникает напряжение между обоими существами, судьбы которых доселе еще не соприкасались. Воздух словно пропитан каким-то неосвязаемым элементом. Кто эта женщина? Какая судьба затаилась в ней? Каждый вопрос рождает пронзительную тоску, и приходится лишь строить домыслы, молча, тайком. В душе появляются смутные догадки, одна за другой, но ты боишься их подтверждения. Женщина сидит невозмутимо, и невозмутимость ее сродни покою пшеничного поля, в котором ни колос не шелохнется. И все-таки тебе кажется, будто ты слышишь ток крови в ее венах. Мужчина очарован. Он, правда, видит ее насквозь, видит всем нутром своим, и все же не в состоянии произнести ни слова. Женщине передается его смущение, и она упивается сознанием своего превосходства. И вот мужчина начинает совершать неуклюжие движения: зажигает спичку, нервно закуривает, берет в руки уже прочитанный им иллюстрированный журнал, перелистывает его, то и дело украдкой бросая взгляд на незнакомку. Все напрасно — она ничем не выдает себя. Так проходит несколько часов. И вот как ни в чем не бывало она выходит из вагона на какой-то станции. Смотрит мужчине в глаза — во второй и в последний раз, просияв на мгновение, и исчезает, как далекая мечта. Мужчина хватается руками, чтобы догнать уплывающий от него образ, чувствуя

всей душой, что женщина унесла с собой весь свет своего существования, подобный сиянию ауры. Он снова оказывается в одиночестве. Не успев прийти в себя, слышит шелест платья загадочного существа. Вдруг взгляд его падает на забытую ею перчатку, он пристально разглядывает ее, как отпечаток призрачной руки на кофейной гуще во время спиритического сеанса. Смотрит неподвижно, будто во сне.

Что, собственно, произошло? Ничего. И все же что-то случилось. Этот образ будет теперь сопровождать его до смертного одра.

В вибрациях подобных явлений проявляется реальная действительность. Дать таким вибрациям художественное воплощение — вот в чем состоит миссия поэта. Поэт находит для тех или иных своих грез внутренний язык, затем осторожно, бережно чеканит из них словесные образы, не отпугивая и тем паче ничем не ущербляя их. Еще более трудная задача состоит в том, чтобы как можно материальнее воплотить эти грезы, ибо вибрации, о которых идет речь, чуждаются весомости и осязаемости. Вот почему подлинная живопись есть реальная магия. Поэтому мы как чудо воспринимаем картину Рембрандта «Яков благословляет внуков». Библейский дух смены поколений передан здесь в незрячих глазах и в пророчески благословляющей на ощупь руке старца. И все это — вполне материально. На освещенном фоне еще колышется невидимыми волнами дух древности. Аромат тысячелетий нашел на этом полотне материальное воплощение. Его изображение можно «пересказать». Но тогда это было бы лишь предание. На полотне же непосредственно схвачена сама реальность.

Мы смотрим на картину и как бы живем в ней. Дух первобытного времени сообщается настоящему, благодаря чему торжествует вечное сегодня — бытие в Божественном.

Все расы и народы воплощают в себе это непередаваемое, пьянящее дыхание жизни на свой лад и в меру своих сил в каком-нибудь образе — большей частью в женском, ибо женщина, как материнское лоно оплодотворенной солнцем земли, всегда являет собой одновременно и воспринимающее, и созидающее начало. Может быть, поэтому женщина глубже и подлиннее, нежели мужчина выражает сокровенное начало своего народа. Лишь благодаря женщине чужестранец в состоянии постичь душу другого народа. Глядя на прекрасную царицу Нефертити, чувствуешь, как во всей своей волшебной

красоте и силе Изиды перед тобой расстилается опромная Нильская равнина страны фараонов. Так же действуют на нас чары Уты фон Наумбург: в нордической ясности ее плодотворной теплоты глубоко коренится внутренняя сила германского духа. В таких образах великие эпохи стремятся выразить себя наилучшим образом. В них продолжает жить и воздействовать на нас минувшее.

Каждое время характеризуется своим неповторимым очарованием, своей амплитудой восприимчивости. Каждое время порождает свой собственный заветный образ, мечту, в которой она формируется и развивается. Такой образ родился и в наши дни.

Восприимчивость народа можно определить по его отношению к какому-либо страшному явлению данной эпохи. Когда люди полностью находятся во власти времени, они живут, уподобившись зверям, растениям, камням. Когда же они стремятся растворить время в безвременном, то перед ними открываются два пути. Первый — время преодолевается в обратном направлении, с помощью внутреннего созерцания, в состоянии полузабытья. При этом происходит рост в сторону первоначала. Это путь древних китайцев: «в действии бездействие», а также путь древних индусов: «все, что явлено нам во времени, есть лишь майя, иллюзия света». Это, наконец, и путь христианских и других аскетов: «земля — сосуд дьявола». Второй путь — время преодолевается в движении вперед, с помощью волевых действий. Движение сокращает отрезки времени и лишает их таким образом ощущения реальности. Этот последний путь, судя по всему, избран нашей эпохой.

Современный человек покоряет время с помощью скорости. Посредством машины он преодолевает сто и более километров в час, а самолетом — и того более. С помощью радиоволн его голос в течение доли секунды огибает земной шар. В мгновении он стремится полностью, без остатка реализовать себя, он пытается приостановить течение времени, создавая некую иллюзию абсолютного настоящего. Основным средством, которым он при этом пользуется, является машина. Однако машина оказывает на него обратное воздействие, вызывая в нем новый вид чувствования. Так, например, исследователю психики автогонщика известно, что тот заставляет работать на себя страшные силы. Он полностью овладевает ими. Развивая бешеную скорость, он поглощает пространство,

чудовищно сокращает время. Скорость — вот чем одержим современный человек. Что же касается преодоленного им расстояния: фрагментов ландшафта, застывших мгновений, то они его не занимают. Сознание его гасит любое представление о времени. Он предвкушает вневременное или сверхвременное. Он, правда, пока еще не достиг его, но сама возможность достижения уже зарождается, уже тлеет в нем. Напряжение достигло таких пределов, что возможность эта мнится ему уже почти достигнутой и предвкушается им как нечто состоявшееся, как реальность. В полузабытьи он наслаждается вневременным настоящим: новоявленный мистик, натолкнувшийся на пустоту.

В предвкушении этой возможности как раз и заключается исключительная восприимчивость современного человека. Каждый, кто живет в эпоху технического прогресса, обретает эту восприимчивость в виде нежной мембраны — кто менее, кто более тонкой.

Страшную, зловещую силу вызывает человек с помощью техники. Однако силе этой несвойственны ни рост, ни созревание. Дерево растет, цветок зреет — электрический ток же не растет и не зреет, он просто есть, но не как предмет, а как напряжение само по себе. Гомо техникус, приводящий эту силу в движение, использующий ее, испытывает на себе ее обратное воздействие: и вот он уже и сам не растет и не зреет так, как растет и зреет Земля и все на ней. Благодаря солнцу Земля зреет, становится плодотворной: солнечное семя прорастает в ее лоне, воспламеняясь и обретая форму. Современный человек чисто механически пользуется Землей, ущемляя тем самым в себе силу солнца. Он живет ускорением, препятствуя своему росту. Он предвкушает исполнение своих желаний и не достигает зрелости. Несмотря на обладание новой силой, он все же беден солнцем. Даже с этой силой, с этим орудием он органически не сросся. Бывают секунды, когда водитель автомашины чувствует себя освобожденным от автомашины. Это упоение еще сладостнее: машина, одержимая дьяволом, мчится по краю пропасти. Еще секунда — и катастрофа неизбежна. И вот человек на мгновение прикасается к машине, и в следующий миг опасности как не бывало. Это подлинное волшебство. Но примечательно здесь и то, что водитель и машина отделимы друг от друга. Наездник, сидящий на лошади, не в состоянии почувствовать подобное полное отделение. Техник же не может принять сердеч-

ное участие в своем орудии. Летчик или шофер безучастны в своем отношении к машине. Все эти порождения техники кажутся некими сомнамбулическими образованиями с безжизненным взглядом. И вот что странно: те, кто пытается повернуть время вспять, как это, например, делают китайские и индийские мудрецы, а также всякого рода аскеты, которые на свой лад тоже находятся вне роста и созревания, напоминают забальзамированных сомнамбул. Различие едва ли достойно внимания.

Таким представляется современный человек — исполненный силы и в то же время бедный солнцем. В ускорении предвкушает он исполнение своих желаний, но предвкушение это опережает процесс земного созревания.

Такого рода восприятие нашло свой яркий, заветный образ в феномене Греты Гарбо, но не в реальной шведке, а в кинематографическом образе, гораздо более реальном, чем она сама. Прекрасна ли Грета Гарбо? Это излишний вопрос. Конечно, существуют и более прекрасные женщины, но они не обладают ее непостижимой притягательной силой. У нее стройное тело, но оно недостаточно пластично. Она довольно неловко передвигается на своих длинных ногах, и манеры ее нередко неуклюжи. Если обратить внимание на ее плечи, то они даже могут показаться грубоватыми. Платье на ней не подчеркивает стройность ее тела. Великосветская женщина могла бы упрекнуть ее в недостатке вкуса. И все же: обаяние ее несравненно. Лоб, сильно выпуклый в профиль, по-детски упрямый, мягко закругленный в анфас, излучает свет и ум. Длинные изогнутые брови обрамляют лик, благородный, возвышенный. Матовые веки, словно отполированные ракушки, лежат чувственно-тяжело и мужественно, как бы упиваясь собой. Большие светлые глаза, выражающие одновременно и робость, и меланхолию, глядят из страшной глубины. Может быть, это темно-сине-зеленые кристаллы из солнечного света? Нет! Они не поддаются описанию, эти глаза, ибо глядят они на нас из какого-то неведомого нам мира.

Вообразим себе, что после длительного одиночества мы возвращаемся к людям и впервые видим глаза человека. Они, эти глаза, наверное, окажут на нас странное, даже отпугивающее и вместе с тем блаженно-счастливое действие. При обмене взглядами эти глаза впервые откроют нашему «я» суть божественного «ты». Вот такое воздействие оказывают на нас глаза Греты Гарбо. Ее эффект совершенно в духе порт-

ретов Леонардо. Благородно и тонко очерченный рот производит впечатление затаенного дыхания в чувственно-целомудренном упоении. Выражение глаз и уст не всегда совпадают: губы нередко выражают чувственно-просветленный дух, в то время как взгляд полон тоски и печали. Даже одни лишь уста, кажется, выражают порой разное: так, если правый уголок рта как будто вкушает сладость, то левому, кажется, досталась горечь. И все же весь ее облик дышит огромной жизненной силой, строго замкнутой в себе. В ней чувствуется какой-то редкостный огонь, пламя которого идет из глубины. Он, по Гераклиту, «не влажен», он сух, ибо отгорел. Это нордический огонь, но без плодотворной силы Уты. Глядя на Грету Гарбо, испытываешь такое ощущение, будто тончайшая материя из света обрела в ней плоть — не наоборот. В глазах ее сияет северный огонь, не земной, а, возможно, и не небесный. Интересно сравнить Грету Гарбо с ее великой соперницей по фильмам Марлен Дитрих. Если в Марлен эротическая волна чисто земного свойства, то в Грете она эфирного происхождения, то есть другими словами, она почти не обладает субстанцией. У первой — пульсирующий звериный флюид, у второй — холодный блеск металла.

Кто она? Не вакханка ли, пылко отдающаяся своему избраннику, но затем одержимая неуголимой похотью, в безумии рвущая его на куски? Нет. Или, может быть, она амазонка, воспринимающая возникшее между мужчиной и женщиной напряжение как некий вызов, готовая в неистовстве любой ценой одолеть возлюбленного? Тоже нет. Тогда, возможно, она менада, с затаенным дыханием ожидающая приближения Диониса, чтобы затем в крике освободиться от цепящего ее опьянения, и, отчаявшись, броситься с широко раскрытыми от страха глазами навстречу богу вина? Едва ли и это. Или же она — Мадонна, в лоне которой в светлом блаженстве созрело божественное семя? Сомнительно и это, ибо она вообще никакая не мать. Так кто же она тогда? Просто звезда-вамп из Голливуда? Это было бы слишком мало для нее. Разве она вообще женщина? Когда смотришь на нее, она порой кажется юношей. Когда же она одета в мужской костюм, то сходство с юношей прямо-таки бросается в глаза. И все-таки она — женщина и чарует нас чисто по-женски. Она — не вакханка, не амазонка, не менада, не Мадонна, не мать и не куртизанка, она — все это в совокупности, но лишь как возможность, как абстракция, как некое подобие музыкальной волны, беспредметной и все же впол-

не конкретной. При этом имеет значение не то, что она выражает, а выражение само по себе. Ею восхищаешься даже тогда, когда она играет в каком-нибудь пошленьком фильме. Здесь пошлость — лишь предмет, дающий ей повод для самовыражения. Ласкает ли она, гневается ли, горячится ли, впадает ли в меланхолию или резиньяцию — она всегда и во всем лишь чистое выражение, лишь экспрессия. То, что выражает эта экспрессия, по ту сторону самой экспрессии уже не существует. Однако, она неизменно всеохватна. Как дыхание космоса. Сущность ее натуры — это чистая возможность, создающая совершенную экспрессию. Благодаря этому, однако, возможность настолько возрастает, что уже кажется реализованной. Грета Гарбо никогда не бывает доступной. И все же она в каком-то смысле всегда рядом. Она — не земное, и, может быть, и не небесное создание, тем не менее чувственность ее благодаря этому никоим образом не ущерблена, не ослаблена, а, наоборот, необычайно повышена, утончена.

Играя очередную роль, она вживается в образ — будь то историческая или вымышленная личность. Но она создает не образ самой героини, а свой собственный в ней. Она, в сущности, даже не актриса: заданная роль для нее лишь материал, с помощью которого она формирует себя самое. Она вообще не играет, а лишь выражает себя. Она — ни Анна Каренина, ни королева Кристина, ни Мата Хари, ни какая-нибудь другая героиня. Она в любом случае остается Гретой Гарбо и каждый раз новой. Она — не художник, создающий образы, а творец, творящий себя самого. В этом своем свойстве она вполне кинематографична и остается непревзойденной киноактрисой. Кинематограф открыл ее. Она же в свою очередь, как никто до нее, способствовала развитию киноискусства как такового.

Иногда кажется, что она соткана из лучей света — стройная и величественная. Из-под полузакрытых ресниц глядит она на мужчину, и взгляд ее покоится на нем. Эти глаза излучают необычный свет, они чаруют и обескураживают. Мужчина, любующийся ими, сразу же подпадает под их парализующее действие. Тело ее упруго, высокие бедра ее постоянно покачиваются. Она улыбается в ожидании. Короткий разговор. Она угадывает любой вопрос, но ничем не выдает себя. Она делает намеки, двусмысленность которых ведома лишь ей самой. Она снова улыбается мужчине, и улыбка эта

выдает ее превосходство над ним. Ее остроумие тогда трогательно, и задор ее полон очарования. Едва заметный наклон головы, исполненный грации, и вдруг улыбка на ее лице резко обрывается. Она вся дрожит, будто в венах ее течет огонь вместо крови. Смущенный и скованный, мужчина стоит перед ней. Воздух вокруг нее сгущается, тяжелеет. Дыхание учащается, похоть наступает стремительно. Теперь она — лишь кровожадный рот, готовый сорвать жизнь, словно спелый плод. Она, точно подстегиваемая кем-то, приближается к мужчине и что-то лепечет ему своим низким голосом. Не пробуждает ли этот голос, голос Греты Гарбо, силы, дремлющие в человеке, или же он укрощает его дикие страсти? Она целует мужчину, он обнимает ее. Теперь она вся — зачатие. Она замирает, затем вдруг отрывается от мужчины, и тут же аура ее меняется. Выражение глаз ее теперь еще страшнее: они ничего и никого не видят. На опьяненных устах замерла невыразимая печаль. Она глядит вдаль, словно чувствуя рану в душе. Вся ее жизнь, кажется, сосредоточилась теперь на висках. Не чувствует ли теперь Грета, что она в состоянии выразить лишь возможность, которая никогда уже не будет осуществлена? А может быть она заведомо знает, что всякое осуществление, любое исполнение в юдоли земной обречено на неудачу? Вокруг нее ощущаешь дуновение пронзительной тоски. Но в тоске своей Грета хранит свет. Теперь она — уже не просто образ, не просто героиня художественного произведения, она — почти мифическая реальность, продолжающая жить и творить.

В каждом существе есть нечто, не поддающееся разрушению. Это — внутренний образ существа. Если само существо растворяется в предметах, то образ отступает к первоначалу. Если же он получил материальное воплощение, то, как двойник, он несет в себе существо на вечные времена. Это было известно древним египтянам. «Хиле» Демокрита, как и «эйдолон» Пиндара и есть образ в египетском понимании. Образ обладает своей собственной реальностью. Он не плод вымысла художника, а объект его видения. Джокогда — это женское существо, которое похищают из Лувра одержимые ею, а в голову Нефертити влюбляются по-настоящему. Кинематограф высветил реальность образов, доведя ее до фантастической степени. Образы эти обрели динамизм, они наполовину осязаемы, и даже говорят.

Среди них образ Греты Гарбо обладает самой проникающей реальностью. Эта изумительная кинозвезда и в самом

деле живет. Она путешествует и появляется всюду: в Чикаго и Нью-Йорке, в Париже и Берлине, в Риме и Лондоне, в Будапеште и Варшаве, на Западе и на Востоке. ^{Экран} в Тегеране и Стамбуле, в Калькутте и Бомбее, может быть, и в Ираке и в Афганистане. Она появляется всюду, но не просто так, как другие кинозвезды. Она приносит с собой то, чего недостает всем: новый вид чувственного упоения. Миллионы глаз зачарованно ловят каждое ее движение, и движения эти, как волны, исходят от нее. У этой кинозвезды своя собственная биография, и она имеет продолжение. У нее своя судьба, оказывающая на судьбы многих и многих решающее влияние. Ее боготворят, ею грезят, по ней тоскуют — речь, конечно, опять-таки идет не о реальной Грете Гарбо. Тысячи и тысячи носят с собой ее снимки, и в тысячах сердец запечатлен ее живой образ. Она недоступна и все же всегда рядом: как новоявленный дух инкубон в магическом сиянии. Ею одержимы, как бывают одержимы лунным притяжением. Появившись в новом мире как греза, как заветный образ, она оказывает на этот мир обратное воздействие. Она создает желанную атмосферу, в которой возможность исполнения желания, сопровождаемая изобилием прелвкусений наитончайшего свойства, воспринимается как нечто весьма близкое к осуществлению.

На наших глазах появляется новая женская раса: «гарбоиды», если их, конечно, можно так назвать. Взгляните на этих женщин — это машинистки, манекенщицы, продавщицы, актрисы, спортсменки, светские и полусветские дамы. Обратите на них внимание в кинозалах, в театрах, в салонах мод и универмагах, на выставках, на скачках и автомобильных гонках! Взгляните на фотоснимки в иллюстрированных, театральных, спортивных журналах, в киножурналах и журналах мод! всюду вы встретите этих женщин с одним и тем же чарующим сомнамбулическим взглядом, устремленным вдаль и с не менее чарующей спокойной безучастностью в манерах. Даже в манекенах нашел отражение тип этой новой расы: все в нем дьявольски чарует и в особенности эта милая анемия, таящая в себе непредсказуемые капризы электрической волны.

Если современный мужчина беден солнечным элементом, то современная женщина оказывается слабой как земное существо. Однако и мужчина, и женщина обладают страшной силой, которую в планетарном отношении пока трудно определить. Может быть, мы стоим перед новой космической эволюцией Земли? Ведь составляла же Земля когда-то, в доисто-

рические времена единое целое с Луной! Ведь существовали тогда человекоподобные существа, обладавшие каким-то особым видом чувствования и мышления! Не являемся ли мы свидетелями совершенно незаметной эволюции Земли, происходящей под воздействием техники? Может быть, это путь к Тегга Lucida манихейцев, путь, возможно, бессмысленный, но все же путь? Нет сомнения в том, что здесь начинается новый Апокалипсис.

Земля, однако, в ее теперешнем состоянии не собирается сдавать свои позиции. Новый век — технический — олицетворен больше в мужчине, нежели в женщине, и, хотя и появилась новая раса женского типа, подавляющее большинство женщин все же еще крепко привязано к Земле. В Германии, где Землю стремятся сохранить, исходя из мифологического к ней отношения, молодые девушки выглядят иначе. Возможно, некоторые из них и украшают свои комнаты снимками Греты Гарбо, но они ни в коей мере не являются «гарбоидами». Погруженные в себя, зрея в глубине, они убеждают нас в том, что и сегодня не перевелись дочери Великой Матери.

Однако именно «земные» женщины больше всех страдают от перемен, происходящих сегодня на Земле. Представим себе, что «земная» женщина «находит» себе новый тип мужчины. Она живет спонтанно, элементарно, как материнское лоно, как Земля и отдается возлюбленному. Может ли в свою очередь современный мужчина пожертвовать собой ради женщины? Он не смог бы этого сделать, если бы даже очень захотел. Мужчина в состоянии отдаваться лишь частично. Женщина дышит и растет, исполненная тоски по созреванию. А как обстоит дело с мужчиной? В его мужских корнях росток солнца задохся. Благодаря этому и женщина расколота на части. — а что может представлять собой женщина, утратившая целостность клеточной своей системы? Это несуразное, уродливое создание, уродующее других. Такая женщина может быть одновременно и нежной, и жестокой, и искренней, и фальшивой. Если в какой-либо части ее существа и осталось еще что-то от ее женского естества, то с другими частями остаток этот не гармонирует. Она в состоянии принадлежать одному мужчине телом, другому — душой, но обоих она во всяком случае губит. У мужчины, которого она любит «душой», она вызывает целую бурю чувств, но не отвечает взаимностью. Мужчина же, которого она одаряет своим телом, испытывает страшную душевную жажду, которую она не в состоянии утолить. Итак, истерия? Да. Но кто

ее вызвал? Не является ли вся теория женской истерии (собственно говоря, — мужской) расплатой за солнечную слабость мужчины? В этом трагедия современности со всеми роковыми последствиями. Настала необходимость появления женщины поэтического склада, ее сострадательная и всеведающая душа избавила бы ее от многих страданий современной женщины. Это великая миссия.

А как обстоит дело с Гретой Гарбо? Не с ее кинообразом, не с «эфирной оболочкой» и не с «эйдолоном света», а с ней самой? Это каверзный вопрос. Разве художественный образ не высосал из нее всю ее сущность? Разве он, этот образ не подверг ее судьбу страшным испытаниям? Она отдается своему образу вся, без остатка, а что он дает ей взамен? Миллионы волн, несущих мечты и грезы, со всех концов света стекаются к ней, к своему заветному образу, к своей заветной мечте. Хорошо еще, что волны эти необычайно многообразны и невольно нейтрализуют друг друга: иначе не выдержать бы ей, приемнику этих волн, удушающего их напора. Возможно, она инстинктивно чувствует грозящую ей опасность и делает все для того, чтобы избежать ее, живя (и это первая женщина мира!) уединенно, чуть ли не взаперти, даже прячась ото всех. Она избегает фоторепортеров, журналистов, интервьюеров и крайне редко и неохотно показывается на людях. Если во всем этом и есть доля рекламы, а может быть, и немного позы, то все же главная причина такого уединенного образа жизни Греты в другом. Она вживается в свой кинематографический образ и, как человек, совершенно оголяет себя. Она чувствует себя лишенной оболочки, стремится всей душой снова обрести, вернуть себе ее. В страхе прячется за свой панцирь. Счастлива ли она? Дерзкий вопрос. Как заветный образ, как символ нашего времени, она превращается в его жертву. В качестве жертвы она, по-видимому, в какие-то мгновения и бывает счастлива. Но то, что мы называем «счастьем», для нее, вероятно, недостижимо.

Легко себе представить, как побуждаемая своей собственной судьбой, она одна, без участия других однажды решит посмотреть фильм, в котором играет главную роль. И тогда на ее чудесные ресницы тяжело лягут две большие слезы — две жемчужины, печальнее и прекраснее которых не найти в этом мире.

Перевод с немецкого Сергея ОКРОПИРИДЗЕ

Нана КАНДЕЛАКИ

Редакция поздравляет известного грузинского писателя НАНУ КАНДЕЛАКИ с замечательной юбилейной датой — 70-летием со дня рождения — и желает ей крепкого здоровья и новых творческих достижений.

В те далекие годы...

ЛЕВАН ГОТУА

На исходе зимы 1942 года на тбилисских улицах появились афиши, извещавшие о том, что в скором будущем в театре имени Марджанишвили будет показана драма Левана Готуа «Царь Ираклий».

С фронта приходили тревожные сводки.

В такое тяжелое время премьера спектакля казалась несколько неуместной. Но нет, спектакль оказался очень своевременным. Зрители интуитивно почувствовали, что увидят нечто возвышающее душу, вселяющее надежду, и в день премьеры люди повалили в любимый театр.

В спектакле были заняты ведущие артисты театра — краса и гордость грузинского театрального искусства: Васо Годзашвили, Шалва Гамбашидзе, Верико Анджапаридзе, Серго Закариадзе, Георгий Шавгулидзе, Котэ Даушвили и другие.

Постановку осуществил Вахтанг Таблиашвили. Музыка к спектаклю написал Арчил Кереселидзе, художественное оформление принадлежало Левану Чубабриа. Вел спектакль Петрэ Грузинский.

Зал был переполнен.

Как только поднялся занавес, раздались первые аплодисменты. И до самого конца спектакля зал то и дело взрывался аплодисментами, живо воспринимая каждое слово, каждый жест актеров.

Незабываемое впечатление произвел дуэт Анджапаридзе — Закариадзе в сцене в саду. Но когда в зале раздался призыв Ираклия к битве, зрителей охватил патристический порыв. Аплодируя, с возгласами вскочили они с мест. Казалось, еще минута, и все, как один, прямо из театра направятся на поле брани.

Представление закончилось. Зал бурлил, рукоплескания не смолкали. На сцену вышла вся труппа и постановщики спектакля. Позже всех появился батони Леван Готуа. Взволнованный, счастливый, слегка побледневший, он с улыбкой аплодировал актерам и зрителям.

Наконец мы вышли на улицу. Час был поздний, моросило, мартовская сырость пронизывала все тело, но никто не расходился. Люди ждали появления артистов, режиссера, автора, и хотя в городе был установлен комендантский час, об этом в те волнующие минуты никто не думал.

После долгого ожидания они появились. Мы встретили их овацией.

К театру подошел патруль. Им объяснили, что происходит, что так взволновало людей, и те тоже начали аплодировать. Ни слова не было сказано, чтобы собравшиеся разошлись.

Неожиданно кто-то запел — «Картвело, хэли хмало икар...» («Грузин, берись за меч...»), люди с воодушевлением подхватили песню и вместе с артистами часть людского потока двинулась к Верийскому подъему, часть к кирхе (она стояла тогда на углу нынешней площади Марджанишвили. Там же находилось и маленькое кладбище. Это место называли Кирочной. После войны на этом месте немецкие пленные построили два больших здания, которые и теперь украшают площадь).

Я подробно описала все, что происходило в тот вечер на премьере. Но разве можно передать словами, как Серго Закариадзе читал «Тано, татано...» — стихотворение, посвященное возлюбленной поэта Бесики, или же сцену, где царь Ираклий, в блестящем исполнении Васо Годзиашвили, обратился к своим воинам со страстным призывом к борьбе за независимость Грузии.

Я попыталась создать у нашей молодежи хоть какое-то

представление о том, какой неугасимый огонь горел в сердцах людей, боровшихся с коварным и сильным врагом, какой могучий талант проявил Леван Готуа, который, используя исторический материал, сумел создать великолепную драму, вселившую в душу каждого зрителя чувство патриотизма и уверенность в окончательной победе.

Прошли годы... Батони Леван отбыл «наказание» и вернулся из ссылки в Тбилиси. Однажды я увидела его в Союзе писателей. Он сидел в саду и листал журнал. Тогда я не была с ним знакома, но, как говорится, сердце не выдержало, и я осмелилась подойти к нему.

— Батоно Леван... Я давно собираю театральные и концертные программы. У меня хранится и программа вашего «Царя Ираклия». Если у вас она не сохранилась, я с большим удовольствием преподнесу ее вам. И хочу вам сказать: пока я жива, не забуду ту премьеру, тот пафос, то волнение, тот прекрасный вечер...

Батони Леван встал, улыбаясь посмотрел на меня, а у него была удивительная улыбка, поцеловал мне руку и очень тихо сказал, будто не хотёл, чтобы кто-нибудь его услышал, хотя в саду, кроме нас, никого не было:

— Я ведь не застрахован... Кто знает, что со мной может произойти. Пусть программа останется у вас, окажите мне честь.

Некоторое время спустя мы встретились в издательстве «Сакартвело». Он готовил к печати роман-эпопею «Печаль героев». Редактором была Натэла Инасаридзе. Батони Леван часто приходил к нам, читал корректуру и однажды неожиданно спросил меня:

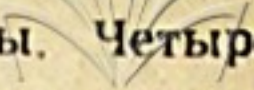
— Вы еще храните программу «Царя Ираклия»?

— Конечно, батоно Леван.

— Наверное, она пожелтела от времени... Если не трудно, покажите мне ее.

На следующий день я захватила ее с собой. Батони Леван пришел к перерыву. Когда все вышли из комнаты и остались мы трое — батони Леван, я и Натэла, я протянула ему программу. Он положил ее на стол, нежно провел по ней рукой и вдруг быстро отвернулся к окну. Его глаза были полны слез. Он вернул мне программу и поблагодарил за то, что я ее сохранила.

Позже мне поручили редактировать его шеститомник. В каждую строку я вложила большую любовь и благоговение к

писателю, мыслителю, к человеку с большой буквы. Четыре тома из шести вышли под моей редакцией.

Жаль, что батони Леван не дожил до издания тех шести томов, и особенно больно, что Леван Готуа не дожил до наших дней, когда его обожаемая Грузия стала независимой и свободной, этому посвятил он свои высокохудожественные романы, рассказы, новеллы, статьи, выступления и — всю жизнь.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ

С батони Павле Ингороква я познакомилась в издательстве «Сакартвело».

Это было в 1968 году.

Батони Павле тогда готовил к изданию юбилейную книгу Николоза Бараташвили, и, конечно, с утра хлопотал в нашей комнате.

Он установил для нас строгий режим: никого не впускал в комнату и, если к кому-нибудь из нас приходил автор, категорически требовал — для беседы выходить в другую комнату. «Тут идет серьезная работа!» — говорил он.

Сначала мы беспрекословно подчинялись этому требованию, но со временем переносить это стало трудновато, хотя вслух мы не роптали.

Однажды, придя на работу и не застав батони Павле, Джансуг Никабадзе¹ язвительно бросил работающим над томом сочинений Бараташвили редакторам Натэле Инасаридзе и Элисо Бецукели:

— Ну, Павловны, дал вам передышку отец-душителъ?

Натэла молча пожала плечами, а Элисо улыбнулась и отшутилась:

— Пусть Натэла волнуется, что ты ей изменил отчество, а я и так Павловна!

В то лето стояла удушающая жара, и двери на балкон мы решались открывать только до прихода батони Павле. Он не выносил сквозняков и, едва войдя в комнату, сразу закрывал двери.

Так случилось и в тот день.

Вошел батони Павле, положил на стол Джансуга, где он

¹ Джансуг Никабадзе — грузинский поэт, в ту пору сотрудник издательства «Сакартвело».

обычно работал, большой портфель, Джансуг был вынужден пристроиться возле меня и ворча закрыл дверь на балкон.

В комнате нас сидело шестеро, седьмой был батони Павле, комната была маленькая и вскоре стало настолько душно, что невозможно было дышать.

После долгих размышлений я быстро встала и широко раскрыла дверь.

Не успела я сесть, как батони Павле встал и закрыл дверь, затем вернулся к письменному столу и продолжил читать корректуру.

Я снова встала и открыла дверь.

Батони Павле вскочил, закрыл дверь и разгневанно сказал мне:

— Женщины из рода Орбелиани простуживались от обмахивания веером, а вы не боитесь, сидя на сквозняке, заболеть воспалением легких?

— Ведь то были женщины, а мы... — не поднимая глаз от рукописи, бросила я и продолжила работу.

Батони Павле внимательно посмотрел на меня, затем оглядел остальных, задыхающихся от жары, неожиданно улыбнулся, открыл дверь и, будто про себя, проговорил:

— Да, сегодня жарко, пусть дверь будет открыта, быть может, повеет прохладой и станет чуть легче...

После этого случая дверь на балкон всегда была открыта.

Однажды батони Павле пришел очень рассерженный. Бросил на стол портфель, оглядел всех нас и, не увидев Элисо, заинтересовался причиной ее отсутствия.

— Элисо позвонила, что нездорова и сегодня не придет, — тихо проговорила Натэла.

Тут батони Павле разошелся и начал кричать:

— Это же предательство, как можно теперь болеть! И в типографии не все на месте. Заговор?!

Он сел, разложил перед собой корректуру и начал ее читать, время от времени ворча, что все мы бездельники.

Кто же из нас отказался бы помочь ему, но в ту минуту он был такой разъяренный, что мы боялись даже заговорить с ним.

А он, читая корректуру, продолжал возмущаться.

Я подумала, если он будет так переживать и нервничать, ему станет плохо. Ведь на нем не было лица. И хотя я не была уверена, что в таком состоянии батони Павле сумеет оценить шутку, для того, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, кокетливо обратилась к нему:

— Батоно Павле... Я на вас обижена...

Батони Павле оторвался от гранок, посмотрел на меня поверх очков и изумленно спросил:

— В чем моя вина, калбатоно? Двери открыты не только на балкон, но и в коридор, в комнате вовсе не жарко, чего вы еще требуете от меня?

— Батоно Павле... Вы сегодня не поздоровались со мной... — робко произнесла я, решив, что сейчас разразится буря.

Но произошло совершенно неожиданное.

Батони Павле отложил в сторону гранки, привстал, легким движением отбросил ручку, затем выпрямился и направился ко мне. Щелкнув каблуками, он склонился передо мной:

— Добрый день, мадам!

В комнате раздался смех.

Батони Павле поцеловал мне руку и с улыбкой сказал:

— Если вы угостите меня чашечкой чая, да к тому же с вишневым вареньем, я буду вам очень благодарен.

Вскоре на моем столе все было готово к чаепитию. Вместе с нами батони Павле с удовольствием выпил чай с вишневым вареньем (за день до этого был разговор о варенье, и я обещала его угостить). За чаем он, улыбаясь, поглядывал на меня, а уходя домой, в дверях сказал:

— А вы думали, что я ворчун и брюзга?

Инициатор и вдохновитель прекрасных литературных начинаний и изданий, автор «Георгия Мерчуле», Руставелианы, множества монографий и статей, батони Павле бывал зачастую угрюмым и неразговорчивым; однако обладал большим чувством юмора, собеседник он был интересный и остроумный, и когда улыбался своей теплой, открытой улыбкой, мы забывали, что перед нами человек, за плечами которого тяжелая, полная тревог и испытаний жизнь.

СТАКАН ВОДЫ

Я расскажу об истории, случившейся в шестидесятые годы...

В то время комната литературных консультантов находилась на втором этаже Союза писателей.

Писатели очень любили собираться в этой комнате, особенно молодежь — ведь там работали Александр Абашели,

Мариджан, Михаил Мревлишвили, Георгий Шатберашвили, Шалва Апхаидзе.

Я тоже любила бывать в этой комнате, слушать писателей, приходивших туда побеседовать. А это были Геронти Никодзе, Лео Киачели, Иосиф (Сосо) Гришашвили, Галактион, Георгий Леонидзе, Поликарпе Какабадзе, Алио Мирцхулава, Нино Накашидзе, Анна Хахуташвили и другие... Какие имена!

Однажды, поднимаясь по лестнице, я встретила калбатони Анну Хахуташвили. Она спускалась, опираясь на свою неразлучную палку. Я заметила, что она взволнована, и сдержанно спросила, не случилось ли чего.

— Мариам Гарикули что-то нездоровится. Таблетки у нее есть, но надо их запить холодной водой... Если вам не трудно, может, принесете стакан воды из родника, что у нас в саду?

— Конечно, с удовольствием! Я сейчас же побегу!

— Только без шума, Мариам такая застенчивая, — сказала она мне вслед.

Я зашла в библиотеку, попросила у Тamar Попхадзе, которая тогда заведовала библиотекой, стакан, побежала в сад, набрала холодной воды и поспешила на второй этаж.

На лестнице я чуть не столкнулась с Ираклием Абашидзе.

Батони Ираклий посмотрел на запотевший стакан и с улыбкой спросил:

— Из родника небось?

— Да, из родника.

— Дай-ка попить. Люблю воду из нашего родника.

— Пожалуйста, — сказала я и протянула ему стакан.

Но только Ираклий протянул руку, как с площадки второго этажа раздался резкий голос Анны:

— Дай девочке донести воду, этот стакан она несет для меня. Спустись в сад, разве не приятнее пить прямо из родника?

— О, простите, калбатони Анна, — извинился Ираклий. — я не знал, что это для вас. — Он низко поклонился и продолжил путь.

Я ускорила шаг, но не преодолела и трех ступенек, как мне встретился Иродион Кавжарадзе. Он обмахивал лицо платком и, увидев стакан воды, с довольным лицом сказал:

— Надеюсь, ты не откажешь мне и дашь напиться. Очень жарко, даже в горле пересохло.

И вновь сверху раздался голос калбатони Анны!

— Да что это с вами, мужчины? Что вы привязались к этому стакану воды? Жара и меня донимает, ^{415 1025 110} ^{318 2170 95} ~~позвольте ей до-~~нести этот стакан до меня!

Смущенный Иродион глянул на калбатони Анну, извинился и, опустив голову, прошел мимо меня.

Наконец я поднялась к Анне, она быстро взяла стакан и, чуть заметно прихрамывая, направилась в комнату консультантов.

Через несколько дней я снова пришла в Союз писателей. Заглянула как обычно сперва в библиотеку. Калбатони Анна и Тamar Попхадзе сидели рядом и о чем-то беседовали.

Увидев меня, Анна быстро встала, подошла ко мне и смущенно сказала:

— Как хорошо, что вы пришли. Все эти дни я очень волновалась. Кто знает, что вы подумали, когда я, почтенная женщина, в тот день из-за стакана воды так раскричалась... Ей-Богу, я вовсе не злая, но ведь Мариам действительно было нехорошо, она ждала меня и вот... Побеспокоила я вас, а наших мужчин заставила смутиться... Извините меня...

— Калбатони Анна, ради Бога, ничего страшного не произошло и не за что вам извиняться, — сказала я, искренне стараясь рассеять волнение Анны.

— Вы думаете, мне не следует извиняться перед Ираклием и Иродионом?

— Калбатони Анна! Если б в том стакане было вино, то, безусловно, оба они не отказались бы от него. Но я несла воду, к тому же для дамы, так что все в порядке, — ответила я, улыбаясь.

Калбатони Анна, чуть помедлив, утвердительно покачала головой, потом неожиданно поцеловала меня в лоб и, уже повеселев, проговорила:

— Огромное спасибо, вы успокоили меня... все же, как хорошо, что наши мужчины так уважают женщин, не правда ли?

— Да, этого у них не отнимешь...

ИОСИФ (СОСО) ГРИШАШВИЛИ

Батони Сосо Гришашвили я знала с детства. Он был другом моего отца еще со времен грузинской дворянской гимназии. Вместе с Сандро Кавсадзе, известным исполнителем

грузинских народных песен, он любил бывать у нас в гостях, читать стихи, кутить...

Поэзию Сосо Гришашвили знала и любила вся Грузия и все же самым популярным его произведением была «Литературная богема старого Тбилиси», которую блестяще читал с эстрады Васо Годзиашвили под аккомпанемент Васо Шаверзашвили (на русском языке эта книга вышла в прекрасном переводе недавно скончавшегося Нодара Тархнишвили).

Когда я стала бывать в Союзе писателей, я часто встречалась с батони Сосо. Он всегда заговаривал со мной, расспрашивал о здоровье папы, с сожалением вспоминал тогда уже покойного Сандро Кавсадзе.

Однажды, помню, это было 11 января 1957 года, я сидела в библиотеке Союза писателей, просматривая новые журналы. Вошел батони Сосо, в одной руке он держал, как всегда, книги, а в другой — синюю авоську, в которой было что-то завернутое в бумагу. Он подошел к Тамар Попхадзе и, показывая ей одну из книг, сказал:

— Смотри, Тамар, я достал книгу, правда, немножко ветхую, и обложка потертая, но это настоящее золото! Да, да! Лучшего издания Шота пока не удаивался. Пусть земля будет пухом издателю Картвелишвили, художнику Михаю Зичи и всем типографским рабочим. Эта книга — плод их титанического труда, я ведь знаю. Но зато какая книга получилась! — он осторожно завернул книгу в газету и мечтательно произнес: — Будет новое пополнение в моей библиотеке.

— Батони Сосо, у вас ведь есть это издание, зачем же вы еще потратились? — улыбнулась Тамар.

— Господи, если в золотой фонд прибавятся два слитка, разве это кому-то повредит? Наступит время, и это издание 1888 года будут искать днем с огнем, а в библиотеке Сосо их будет несколько. Это же достояние страны, и я хочу оставить их моему народу. Запомни это!

Тамар стало неловко, она поспешно кивнула головой. Батони Сосо оглядел сидящих вокруг, увидев меня, улыбнулся и направился ко мне, поздоровался и вполголоса спросил:

— Ну как, у твоего отца пока не пропала охота кутить? — затем кинул взгляд в сторону сада и с горечью сказал: — Ээ, как мы проводили время... «Симпатия», «Жизнь» и «Имерети»¹ были покорены пением твоего отца и Сандро. А потом,

¹ Названия ресторанов в Тбилиси тех времен.

когда присоединились и его сыновья, слушать их было одно удовольствие... После смерти Сандро эта нить будто разорвалась, встречаемся редко... Скажи ему, чтоб повидал меня, посидим, кутнем под шарманку. Я и тогда был горюкутила, но сидеть за столом в приятной компании любил и люблю... ведь нам есть что вспомнить...

— Передам, батано Сосо.

— А теперь, у меня просьба лично к тебе и, пожалуйста, не отказывай, — последние слова он произнес вполголоса, — поднимись к Мариджан и отдай ей эту кошелку, но не говори от кого она. Да, и сетку забери обратно, я книгу туда положу.

— Договорились, ни слова о вас и сетку принесу, — еле сдержала я улыбку.

— Я подожду тебя тут у лестницы, — батони Сосо дошел со мной до лестницы и остановился, а мне махнул рукой, мол, иди наверх.

Я поднялась на второй этаж. В комнате литконсультантов сидели Мариджан, Тамара Андгуладзе, Шалва Апхаидзе и еще несколько молодых людей. Я подошла к Мариджан и протянула ей сетку.

— Что это? — удивленно уставилась на меня Мариджан.

— Не знаю, просили передать, — лукаво улыбнулась я.

Мариджан развернула газету и, обнаружив банку маслин, с довольным лицом сказала:

— Это Сосо передал? Боже мой, и как он в суматошной Москве вспомнил, что я люблю маслины? Ну что за человек! — Она поставила банку на стол и стала любоваться ею, будто это был красивый букет.

О сетке я не успела сказать, она сама завернула ее в газету и протянула мне. Потом достала из ящика стола две книги, на одной что-то надписала, на второй надписать не успела. — ее вызывал Серги Чилая.

— Они твои, — сказала мне Мариджан и ушла.

Батони Сосо ждал меня возле лестницы и с любопытством спросил:

— Ну, что она?

— Обрадовалась. Ей было приятно ваше внимание. Да, она сказала, мол, как это он вспомнил, что я люблю маслины.

— Ээ, да разве такой уж я старик, чтоб не помнить об этом? — с юношеским задором сказал батони Сосо и, улыбаясь, сдвинул на затылок зеленую фетровую шляпу. Вдруг

он увидел книги, которые я держала в руке. — Что за книги? Ты поднялась к ней без книг...

— Их мне подарила калбатони Мариджан.

Сосо взял книги и вслух прочел надпись с посвящением мне, но увидев дату, удивленно сказал:

— Что это она написала, 1.01.1957 года, ведь сегодня 11 января.

— Ничего страшного. Главное, что книга с дарственной надписью от автора.

— Главное тут, девочка, не эта новая книга, а вторая. Шутка ли?! 1921 год издания! Глянь-ка, что написано: «Тифлис, 1921 г. Типография «Сорапани», издательство «Сорапани» Э. Гачечиладзе, цена 150 р.». Так было, девочка, такие были цены тогда... — Потом раскрыл книгу, пересмотрел стихи. Чувствовалось, что воспоминания унесли его вдаль, в те далекие годы. Затем вернул мне книгу и с любопытством спросил: — Как ты думаешь, пожертвует Мариджан одну книгу и для меня, вот это старое издание?

— Если у нее есть, думаю, обязательно подарит вам.

— Думаешь, у меня нет этой книги? Есть, но пусть будет еще одна, что в том плохого?

— Ничего, конечно. — Я-то знала, что батони Сосо страстный собиратель книг. Его библиотека была известна как хранилище редких изданий.

— Ладно, я пошел. До свидания! Передай Ачико то, что я просил.

— Обязательно.

— Да, вскоре выйдет сборник моих новых стихов, я тебе его обязательно подарю, — пообещал на прощанье батони Сосо.

К сожалению, обещания он не выполнил. Наверное, забыл, хотя после этого мы не раз встречались, а летом 1961 и 62 годов жили в одной гостинице в Боржоми. Он сильно ослаб после тяжелой болезни. Вместе с Кето Джапаридзе¹ они с утра шли в парк. Кето читала ему газеты, потом они обсуждали прочитанное, беседовали, иногда он дремал, сидя на скамье.

Однажды батони Сосо позвал меня и попросил съездить на базар за фруктами.

¹ Известная грузинская певица, исполнительница романсов, супруга И. Гришашвили.

— Батоно Сосо, мы на машине и возьмем вас обоих, и калбатони Кето сама купит фрукты.

— Вот это ответ! Когда поедем?

— Да хоть сейчас же.

— Значит, едем! Кетэван, ты ведь знаешь молодежь? Как бы у них не изменилось настроение, а не то плакала наша поездка на базар, — воскликнул Сосо.

Но калбатони Кето не разрешила ему ехать из опасения, как бы в машине ему не стало плохо.

Батони Сосо досадливо махнул рукой.

— Эх, эх, неужто кончилась пластинка Сосо Гришашвили?

Видимо, калбатони Кето стало его жалко, и она с улыбкой протянула ему руку.

— Я берегу тебя, не хочу чтобы ты переутомлялся, но если тебе так хочется, поедем вместе.

В тот день мы побывали на базаре, прокатились в сторону Ахалдаба, пообедали в придорожном ресторанчике.

Когда мы вернулись в гостиницу и Сосо бодро вышел из машины, калбатони Кето изумленно проговорила:

— Удивительно, ей-Богу, в другое время он так устает, даже по парку гулять не хочет, а сейчас...

— Сейчас, моя Кето, их жизнерадостность передалась и мне. Я славно себя чувствую, какой-то прилив энергии, да да! Это так бывает, когда ты чему-то радуешься, усталость тебя не берет... Такова жизнь... Я поэт, и надо понять...

В то лето я с батони Сосо больше не беседовала. Болезнь одолевала его, он уже не мог выходить на ежедневные прогулки.

Здесь мне хочется вспомнить одну историю, поскольку она в некоторой степени связана с И. Гришашвили.

Мой дедушка — Сосо Канделаки, в свое время был известным в Грузии охотником. Его часто приглашали на дни рождения князей, где устраивались своеобразные состязания охотников.

И вот, во время одной из таких охот, в Мегрелии, на состязании в честь дня рождения князя Чичуа, мой дедушка никому не уступил первенства, и хозяин, вместе с белой чохой, серебряными поясом и кинжалом и великолепным ружьем, преподнес победителю напечатанное в то время в кутаисской типографии Гамбашидзе миниатюрное издание произведения Акакия Церетели «Баши-Ачуки».

Книжечка издана в 1900 году, в черном кожаном переплете, размером 8 x 10 см.

Дедушка подарил книгу моему отцу, Арчилу Канделаки, когда он поступил в тбилисскую дворянскую гимназию (ныне в этом здании находится первый корпус Государственного университета), а папа подарил ее мне, когда я окончила тбилисскую 3-ю опытно-показательную среднюю школу.

Так эта историческая и уникальная книга стала нашей семейной реликвией. Интересно и то, что моя книжечка «Баши-Ачуки» имеет № 1.

От батони Сосо я узнала, что это подарочное издание напечатано в типографии Гамбашидзе в количестве пяти экземпляров и было приурочено к шестидесятилетию Акакия Церетели.

— Акакий закончил «Баши-Ачуки» в 1896 году, — сказал мне тогда батони Сосо, — и таким образом эта книжечка — одно из первых ее изданий. Одна книжечка у меня, вторая — у тебя, и очень жаль, что судьба остальных книжек не известна...

В августе 1965 года скорбящий Тбилиси проводил в последний путь своего трубадура. Его прах покоится в Пантеоне на Мтацминда.

Что же касается подаренной калбатони Мариджан книги... Я не попросила ее переправить дату в книге. Так и осталась она у меня на память о тех незабываемых встречах.

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Творчество Серго Клдиашвили я знала еще со школьной скамьи, но с ним самим познакомилась в 1968 году.

В один прекрасный день, а тогда я работала в издательстве «Сабчота Сакартвело», ко мне пришел батони Серго со своим внуком, положил на стол четыре довольно тяжелые папки и с улыбкой сказал:

— Будем знакомы, я Серго Клдиашвили.

— Очень приятно. Я знаю вас...

-- Тем лучше. Поэтому и должны быть редактором моего четырехтомника... Это моя личная просьба...

Я улыбнулась. Было лестно, что меня удостоили такой чести, но батони Серго, видимо, меня не понял и взволнованно сказал:

— Я знаю, что вы очень перегружены, и все же, прошу вас, не отказывайте мне.

— Да что вы, батона Серго, как же можно отказаться от такой чести. Я счастлива, что вы доверили мне работу над вашим четырехтомником.

— И я благодарен вам, — улыбаясь, сказал он и поцеловал мне руку.

С того дня началась наша дружба. И эта дружба не прерывалась до последнего дня его жизни.

Батони Серго часто приходил в издательство. Много я узнала от него, многому научилась. Удивляли его энциклопедические знания, доброта к людям. Он никогда никого не осуждал. Ведь он был уже в преклонном возрасте, однако не утратил живой интерес ко всему, что происходило вокруг. Когда у него плохо стало со зрением, батони Серго просил других, чтоб ему читали газеты и журналы.

Когда я однажды выразила по этому поводу свое восхищение, он процитировал слова Николоза Бараташвили: «Негоден человек живой, на труп похожий, быть среди людей и не заботиться о них!».

— Но чтоб заботиться, надо знать, что беспокоит, что необходимо твоему народу.

— Да, конечно, — согласилась я.

Издание томов, несмотря на небольшой тираж каждого — десять тысяч, — растянулось на целых десять лет. Я чувствовала, что батони Серго глубоко переживает это. Конечно, я ему сочувствовала, но, к сожалению, помочь ничем не могла.

Однажды батони Серго сказал, что талант — великий фактор для развития творчества писателя, но и писательское везение вещь немаловажная.

Как-то вернувшись после обеденного перерыва, я увидела на моем рабочем столе записку Алио Адамна¹ (эта записка и сегодня хранится в моем архиве): «Калбатона Нана, батони Серго попросил, чтобы вы обязательно позвонили ему домой. А. Адамна».

Я тотчас позвонила батони Серго, но его дочь сказала, что он еще не вернулся домой. Меня заинтересовало, что могло произойти в мое отсутствие, и я спустилась к главному редактору издательства Алио Адамна.

¹ Грузинский писатель.

Вхожу в кабинет и вижу там батони Серго.

— Входите, пожалуйста, входите, — сказал батони Серго и предложил стул.

Батони Алио глазами пытался подать мне знак, но я не поняла, что здесь происходит, и в ожидании, что мне скажут, остановилась у дверей.

— Калбатано Нана, — начал Серго Клдиашвили, — вы ласково принимаете и провожаете меня, да так, что приворожили старика, у которого сердце может вот-вот лопнуть от чрезмерного внимания. Но издание томов не двигается с места и, оказывается, по вашей вине, моя дорогая. Ну сколько это может продолжаться? И к лицу ли это вам?

Спешив, я вначале уставилась на него, а затем с возмущением сказала:

— Батони Серго, вы меня удивляете... И вы действительно думаете, что издание ваших томов зависит от меня?! Вот главный редактор, а напротив этого кабинета дверь директора издательства, с них и спрашивайте, я тут, увы, маленький человек.

Неожиданно лицо батони Серго просветлело, и он со смехом обратился к смущенному батони Алио.

— Сказал же я тебе, не позволит себе Канделаки мне солгать. Вот и постарайся, дружок, придумать ответ.

Батони Алио от души расхохотался.

— Ну и ну! Как же ты, Нана, не поняла, что начальство надо ограждать, а вину брать на себя? Можно ли так подводить начальство? Из-за тебя я проиграл ужин.

— Да, придется тебе раскошелиться, — усмехнулся батони Серго, — не сообразил написать Нане в той записке, что ей наговорить старику, вот и наказал сам себя.

Тут и я засмеялась. Батони Серго взял меня под руку и мы с ним вышли из кабинета.

На следующий день батони Алио пригласил на завтрак в ресторан «Иверия» Серго Клдиашвили, Александра Кутатели и меня. За завтраком то и дело звучали шутки, смех, мне было весело и очень приятно в этой прекрасной компании.

Батони Серго был великодушным человеком, наделенным тонким юмором, который помогал ему преодолевать многие жизненные невзгоды и лишения.

В предыдущих изданиях его книг, служивших мне оригиналом в работе, встречалось много корректурных ошибок. В таких случаях я всегда связывалась с батони Серго,

и мы вместе исправляли ошибки. Однажды, когда мы искали в рукописи нужные страницы, я промурлыкала известный романс «Отцвели уж давно хризантемы в саду...»

Батони Серго тихо сказал:

— Это мой любимый романс. Когда в Тбилиси приезжала с концертами Тамар Церетели, я посылал ей букет роз и всегда покупал билет в первом ряду. До сих пор считаю ее лучшей исполнительницей этого романса... Д-а-а, а теперь я больше люблю романс «Ямщик, не гони лошадей»... Прошла, пролетела жизнь, и действительно, куда мне спешить... А когда сюда приезжали Сергей Есенин, Володя Маяковский, какое мы проводили время! Какие были вечера, стихи читали, пели, спорили. Боже, и как неожиданно, глупо мы их потеряли... Особенно тяжело перенесли их гибель Паоло и Тициан, ведь их связывала особая дружба...

Батони Серго большую заботу проявил к памяти друга юности, безвременно скончавшего, подающего надежды критика и прозаика Сандро Цирекидзе. Радовался, что в четвертом томе помещены посвященные ему статья и несколько миниатюр. Хотел собрать и издать все, что оставил после себя Цирекидзе, переживая, что со временем все может бесследно исчезнуть. К сожалению, осуществить эту мечту помешала болезнь.

Батони Серго был очень вежливым человеком, не любил фамильярности. Никогда не говорил о своем творчестве, больше беседовал о чужих произведениях. Часто говорил, что в тот день, когда ему случалось прочитать или услышать хорошие стихи или рассказ, у него бывало хорошее настроение.

Передавая ему авторские экземпляры первого тома, я не удержалась и высказала свое восхищение от «Сванских новелл».

Он весь просиял, потом уставился в пол и вполголоса пробормотал:

— Да, это получилось... «Сванские новеллы» нравятся читателям и сейчас.

— И критикам, батоно Серго.

— Критикам я меньше доверяю, — хитро улыбнулся он, — мне хорошо известна их кухня, хотя совершенно отрицать критику тоже нельзя. Критика делает нас бдительнее. А это нужно для творчества.

— Мне нравится и ваша «Тихая обитель». У нас по пальцам можно перечесть произведения о двадцатых годах и ваш роман среди них.

— Роман «Лицом к лицу» Саши Кутатели, конечно, читали?

— Конечно, прекрасный роман. Я и говорю, что таких произведений мало.

Позднее, когда вышли последние тома, как-то у нас в комнате встретились Алио Мирцхулава и Серго Клдиашвили. Встреча была очень теплой.

Алио Мирцхулава с уважением сказал:

— Отец и сын Клдиашвили обогатили грузинскую литературу высокохудожественными произведениями, но и их воспоминания — это бесценный вклад в мемуарную литературу. На одном дыхании прочел я воспоминания Давида. Мне казалось, что добавить более нечего, но вот я прочел ваши воспоминания и понял: нет предела человеческой мысли, и, наверное, вам есть еще что сказать, что оставить будущему поколению. Я буду ждать...

— У каждого из нас есть что сказать и что написать — и у меня, и у вас. Ведь мы прожили долгую, тревожную и интересную жизнь... Только с батони Давидом мне не сравняться... — Слегка покраснел батони Серго. Он преклонялся перед своим отцом — Давидом Клдиашвили и, говоря о нем, всегда называл его батони Давидом.

С особым уважением отзывался о Нико Лордкипанидзе, Лео Киачели, Галактионе, Симоне Чиковани. Любил Бесо Жгенти. Когда тот скончался, батони Серго позвонил мне и с болью сказал:

— Такого мятежного оратора, как Бесо, у нас больше нет, и замены ему не видно... Грузинская критическая мысль и литературоведение понесли большую утрату...

Батони Серго дружил с Сашей (Александром) Кутатели и Георгием Натрошвили.

Как-то он мне сказал:

— Недавно Гоги на своей машине повез нас на природу... Хорошо было всем. Помечтали, поговорили о новых произведениях... Гоги по сравнению с нами еще молод, он еще будет писать, а мы... А так хочется написать хотя бы еще три рассказа...

— Напишите, батоно Серго.

— Напишу, конечно, а как же, — слышался в телефонной трубке его смех. — Ведь вокруг столько тем... Главное точно попасть в цель, выбрать именно свою. Время тренировок прошло...

После кончины Александра Кутатели батони Серго звонил довольно редко. В оправдание он говорил, что не хочет своим плохим настроением портить настроение собеседникам.

— Не могу вспомнить, поблагодарил ли я вас ^{за то} что вы тогда спасли жизнь Саше?

— Боже мой, да стоит ли об этом вспоминать?

— Мне передали, что даже врачи «скорой» удивились. Ведь вы сделали все, что требовалось при инфаркте. Вы этому у родителей научились, я знаю, но в тот момент, говорили, все так перепугались, что никто не рисковал войти в ту комнату, где вы уложили Сашу... Молодец, не растерялась. Саша все благословлял вас...

— Да, он несколько раз звонил после выхода из больницы. И все же болезнь победила его, жаль...

— Годы, увы... — вздохнул Серго.

Однажды, после долгого молчания, батони Серго позвонил мне и с печалью в голосе сказал:

— Прокатились на машине я и Гоги, беседа прошла в воспоминаниях... Это первый признак старости... О, как мерзка старость! Человек становится беспомощным, одиноким... А ведь все время, если ты нормальный, хочется работать, что-то делать, создавать, творить, и горе, когда беспомощность становится твоим уделом... Как я истосковался по газетам, журналам, книгам... Единственный источник информации — радио. Да будет благословен его создатель!..

Я часто напоминала ему, чтоб он работал над воспоминаниями. Батони Серго говорил, что работает, уже даже собирается их издать. Смог и успел ли он довести это дело до конца? Все то, что оставил батони Серго, дорого всем, кто любит литературу и знает ей цену.

Я счастлива, что судьба предоставила мне возможность на протяжении десяти лет работать над его книгами. И счастлива долгими годами дружбы с этим интереснейшим писателем и рафинированным интеллигентом.

БАНКА ОРЕХОВОГО ВАРЕНЬЯ

В 1949-54 годах я жила в Сухуми, где сблизилась со многими весьма уважаемыми и интересными людьми, встречи с которыми оставили глубокий след в моей памяти.

В те годы многие представители тбилисской интеллигенции приехали работать в Сухуми. Среди них был и Дмитрий Чарквиани, который читал курс физики в педагогическом ин-

ституте. Он жил по соседству, напротив летней филармонии. Несмотря на разницу в возрасте, мы довольно быстро подружилась, и часто я, мой муж и дочь гуляли с ним по набережной.

Однажды батони Дмитрий простудился и довольно долго не выходил на прогулки. Из Тбилиси к нему приехала его дочь Ляля. Батони Дмитрий сообщил об этом мне и добавил, что приглашает на чашку чая с ореховым вареньем, которое привезла Ляля. Я поблагодарила его за приглашение, однако решила не беспокоить, зная, что он еще довольно слаб.

Утром Ляля окликнула меня, возвращаясь с базара, и позвала на чай. Моя девочка была в садике, муж на работе, и я решила зайти к Чарквиани.

Мы вместе позавтракали, и когда я уже собралась домой, батони Дмитрий подал мне две баночки с ореховым вареньем.

— Одна баночка твоей дочурке, а другая для Шалвы Дадиани. Он очень обрадуется. Будь добра, отнеси ему баночку.

Я поблагодарила батони Дмитрия за внимание и пообещала, что незамедлительно выполню его просьбу. Тем более, что жил Шалва Дадиани по соседству.

Придя к батони Шалве, я поговорила с ним о том о сем и наконец передала ему подарок батони Дмитрия.

— Смотри-ка, ну что за человек наш Дмитрий, какой внимательный, а я его даже не проведал во время болезни. Как он? Лучше?

— Да, ему уже лучше, приехала дочка, смотрит за ним.

— Вот и хорошо, передавай привет и большое спасибо за варенье... Но если я тебя попрошу об одной услуге, можешь сохранить тайну?

— О чем речь, батано Шалва, разумеется.

Батони Шалва прищурил один глаз, взглянул на баночку с вареньем и сказал:

— Значит, передашь благодарность Дмитрию, а баночку с вареньем отнеси сестрам Дгебуадзе, им будет очень приятно. Скажешь, что от меня и больше ни слова.

— Это Пуце и Паусе?

— Ну да, им. Только сейчас же, чтоб они выпили чай с вареньем.

— Сейчас же отнесу, — сказала я, спрятала баночку в сумку и отправилась к калбатони Пуце.

Пришла к сестрам Дгебуадзе. Ну, они, конечно, обрадо-

вались моему приходу. Справились о Лейле Даднани, мол, почему она не навестила их. Лейла работала редактором в издательстве, где издавался роман Пуцы Дгебуадзе, и они очень сблизились.

— Я пришла по делу.

— По делу? Что случилось? — разволновались сестры, особенно Пуца. Она вечно волновалась по любому поводу, было ли это радостное или печальное известие, и все принимала близко к сердцу.

— Я принесла варенье, которое прислал вам Шалва Даднани, — поставила на стол баночку орехового варенья и отступила в сторонку.

— Господи, Боже, ну что за человек этот наш Шалва, — расплылась в улыбке калбатони Пуца.

— Он настоящий Даднани¹, и уважает дам, — гордо произнесла Пауся.

— Да, да, наш Шалва действительно рыцарски относится к дамам, — сказала Пуца, ласково провела пальцами по банке и вдруг изумленно спросила: — Да, но откуда Шалва знает, что мы любим ореховое варенье, Пауся?

— Недавно, когда мы вместе сидели за чаепитием, ты сказала, что мы угостим его твоим любимым вареньем, и вынесла к столу ореховое варенье. Шалва это запомнил и проявил внимание.

— Настоящий мужчина иначе и не поступил бы; тем более сын Нико! — сказала Пуца и внезапно спросила: — Ты, наверное, знаешь, как здоровье Дмитрия...

— Ему лучше, сегодня я его проведала. Вероятно, через пару дней он выйдет на прогулку. Да, ведь к нему дочь приехала...

— Молодец Ляля, старик теперь не будет один... В таком случае, знаешь что я тебе скажу, Пауся, давай, ореховое варенье пошлем Дмитрию. Пусть его дочь знает, что мы, его друзья, не оставляем ее отца без внимания.

— Дорогая Пуца, ты это прекрасно придумала, Нана нам не откажет и прямо сейчас отнесет Дмитрию варенье. Но об этом ничего не должен знать Шалва, а то он может обидеться.

— Откуда же он узнает, вы не скажете, и я промолчу, — еле сдерживая смех, сказала я, взяла банку и отправилась к Чарквиани.

¹ Даднани — владетельные князья Мегрелии.

Когда я поставила на стол знакомую им баночку, отец и дочь изменились в лице, дескать, Шалва пренебрег нашим гостинцем?

Видя, как они разволновались, я посчитала, что им нужно рассказать правду.

Слышали бы вы, как они хохотали! И тут же решили пригласить назавтра на обед Шалву Даднани, сестер Дгебуадзе и меня — в честь выздоровления батони Дмитрия.

Обед прошел весело. Тамадой был батони Шалва, известный своим красноречием, и в завершение обеда, когда Ляля накрыла чай и подала знакомую всем банку, гости при молкли. И тут батони Дмитрий, сдобрив историю изрядной порцией юмора, рассказал о моих приключениях.

Все смеялись до слез. Шалва хохотал больше всех, взял банку, выложил ее содержимое в вазу, пошел на кухню, собственноручно сполоснул баночку водой, доверху наполнил «одессой»¹ и произнес великолепный тост о дружбе, любви и уважении. Банка пошла по кругу, словно рог, а затем Шалва осушил ее.

ТОТ ДАЛЕКИЙ ДЕКАБРЬСКИЙ ДЕНЬ...

26 декабря 1988 года в секции критики Союза писателей Грузии проводилось обсуждение книги Вахтанга Джавахадзе «Неизвестный», посвященной жизни и творчеству Галактиона. Книга вызвала живой интерес и литературных кругов и общественности. Я тоже приняла участие в обсуждении, ибо тот декабрьский вечер напомнил мне далекий декабрьский день...

Я с большим удовольствием прочитала книгу Вахтанга Джавахадзе, но она породила в моей душе чувство неизбывной тоски и боли.

В те дни я все время думала о Галактионе...

Правда, я не была знакома с ним лично, но часто встречала в издательстве, в Союзе писателей, слышала его голос, видела живого Галактиона, и это было огромным счастьем.

У него была удивительно добрая улыбка, почти детская, глаза — искрящиеся, но в то же время печальные. Скромный, тактичный, его называли большим ребенком, но надо сказать, что в его простоте чувствовалось — это необыкновенный человек, от него исходила огромная внутренняя сила.

¹ Сорт виноградного вина.

Судьба не была благосклонна к нему. Неудачи преследовали его всю жизнь. Да, его признавали великим поэтом, им восхищались, его любили, перед ним преклонялись, но были среди его собратьев по перу и такие, которые преграждали ему путь к славе, завидовали, язвили ему, причиняли душевную боль. Не потому ли гениальный поэт сам ушел из жизни, тем самым открыв себе дорогу к бессмертию. Это случилось 17 марта 1959 года...

Я рада, что автор книги «Неизвестный» сам поэт.

Чтобы проникнуть в душу поэта, коснуться ее нежных струн, автор сам должен ощутить и пережить и возвышение и падение, что само по себе является уделом творческого человека. Такое чувство, вероятно, должно быть и у прозаика, а как же иначе могут быть написаны романы, новеллы, рожден сюжет, но все-таки душа поэта нежнее, тоньше. Этим я вовсе не умаляю труд прозаика, мир его мыслей, переживаний. Константинэ Гамсахурдиа сравнил труд романиста с трудом каторжника, и это действительно так: Успеху книги В. Джавахадзе способствовало и то, что он лично знал великого поэта, встречался и беседовал с ним.

Однако вернусь к тому, что случилось в тот далекий декабрьский день...

В 1957 году вышел первый сборник моих рассказов «Красная гвоздика», редактором которого был известный грузинский писатель Акакий Белиашвили. Я волновалась, что никак не могла подарить ему мою первую книгу с благодарственной надписью. И вот, 7 декабря я наконец дозвонилась до него, договорилась о встрече в библиотеке Союза писателей.

К назначенному времени я пошла в Союз, зашла в библиотеку и принялась ждать появления батони Акакия. Неожиданно я услышала веселый смех Белиашвили. Я выглянула в окно и увидела в саду у фонтанчика беседующих Галактиона и батони Акакия.

Белиашвили, словно замороженный, смотрел и слушал Галактиона, будто не видел его много лет. А тот что-то увлеченно рассказывал, и оба от души смеялись. Галактион несколько раз пытался усадить Акакия на лавочку, а тот ни в какую. Затем Галактион взял его под руку и так они разгуливали по тропинкам сада. Было очень холодно, при каждом слове у обоих изо рта вырывался пар, но расставаться они явно не собирались. Чувствовалось, оба рады встрече и бе-

седа доставляет им удовольствие. Возможно, они вспоминали давно минувшие дни, проведенные в юности в Кутаиси...

Я поняла, что беседа затянется надолго, и попросила калбатони Тamar Попхадзе передать батони Акакию, что я его не дождалась и вернулась домой.

После обеда позвонил батони Акакий.

— Прости меня, я ничего не мог поделать с собой. Когда вижу Галактиона, обо всем забываю. Возьми дочурку, и приходите ко мне в гости, сейчас же, я жду вас.

Было около шести часов вечера, мы взяли такси и поехали на улицу Гогешашвили, где жил батони Акакий.

Дверь открыла калбатони Тина, супруга писателя, позвала мужа, дескать, пришли гости и пригласила нас в кабинет.

Когда я положила на стол батони Акакию книгу, он сразу же раскрыл ее, прочел надпись и с улыбкой поблагодарил меня.

— Благословляю тебя, будь счастлива на этом пути!

— Батони Акакий... — изумленно смотрела я на него.

— Так, это так, разве все вспоминают редактора, когда выходит книга?

Тогда меня очень удивила обида, проскользнувшая в словах батони Акакия, и лишь позднее, работая редактором в издательстве «Самшобло», я убедилась в справедливости его слов.

— Батони Акакий, вы сегодня в саду такими глазами смотрели на Галактиона, словно перед вами был идол... С таким интересом слушали его... — осторожно начала я.

— Галактион не только великий поэт, он титан поэзии. Кроме того, — прекратный человек, хотя и несчастливый, с разоренным гнездом... С юности я преклоняюсь перед этой личностью. Я присутствовал на том вечере, где Галактион прочитал нам «Луна Мтацминды», и представь себе, когда он пламенно прочел строки:

...Пусть я умру — но только бы запелось!

Ценою жизни спеть — вот это смелость!

Под шелест крыл и синих парусов

Моей мечты — я умереть готов.

Преображенья сладостная жуть —

Единственный необратимый путь.

Ночь тишиной заполнена до края.

Царь и поэт, я с песней умираю,

О тени вечные! А лиру вам

Я отдаю... В предание векам...

Она войдет, светясь средь длинных трав,
Еще луною быть не перестав.

Никого: ни меня, тогда юношу, начинающего писателя, ни более старших и опытных людей не удивили эти слова. Притихшие, с горящими глазами, мы смотрели на Галактиона. На мгновенье воцарилась тишина. Затем раздался взрыв аплодисментов, восторженные возгласы.

Да, в тот вечер мы все единодушно признали Галактиона королем поэзии.

С тех пор я преклоняюсь перед ним, и наша дружба, зародившаяся тогда, несмотря на разницу в возрасте, длится столько лет, и никогда между нами не было даже тени непонимания. Сейчас эта разница стерлась, мы вроде бы как ровесники. Каждая встреча с Галактионом для меня праздник. Я считаю его гением, это такая вершина, что никто не сможет стать с ним вровень, поверь мне!

— Батоно Акакий, есть ли у вас записи впечатлений о том вечере?

— А как же! Я имею обыкновение записывать то, что считаю достойным внимания. Советую и вам взять это за правило. Порой время затуманивает память и что-то очень важное для истории бесследно пропадает...

Несколько минут мы молчали, а потом совершенно неожиданно я так расхрабрилась, что не стесняясь спросила:

— Батоно Акакий, вы так уважаете и почитаете Галактиона, но почему, когда некоторые принижают его, чуть не насмеются над ним за глаза, вы равнодушно взираете на это? Считаете его королем поэзии, а не присудили королю ни одной премии, тогда как у некоторых вся грудь в орденах и медалях, они окружены почетом, вниманием... Извините меня, но...

Батони Акакий, конечно же, не ожидал такого обвинения. Он вскочил с места и в сердцах бросил мне в лицо:

— Дерзкая ты девчонка!

Я поняла, что обидела его столь резким упреком и, извиняясь, проговорила:

— Простите меня, но я не могла не сказать вам этого, меня возмущает такое отношение к Галактиону... — я встала, взяла дочку за руку и пошла к двери.

— Ты меня рассердила, возможно, именно тем, что сказала... правду, — с горечью заговорил батони Акакий. — Но что я могу? Стараюсь не принимать близко к сердцу, только

и всего... но он-то... он так переживает... у него другая душа, очень ранимая. Лишенный семейного тепла, сочувствия коллег, он как сирота. Одно меня утешает — справедливость возторжествует! Придет какой-нибудь достойный человек, ознакомит с его поэзией весь свет, и если я до этого не доживу, доживешь ты. Поэзия Галактиона будет греметь повсюду! А сейчас его вроде и восхваляют и тут же затирают. Одиночки, как я, помочь ему не в силах...⁶

Батони Акакий подошел к столу, достал из ящичка книгу, надписал ее и вручил моей дочери.

— Это моя новая книга — «Сила любви», пусть она останется тебе на память об этом вечере.

Когда хоронили Галактиона, в море людей, которые провожали его, я не заметила батони Акакия. Но была уверена, что неожиданный и трагический уход Галактиона из жизни явился тяжелым ударом для него.

А через два года он и сам трагически погиб вместе с супругой в автокатастрофе на мцхетской дороге...

Если бы я знала, что Вахтанг Джавахадзе пишет книгу о Галактионе, я непременно посоветовала бы ему ознакомиться с записями батони Акакия.

Вероятно, они обогатили бы книгу Вахтанга новыми штрихами, неизвестными эпизодами, хотя бы таким, как чтение в Кутаиси «Луны Мтацминды», когда слушатели единодушно признали Галактиона королем поэзии.

Этот титул навсегда остался за ним.

РЕЗО ИНАНИШВИЛИ

В наши тревожные дни, когда нет конца печальным заботам, мы почти не следим за бегом времени. Разруха, гибель соотечественников сделала людей угрюмыми, желчными и равнодушными. Это страшно. Доброта, здравый смысл должны победить зло.

Прошел всего год, как умер Резо Инанишвили — талантливый писатель, наш товарищ. Его хоронили в те декабрьские дни 1991 года, когда в Тбилиси шла настоящая война, и многие даже не смогли проводить Резо в последний путь...

Я познакомилась с ним в издательстве «Саблитгами» («Детюниздат»), ныне «Накадули». Нас познакомил Вахтанг Бецукели.

Это было в 1951 году.

В то время там готовился к печати сборник произведений

молодых писателей — поэтов и прозаиков, под названием «Алиспери хелсахвеви» («Алый галстук»).

Из прозаиков, произведения которых были включены в тот сборник, двое — Резо Инанишвили и Резо Джапаридзе — позже стали лауреатами премии имени Шота Руставели. Остальные тоже заняли прочное место в современной литературе — Тенгиз Гоголадзе, Ростом Бежанишвили, Элизбар Майсурадзе, Ваню Урджумелашвили...

В тот день я пришла в издательство прочесть корректуру. Рассказ был невелик, и быстро закончив дело, я попрощалась с Вахтангом Бецукели, но он попросил меня остаться, дескать, скоро придут ребята, которые хотят с тобой познакомиться.

Действительно, вскоре пришли Резо Инанишвили, Ваню Урджумелашвили и Ростом Бежанишвили.

Бецукели представил им меня.

Пожав мне руку, Резо внимательно посмотрел на меня и, улыбаясь, сказал:

— С такими голубыми глазами вы должны были быть поэтом...

Ребята заулыбались, а Вахтанг заметил:

— Разве нельзя, чтобы прозаик был голубоглазым?

— Отчего же, — улыбнулся Резо, потупив голову, — я и сам голубоглазый, а стал прозаиком... Но она все-таки похожа на поэта! — повторил он.

Все рассмеялись.

Уже много лет спустя, когда в Союзе писателей обсуждали книгу Резо «Вечерние заметки», которая и сегодня представляется мне лучшей его книгой, выступила и я. Конечно же, я похвалила его рассказы, а по поводу художественного оформления книги высказала замечания, считая, что эту книгу следовало бы оформить несколько иначе и лучше.

Встретившись на второй день со мной в издательстве, он сказал:

— Думаешь, я доволен оформлением книги? Но я сам выбрал художника, и не решился сказать ему что-либо. Бывает и так, ничего не поделаешь. Но мне понравилась твоя оценка — безвкусно оформлено. Хорошее слово. Где ты его слышала?

— В моей деревне, в Кавтисхеви.

— Понятно... Как меня приглашал в Кавтисхеви Георгий Шатберашвили! Все никак не собрался, а потом он скончался...

— Это так, никогда не откладывай дел на завтра... Да!

Но, Резо, почему ты сам не оформляешь свои книги? Ведь ты прекрасно рисуешь...

— Прямо уж, прекрасно, — вспыхнул румянец на щеках Резо, — кусок хлеба не хочется отнимать у художников... Каждый должен делать свое дело.

— Ты прав, — согласилась я.

Нас с Резо не связывала большая дружба. Но мы всегда были рады встрече.

Здесь хочется вспомнить одну из них...

Весной 1987 года мы встретились в библиотеке Союза писателей. Тогда он работал секретарем Союза писателей и был тяжело болен. Улыбка не играла более на его лице, он был печален, погружен в свои мысли.

— Почему не спрашиваешь, как я себя чувствую? Разве я так плохо выгляжу? — неожиданно проговорил он.

В тот день он действительно выглядел плохо, и у меня сердце сжалось от его слов. Я не знала, что ему сказать. Но вдруг взяла себя в руки и даже с упреком сказала ему:

— Что за мысли приходят тебе в голову? Не спросила именно потому, что сегодня ты выглядишь прекрасно, — мне стало неловко за свои слова, так как это была явная ложь.

Резо посмотрел на меня и недоверчиво улыбнулся.

— Дай Бог, чтобы тебе всегда было бы хорошо... Спасибо... Мне неприятно встречаться со знакомыми... Уставятся такими глазами, будто все, больше меня не увидят... А ты говоришь...

— С тех пор, когда я видела тебя в последний раз, дело, вероятно, пошло на поправку... Да нечего всех слушать, главное самому быть бодрее, оптимистичнее и не терять надежду...

Резо долго смотрел на меня и, неожиданно улыбнувшись, сказал:

— Ты должна была стать врачом,

— Как видишь, я и не поэт и не врач, — засмеялась я, радуясь, что разговор перешел в приятное русло.

— Ты помнишь, что я сказал во время нашей первой встречи?.. Чего скрывать, велика сила доброго слова... Другим нет, а тебе я поверил. Спасибо... — он поцеловал мне руку и ушел.

Спустя несколько дней, ранним утром, он позвонил мне:

— Приходи сегодня в Союз, прошу тебя.

Я пообещала, что буду непременно. Мы встретились в

библиотеке. Резо уже ждал меня. Он глазами указал, чтобы я присела рядом с ним.

— Какая сила, оказывается, у твоих слов. Будто только сейчас глаза у меня раскрылись. Я поверил, что мне стало лучше, даже работаю. А может, мне и правда лучше?

— Ты меня очень обрадовал, тебе действительно лучше. — моей радости не было предела. Когда я уверяла Резо, что ему стало лучше, я вспомнила слова моих родителей: врач, говорили они, должен лечить больного не только лекарствами, но и словом, которое иногда бывает эффективнее многих лекарств.

Так оно и оказалось.

Вдруг Резо встал, достал из кармана голубую ручку и протянул ее мне.

— Это тебе от меня, в знак благодарности... — затем попросил у Додо Чикваидзе¹ листок бумаги, сел за стол и нарисовал крутой утес у моря и парящую над морем чайку. Надписал — «Нане, Р. Инанишвили, 29.IV.87 г.», — протянул мне и сказал: — И это тоже от меня.

Той ручкой я так и не написала ни слова, но всегда ношу с собой, а рисунок храню, как дорогую реликвию.

Больше мы не беседовали, к тому же он ушел из Союза и начал работать главным редактором детского журнала «Ди-ла».

А в декабре 1991 года Резо не стало...

К сожалению, я оказалась одной из тех, кто не смог проводить Резо в последний путь из-за тех драматических декабрьских дней...

Недавно мне пришлось быть в районе Дидубе. Молодая женщина на улице продавала полевые цветы. Я вспомнила Резо, купила три букетика и зашла в Пантеон, подошла к его могиле, положила на нее цветы и ушла.

Домой шла пешком. По дороге вспомнила всех, кого мы потеряли за последние годы, писателей, деятелей искусств. И лишь та мысль, что все они (или почти все!) были вместе в священной земле дидубийского Пантеона, несколько утешила меня. Да, снова вместе!

И я подумала, что и мы, живые, должны быть вместе, разъединяться нам никак нельзя, нельзя!

¹ Заведующая библиотекой СП.

Рэмон ДЮГЕ

Москва и страстотерпство Грузии

ГЛАВА V

В ТИФЛИСЕ СТАНОВИТСЯ ИЗВЕСТНО, ЧТО БОЛЬШЕВИКИ ГОТОВЯТСЯ КО ВТОРИЧНОМУ ВТОРЖЕНИЮ В ГРУЗИЮ

В то время, как между правительством Грузии и большевиками шли переговоры, Антанта решила оставить Батуми. 7 июля в город вошла грузинская армия.

Грузины оказались лицом к лицу с большевиками, вернее, в окружении большевиков. Большевики уже захватили и Армению, теми же методами, что и Азербайджан. Теперь отовсюду Грузия под угрозой нападения красных, кроме юга, где проходит грузино-турецкая граница и малая полоса Черного моря¹.

* Продолжение. Начало см. в № 7, 9—10.

¹ 8 августа 1920 года г-н Жан Мартэн писал из Бакуриани в «Женевскую газету»: «По моему глубокому убеждению, большевики играют с Грузией, как кот с мышью. Выжидают, чтобы разжевать и растерзать ее. Они знают, что Грузия будет в их распоряжении, как только они этого захотят. Они воспользуются ее богатствами, как только покончат с Азербайджаном. И если так, то чего же они медлят? Просто знают о мужестве грузинских воинов и не хотят иметь одновременно многих врагов».

В октябре грузинскому правительству становится известно, что большевики спешно готовятся к захвату их родины.

В этот период положение большевиков довольно неплохое: след за Деникиным повержен и Врангель, урегулированы взаимоотношения с Польшей.

С июля началось скопление большевиков в Азербайджане. В то же время идут продолжительные переговоры, которые завершатся известным августовским договором о дружбе и сотрудничестве.

К сожалению, в Тифлисе не обратили должного внимания на явные признаки подготовки к нападению.

В ноябре обстановка резко накаляется. Грузинское правительство получает достоверную информацию о нависшей угрозе. Сомнений на этот счет больше не остается. Намерения врага совершенно очевидны. В Тифлисе узнали, что командующему Красной Армией в Азербайджане, некоему Геккеру, по происхождению немцу, выходцу одной из балтийских стран, московское правительство поручило составить докладную с возможной оккупации Грузии.

Копией этой докладной грузинское правительство располагало уже в декабре. Геккер докладывал, что для оккупации Грузии ему требуется всего шесть недель.

Думается, нужно привести характерные отрывки из этой докладной, которая предназначалась председателю революционного совета XI армии:

«Как я уже докладывал, на собрании военно-революционного совета XI армии 3 декабря сего (1920) года обсуждалось, что проведение военных операций против Грузии возможно лишь в том случае, если армия Киазим Карабекира (кемалисты) будет сохранять определенный дружественный нейтралитет, поскольку даже в том случае, если, помимо XI армии, к операции будут подключены полностью IX армия и кавалерия II армии, наше командование все же не будет иметь достаточных сил для создания заслона от турок».

«Согласно сведениям нашего ведомства, вооруженные силы Киазим Карабекира на линии Саракамыш-Александрополь достигают количества 22—24 000 воинов регулярной армии и 14—16 000 курдских и татарских кавалеристов. Принимаем во внимание и плохое состояние армянской армии, которая пребывает в глубоком кризисе и требует коренной реорганизации. Для удержания турок нам необходимо выставить силы, которые должны представлять не менее одной пехотной дивизии и одной кавалерийской бригады».

«Даже в этом случае наша операция по направлению Ка-зах—Красный мост и далее к Тифлису будет проходить с существенными препятствиями. В случае серьезного сопротивления грузинских частей наша армия может попасть в катастрофическое положение. Таким образом, я не вижу возможности для создания подобного заслона. Более того, я не осмелюсь в начале операции вывести войска, которые заняты в Ленкорани, Дагестане, Джавушире и Карабахе».

«В таких условиях, по моему глубокому убеждению, в чем я вас письменно уведомляю, без нашего предварительного соглашения с Турцией было бы опасно начинать военные операции против Грузии».

«В случае, если военно-революционный совет XI армии получит гарантии того, что армия Киазим Карабекира будет настроена к нам дружественно, проблема оккупации Грузии, и в первую очередь Тифлиса, значительно упростится».

«Для проведения гарантированной операции против Грузии я считаю нужным концентрирование в трех направлениях следующих сил: на линии Казах—Красный мост—две пехотные и кавалерийские дивизии. В сторону Пойло — одна пехотная и две кавалерийские дивизии. На линии Акстафа—Елизаветополь—две пехотные дивизии. Всего шесть пехотных дивизий и пять кавалерийских; в целом 25 000 штыков и 4 000 сабель. Помимо этого, в направлении Пойло мы должны иметь три бронепоезда. В сочинском направлении, для сдерживания грузинских войск, мы должны оставить одну пехотную дивизию, а во Владикавказе поставить заслон из передвижных частей товарища Икс».

«...все эти предложения вовсе не значат, что нападение на Грузию невозможно. Но мне думается, что все должно произойти после тщательнейшей подготовки, для того чтобы в наикратчайшие сроки расправиться с тифлисцами».

«И если политические события вынуждают нас перейти в наступление, в таком случае мы должны быть готовы к тому, что война с Грузией примет затяжной характер».

«Я глубоко уверен, что мы можем беспрепятственно оккупировать всю территорию Грузии до Сурамского хребта, но затем мои войска столкнутся с большими препятствиями. В связи с этим, я считаю нужным предупредить, что мы должны повременить с наступлением на Грузию, пока не будут выполнены следующие условия:

1. Концентрация седьмой пехотной дивизии и кавалерии

второй армии в районе Баку—Булах—Нуха—Елизаветополь—Казах.

2. На Баку—Елизаветопольской линии обеспечить передвижение товарно-продовольственных поездов, которые будут снабжать армию необходимыми продуктами на протяжении декабря—января.

3. Соглашение с турецким командованием.

В случае выполнения этих условий и стойкости войсковых соединений я глубоко убежден, что кампания против Грузии может быть проведена в шесть недель...»

Лицемерие красных станет очевидным, если вспомним, что ориентировочно в тот же период, когда Геккер готовил свою докладную, Чичерин отправил лорду Керзону ноту, в которой отмечал мирные намерения советского правительства по отношению к Грузии. По поводу этого вопроса лондонская газета «Дейли Геральд» от 3 декабря 1920 года опубликовала следующее:

«Чичерин, в связи с батумским вопросом, прислал ноту лорду Керзону. В ноте выражен протест по поводу того, что якобы независимости Грузии угрожает опасность со стороны России. Это не соответствует действительности. Единственная опасность — Антанта...

...Советская Россия не предпринимала и впредь не предпримет каких-либо вражеских действий против Грузии».

* * *

Итак, в Грузии знают, что нападения следует ожидать.

На азербайджанскую и армянскую границы незамедлительно направляются для наблюдения войсковые части. Ведь опасность грозила со стороны этих двух стран, в которых хозяйничали большевики.

Но опасность настолько близка и неизбежна, что необходима более серьезная и срочная подготовка.

Ноябрь 1920 года, месяц призыва новобранцев. Логичнее немедленно призвать на военную службу молодежь, чтобы они смогли в случае нападения защищать каждую пядь родной земли. Нужно обучить как можно больше солдат.

Грузинское правительство принимает иное решение. Не следует забывать, что оно состоит из социал-демократов и не разбирается в военном деле. К моменту мобилизации была острая нехватка обмундирования. Поначалу не удавалась одновременная мобилизация новобранцев и резервистов. Нужно бы-

ло делать выбор: либо призвать молодежь, либо — резервистов.

Хотя опасность была реальной (правда, они пока не располагали докладной Геккера), грузинское правительство все же надеялось, что нападение не будет осуществлено так скоро. Большевики же стремились как можно скорее захватить Грузию, хотя и им нужно было многое для победы. На переброску необходимых вспомогательных сил ушло бы несколько недель из-за труднопроходимых дорог. За это время можно было бы успеть проинструктировать молодых солдат. Это дало бы солдатам возможность эффективнее защищать родную территорию. Между тем, раздобыли бы и необходимую форму. Нашлась бы возможность для их регулярного призыва.

Но, по-видимому, грузинское правительство исходило только из реальных возможностей. Разумеется, оно желало как можно лучше и скорее обеспечить защиту страны, судьба которой была в его руках. И правительство приняло решение: сначала призвать резервистов, а спустя некоторое время — новобранцев.

Это было роковой ошибкой. Большею ошибки правительство допустить не могло.

Между тем, большевики не тратили времени попусту. Они открыли в Тифлисе русское советское посольство в составе около трехсот человек. Это число значительно превышало штатное количество сотрудников, определенное для посольства в Тифлисе.

Русское посольство, возглавляемое неким Шейманом, было большим коммунистическим гнездом. Посольство ведет широкую коммунистическую пропаганду, налаживает связи, собирает сведения для запланированного вторжения. Наиболее активен советский военный атташе. Этот пост занимает бывший генерал царской армии — Ситин. В 1917 году он командовал красными в кампании против Деникина. Тогда Ситин потерпел поражение. Можно предполагать, что он гораздо успешнее действует в роли шефа шпионов и информаторов, нежели командующего армией.

Случилось так, что в феврале 1921 года на месте преступления за шпионаж были задержаны двое подчиненных Ситина — Иванов и Гокк. Их судил военный трибунал. При подходе большевиков к Тифлису обоих расстреляли.

Когда угрюмые тучи, предвещавшие бурю, нависли над горизонтом, в Париже, в результате огромных усилий и настойчивой просьбы грузинского посольства, Грузию как независимое государство признала де-юре международная конференция¹.

К сожалению, это признание было эфемерным. Вскоре Красная Армия, подобно лавине, обрушится на Грузию. В альянс с Россией вступят и кемалисты. За этим последует героическая, самоотверженная борьба в защиту отчизны. Но тщетно. Красные победят. Начнутся реквизиции, грабежи, экономический распад, обнищание, массовые аресты, расстрелы без суда и следствия и удушение всяческой свободы.

Люди проникаются искренним сочувствием, узнав об этой драме грузин. Невозможно не преклоняться перед героями, самоотверженно сопротивлявшимися врагу, не поражаться тому единодушию, которое царило в те черные для Грузии дни.

Прежде чем коснуться событий военного характера той примечательной кампании, мне думается, нужно рассказать о том, как готовилась эта малочисленная нация к сопротивлению красным ордам.

Как я уже отмечал, грузинские вооруженные силы составляли национальная гвардия (23 батальона), регулярная армия (12 батальонов, количество которых в период мобилизации возросло до 36 батальонов). Каждый батальон состоял из 600 солдат. В случае полной мобилизации общее количество составило бы 35 400 человек.

Из-за промахов в плане мобилизации, на призыв в армию, обмундирование призывников, оснащение их оружием понадобилось 15—20 дней, несколько дней ушло на формирование подразделений.

К 35 400 воинам должны прибавиться артиллерия, инженерные части, кавалерия, союзники, арьергард. Всего от 50 000 до 55 000 человек.

В действительности, на защиту отчизны было призвано 148 000 грузин (т. е. все мужчины в возрасте от 20 до 38 лет включительно).

¹ Независимость Республики Грузия де-юре признали следующие государства — Англия, Франция, Италия, Бельгия, Япония, Аргентина, Германия, Польша, Австрия, Румыния, Люксембург, Мексика, Гаити, Либерия и Россия.

Грузия бы смогла вести более эффективную борьбу, если бы организация войска прошла в мирное время. К войне бы она подготовилась более последовательно и основательно. Теперь же Грузия не имела возможности призвать в армию более 55 000 человек.

Этим и руководствовался командующий XI Красной Армией Геккер. Он оккупировал Грузию с востока и с юга, т. е. со стороны Азербайджана и Армении. Как уже было сказано, в докладной он просил у Москвы для проведения военной операции минимум 30 000 бойцов. IX Красная Армия должна была вторгнуться в Грузию через кавказские ущелья и Черноморское побережье.

Геккер руководствовался сведениями советского посольства. Он точно рассчитал, что хотя бы одна треть грузинских вооруженных сил будет переброшена в горы и на побережье. Так что на долю Геккера оставалось не более 20—22 000 грузин. И то лишь в том случае, если бы в Грузии была проведена всеобщая мобилизация.

* * *

Как правило, мобилизация—последний акт подготовки к войне. Концентрация вооруженных сил страны при мобилизации протекает по предварительно установленным директивам, и уже потом начинаются военные операции.

Мобилизация в Грузии началась в ноябре 1920 года. Вооруженные силы были направлены на основные пункты юго-восточной границы: Воронцовский район — 3 000 человек (национальная гвардия), Садахло — 5 000 (регулярная армия), Красный мост — 5 000 (национальная гвардия), Пойлинский мост — 1 500—2 000 (национальная гвардия), Лагодехи — 1 000—1 500 бойцов (национальная гвардия и регулярная армия).

Докладная Геккера была известна грузинскому правительству. В ней ясно отражались военные намерения большевиков, но несмотря на это, значительная часть мобилизованных была распущена по домам.

Как уже было сказано, первый контингент резервистов должен был быть призван в ноябре 1920 года, но это осуществилось лишь в январе 1921 года. Война же началась в ночь с 11 на 12 февраля. К этому моменту резервисты были совершенно не подготовлены к войне.

Часть грузинских вооруженных сил размещалась вдоль границ и первые удары неприятеля непосредственно принимала

на себя. Другая часть располагалась в гарнизонах. Некоторые гарнизоны находились от железной дороги на расстоянии 5—6 и даже 10 дней ходу. Даже одной этой детали достаточно для того, чтобы представить, с какими трудностями сталкивалось грузинское высшее командование в деле обороны страны.

Обратите внимание на следующий факт: первый укрепленный пункт Тифлисского гарнизона (два пехотных батальона) был отдален от важных стратегических приграничных пунктов на значительное расстояние: до Воронцовки — 220 км (пешком), до Садахло — 100 км (по железной дороге и пешком), до Красного моста — 70 км (пешком), до Пойлинского моста — 90 км (по железной дороге и пешком), до Лагодехи — 160 км (по железной дороге и пешком).

Таким образом, части грузинской армии были разрознены. Становилось невозможным использовать призывников хотя бы 1920 года. И это происходило тогда, когда Грузии нужно было применить все средства, задействовать максимум живой силы против большевистских орд.

ГЛАВА VI

БОЛЬШЕВИКИ НАРУШАЮТ ДОГОВОР И ВТОРИЧНО ЗАХВАТЫВАЮТ ГРУЗИЮ

Высшее красное командование в Азербайджане готовится к нападению на Грузию. К тому времени грузинская армия размещена на границе Армении и Азербайджана, в пяти пунктах. Вторжение ожидается с этих сторон, и поэтому со стороны Армении армия стоит в районах Воронцовки и Садахло; со стороны Азербайджана — в районах Красного моста, Пойлинского моста и Лагодехи.

Между захваченной красной Россией Арменией и Грузией существует спорная территория. До захвата Армении обсуждение вопроса по поводу спорной территории было прерогативой правительств Грузии и Армении. Эта нейтральная территория не вызывала никаких вооруженных столкновений. Между размещенными на границе грузинской армией и красными частями сложились мирные отношения.

Таким было положение до тех пор, пока отряды XI Красной Армии без всякой причины и предупреждения внезапно не

вторглись в Грузию в ночь на 12 февраля 1921 года. За ними последовали и другие части Красной Армии под командованием генерала Геккера. Захватив важные стратегические пункты и пользуясь ночной тьмой, они вероломно нападают на грузинскую армию, размещенную в Садахло и Воронцовке. Разрозненные части грузинской армии, которым удалось оторваться от врага, объединились и встретили врага, пытаясь удержать натиск.

Срочно высланный из Тифлиса на помощь батальон переходит в энергичную контратаку под Садахло, но уже не может остановить продвижение неприятеля. Тифлис шлет на помощь еще один батальон, затем еще триста бойцов, которые сражаются самоотверженно, но силы неравны.

Подмоги ждать больше неоткуда. 14 февраля отдан приказ частям, расположенным в районе Красного моста, оказать помощь войскам в Садахло. Бои на Красном мосту пока не начинались, но такой важный стратегический пункт остается незащищенным.

К сожалению, эти небольшие отряды, посланные на подмогу, с самого же начала были обречены на поражение. Когда последняя группа из 5 000—6 000 бойцов, возглавляемая генералом Джиджихадзе, пришла на подмогу к Красному мосту, было, увы, поздно. Грузины были вынуждены отказаться от защиты этой приграничной полосы... Они направились в сторону реки Храми и укрепились на противоположном берегу.

Река Храми же протекает в 30 км от Тифлиса.

Около Красного моста остался всего один пехотный батальон национальной гвардии. Дружественным расположением большевики усыпили бдительность грузин. Молниеносно напав на грузин со стороны Азербайджана, они вынудили их отступить на запад, несмотря на ожесточенное сопротивление.

Враг обнаружил укрепленное левое крыло грузинской армии на берегу реки Храми, напротив Садахло. 16 февраля неприятель ударил с тыла, завязалась неравная борьба и грузины потерпели поражение. Эту часть Грузии захватывает враг.

• • •

Москва же, верная своей лживой пропаганде, во всеуслышание заявляет, что при нападении на грузинскую армию в районе Воронцовки и Садахло красноармейцам помогали армянские отряды. Красноармейцы действовали по просьбе мест-

ного как грузинского, так и армянского населения. Население желает равенства. Красная Армия помогала местному населению в борьбе против грузинской армии.

Последующие события показали всю ложность этого заявления. Как только стало известно о внезапном нападении с тыла, грузины никому не дали усомниться в своих патриотических чувствах. Они единодушно сплотились против врага, всеми силами стараясь предотвратить вторжение красных на свою родину. Недавно один американец, участвовавший в американской миссии помощи Армении и несколько раз посетивший Грузию, в беседе со мной вспоминал те дни и часы, столь трагичные для Грузии, и вместе с тем столь героические; вспоминал, с каким энтузиазмом защищали грузины свое отечество; вспоминал народ, заполнивший вокзалы, забрасывавший цветами своих бойцов, повсюду собиравший продовольствие для армии.

Приведу еще один пример лицемерия красных: после неожиданного нападения грузинское правительство категорически потребовало у Москвы разъяснений. Незамедлительно последовал циничный и поразительный ответ: оказывается, Москва не только ничего не знала, но даже не была в курсе дел. По мнению Москвы, на границе произошел незначительный инцидент.

Разумеется, красные давно запланировали это нападение. И разве не красные потребовали во время переговоров, в подтверждение мирных намерений Грузии и взаимного доверия, объявить Пойлинский мост, который, к тому же, нельзя было заминировать, нейтральной зоной. Грузинское правительство, которое не сомневалось в доброжелательности Москвы, беспрекословно согласилось на это необычное условие. И что же за этим последовало? Защитникам Пойлинского моста пришлось отступить перед мощным натиском противника и соединиться с частями, которые отступали к Тифлису...

* * *

Вечером 16 февраля части грузинской армии, избежавшие столкновения с противником, собрались в Сандаре. Путь от Красного моста к Тифлису свободен для большевиков. Об этом тревожном факте в тот же день стало известно в Тифлисе.

Генерал Одишелидзе был смещен с должности. Командование вновь возложено на генерала Квинитадзе, который после отставки оставался не у дел. Пожалуй, в летопись войны дол-

жен войти как редкий случай следующий факт: смещенного генерала Одишелидзе, не справившегося с функциями главнокомандующего, председатель правительства Жордания назначил на должность военного советника при правительстве, которую придумали специально для Одишелидзе.

Как и в 1920 году, не существовало никакого оборонного плана Грузии. Увидев такое положение дел, новый главнокомандующий обратился к правительству с вопросом: сопротивление закончится в Тифлисе или борьба будет продолжена до конца? Правительство приняло решение: бороться до последней капли крови, защищать каждую пядь родной земли.

В Тифлис были немедленно вызваны все резервные части. Два полка были отправлены в направлении Гагра на Черноморское побережье. Нескольким отрядам предписывалась защита кавказских ущелий. Наспех созданные, еще не укомплектованные полки срочно стягивались в Тифлис для его защиты. И защищали его самоотверженно с первого же дня до последнего.

Бои в Тифлисе начались 16 февраля. К тому времени в городе было всего 400 бойцов Тифлисского регулярного гарнизона.

В действительности, Тифлис был незащищенным. В этом малочисленном гарнизоне были бойцы, отступившие под натиском красных. Что и говорить, гарнизон был настолько деморализован и беспомощен, что не смог бы после поражения на реке Храми оказать какое-либо серьезное сопротивление противнику.

В ночь с 18 на 19 февраля большевики начали атаку со стороны Соганлуги. На рассвете же они заняли поселок Коджори. Коджори расположен на возвышении вблизи от города и представляет собой важный стратегический пункт.

Напомню, что подобному триумфальному шествию большевиков способствовали различные обстоятельства.

17 февраля большевики атаковали Пойлинский мост, охраняемый двумя батальонами национальной гвардии. Как уже говорилось, на основании московских переговоров мост был объявлен нейтральной зоной. Было достигнуто соглашение о незаминировании моста.

Но чему быть, того не миновать: внезапная атака красных не дала грузинам возможности взорвать мост. Им удалось взорвать лишь опорные столбы, да и то только те, что находи-

лись на грузинской стороне. Противник скоро восстановил поврежденную часть моста. Стянул сюда мощную военную силу и технику: три бронепоезда и три танка. Грузинская армия отступила в направлении Тифлиса.

Отступили и части, стоящие на границе в Лагодехи. Большевистская армия была многочисленной и грузины не смогли удержать ее натиска.

17--18 февраля в Тифлисе наконец сформировался центр сопротивления. В него вошли воинские части, которые удалось кое-как набрать.

На правом берегу реки Куры была следующая ситуация:

500 солдат укрепились в Коджори, военная школа и один батальон 9-го полка, приблизительно 1000 штыков, стояли в Табахмела (склон Коджорской горы в направлении Соганлуги), а три с половиной батальона, приблизительно 1700 штыков, защищали соганлугские холмы до Куры.

От левого берега Куры большевики находились на расстоянии каких-то 50 км.

В Тифлисе сформировалось семь или восемь батальонов национальной гвардии из числа солдат, уцелевших после разгрома на реке Храми.

18 февраля, вечером, отряд, посланный на разведку, на расстоянии 15 км от Тифлиса не обнаружил никаких следов пребывания большевиков. Но отступающую от Воронцовки к Тифлису грузинскую армию большевики атаковали и разогнали. Хотя многим из солдат все же удалось достичь мест дислокации своих частей.

19 февраля, в 3 часа ночи, в Соганлуги большевики приблизились к грузинскому форпосту и перешли в атаку по всей линии. Бой продолжался до рассвета. Несмотря на значительный перевес, к утру большевики с позором отступили, оставив победителям 1000 пленных.

К сожалению, тем же утром красные заняли Коджорскую гору (1524 м), находящуюся в окрестностях Тифлиса. Отсюда весь город как на ладони, и большевики в любую минуту могли двинуться к нему, благо находится он в 4—5 км. Тем самым они с флангов обойдут грузинские отряды, все еще обороняющие Соганлуги и Табахмелу.

Коджорское поражение, конечно же, сводило на нет соганлугскую победу грузин. Для того, чтобы выправить положение, необходимо было принять срочные меры.

Высшее командование Грузии решает совершить немыс-

лимое: предпринимает попытку выбить противника из Коджори. Но коджорские склоны настолько круты и неприступны, что, кажется, контратака обречена на провал.

Нет в наличии новых отрядов и резервов, а перегруппировка имеющихся сил займет достаточно много времени — 8—10 часов. Освобождение же Коджори должно быть предпринято безотлагательно!

И в это время происходит нечто потрясающее, еще раз подтверждающее величие грузинского воинского духа.

Князь Андроникашвили командует небольшим отрядом в Табахмела, в местечке неподалеку от Коджори. Отряд состоит из курсантов военной школы. Андроникашвили разбивает отряд в 30 человек на две группы и поручает командование одной из них капитану Тоидзе. Эти курсанты и три батареи легкой артиллерии идут в атаку. Подобно капле воды, пытающейся удержать целый поток, пытаются удержать юноши обрушившуюся на их родину лавину красных.

Происходит невероятное. Князь Андроникашвили не зря возлагал надежды на этих мальчиков, и они его не подвели. Самоотверженным курсантам удалось занять коджорские холмы, и уже оттуда они не отступили ни на шаг. Большевистские орды, атаковавшие нескончаемым потоком, уничтожались всего тремя искусно установленными батареями.

Капитан Тоидзе погиб в самом же начале боя. Был убит и его единственный лейтенант. Коджорские холмы орошаются кровью самоотверженных и негибаемых юношей военной школы. Среди оставшихся в живых почти все ранены. Бой без передышки продолжается до глубокой ночи.

Наконец на подмогу подошло пять батальонов.

На рассвете второго дня бойцы ползком продвигались вперед, цепляясь за отвесные коджорские скалы (в некоторых местах пологость 45°). Героизм юношей принес свои плоды: Коджори взят. На поле брани враг оставил 200 человек убитыми, 4 пушки, 18 пулеметов.

ГЛАВА VII

ГРУЗИЮ ЗАХВАТИЛИ ВАРВАРЫ

Вокруг Тифлиса днем и ночью продолжают ожесточенные бои. Они закончились в ночь с 24 на 25 февраля.

Незабываемая защита Тифлиса, как и вся эта война, полна эпизодов, которые полностью выявляют героические и пат-

риотические чувства грузин, их самоотверженность и благородство. Я приведу еще несколько примеров, которые дадут нам возможность глубже проникнуть в природу грузинской души.

В одной табахмельской траншее укрылись сорок солдат под предводительством капитана Кипиани. Внезапно траншею атаковали красные. Численное преимущество на стороне противника, но грузины не сдаются, надеясь, что подоспеет помощь, но напрасно. Грузины погибают один за другим. Остается всего пятеро едва державшихся за ногах солдат и их капитан. Большевики осаждают траншею. Пятеро оставшихся в живых убеждают, что бой проигран. Капитан оказался в некотором отдалении от своих бойцов, он не собирается убежать или сдаваться врагу живым. Капитан подносит к груди револьвер и стреляет четыре раза подряд. Но, о чудо! Смерть не берет капитана, он все еще жив. Собравшись с последними силами, капитан пытается хотя бы после пятого выстрела покончить с собой, но внезапно кто-то выхватывает у него из рук револьвер. Это курсанты пришли на помощь своему командиру, обратили в бегство неприятеля и очистили траншею.

После этого боя курсанты военной школы завоевали такую славу, что буквально вся Грузия называет их «героями Табахмелы»...

Ночью офицер с двумя бойцами направлялись к своей траншее, но сбились с пути и напоролась на большевистский отряд. Уверенные в скорой своей гибели, они с криками «ура!» врезались в ряды неприятеля. И произошло еще одно чудо: враг сложил оружие! И сдался в плен троим...

Среди героев, отбивших Коджорскую гору, была и батарея капитана Алекси-Месхишвили. Капитан вдруг обнаружил, что в тыл к ним заходит около 50 большевиков, «За мной!» — раздалась команда Алекси-Месхишвили, и в мгновение ока рядом с ним очутились его бойцы с обнаженными саблями. С криком «ура!» маленький отряд ринулся на врага. На помощь им поспешили курсанты. Красные не выдержали стремительного натиска грузин и сдались в плен...

Около Тифлиса неприятель отвоевал траншею у курсантов военной школы. Другой отряд курсантов вновь отбил траншею, где они обнаружили смертельно раненного Шалву Эристави. До последней минуты он не расставался с оружием, даже умирая, он продолжал руководить боем.

Отступая, грузинская армия оставила и Кутаиси (об этом позднее). Вскоре выяснилось, что на кутаисском железнодорожном вокзале было забыто несколько вагонов, нагруженных

обмундированием. Для грузин было делом чести ничего не оставлять врагу. Командир арьергарда Андроникашвили от- правил за вагонами бронепоезд.

Кутаиси буквально кишел красными. По приказу офице- ра грузинской национальной гвардии Гогуадзе бронепоезд на полном ходу ворвался на станцию. Бойцы прицепили забытые вагоны к бронепоезду, прихватили с собой в плен около 20 кра- сных казаков и так же стремительно покинули город.

После установления большевистского режима в Грузии этот герой (Гогуадзе) возглавлял партизанское движение. Почти год он скрывался в горах и не складывал оружия. Впослед- ствии был схвачен и расстрелян большевиками¹.

* * *

Борьба продолжается. Можно привести множество эпизо- дов, подобных уже рассказанным мною. Но высшее грузинское командование понимает: несмотря на стойкость и мужество грузин, силы неравны. 24 февраля было принято решение от- ступить.

Действительно, оборонять Тифлис было уже невозможно. Возникла угроза окружения грузинской армии. Это происхо- дит тогда, когда грузинская армия насчитывает 9 600 штыков, а враг имеет 5 пехотных дивизий и две кавалерийские, т. е. 30 000 бойцов, а по бакинской железной дороге подходят все новые и новые силы.

Грузинские воинские части из-за своей малочисленности сражаются дено и ночью, так как заменить их нечем. Они вынуждены оставить позиции, где сравнительно спокойно, и броситься в места ожесточенных боев. Все то время, пока Тифлис был осажден, в городе не прекращалось автомобиль- ное движение, переездили бойцы в окрестности Коджори, Та бахмела и Соганлуги, с правого берега Куры — на левый. Машины двигались слаженно и организованно, что дало воз- можность командованию довольно долго удерживать город.

Но сколько можно простоять благодаря самоотверженно- сти, возвышенным и благородным порывам против врага, чис- ленно во много раз превосходящего твои силы и получающе- го все новые и новые резервы?

Грузины вынуждены были только обороняться. Ввиду своей

¹ В. Гогуадзе был арестован перед восстанием 1924 года и расстрелян с другими лидерами восстания. (перев.)

малочисленности, они были не в силах прорвать кольцо окружения. Численность неприятеля вокруг Тифлиса увеличивалась с каждым часом. К 16 часам 24 февраля настал критический момент: большевиками была захвачена железнодорожная станция Авчала. Тифлис почти в кольце. Остается единственная автомобильная дорога (Военная дорога) по правому берегу Куры в сторону Мцхета. Большевики находятся в 3—4 км от нее. Все надежды удержать город окончательно рассеялись, но бои все же продолжаются. Сражения идут на окраинах, на обоих берегах Куры. Вместе с тем на запад отправляется продовольствие, вооружение, обмундирование и т. д., словом, все, что еще можно спасти.

К 22 часам отбиты все атаки большевиков. Впервые после начала сражения вокруг города устанавливается тишина. Боевые действия прекращаются с обеих сторон, замолкают орудия.

Эта передышка была даром судьбы для грузинской армии, по крайней мере, ей представилась возможность с честью отступить.

И правда, в 12 часов ночи отступление стало возможным. Большевики затаились. Эвакуации из Тифлиса ничто не мешает. Ранним утром 25 февраля воинские части покидают город. Отступление планомерно проводится по обоим берегам Куры. Около села Авчала левой колонне приходится штыками прокладывать себе дорогу. Красные, взявшие станцию Авчала, заняли и село Авчала, расположенное в 10 верстах от столицы.

Правительство и Учредительное собрание до последней минуты не покидают город. Они уходят вместе с арьергардом.

Весь день 25-го февраля грузинская армия дисциплинированно отступает. Она подходит к Мцхета и располагается там на ночлег. Затем входит в Гори и оставляет его только после ожесточенных боев. В Гори большевики нанесли грузинам удар с тыла.

Отступление продолжалось методически. 1 марта армия подходит к Хашури. В результате двухдневных ожесточенных боев атаки большевиков отбиты. Победа осталась за грузинами. Но их измотала пассивная роль, навязанная им обстоятельствами, и они переходят в контратаку.

На открытом, как на ладони, заснеженном поле неистовствует ветер. Люди по колени утопают в снегу. Нигде не видно ни кустика, чтобы как-то укрыться, о дереве не может быть и речи. Люди, измотанные недельными сражениями, перехо-

дят в наступление. Враг же численно превышает их и занимает более выгодные стратегические позиции.

Любовь к родине вдохнула в грузинских воинов новые силы. Несмотря на тяжелейшие условия они побеждают. Победа красива и потрясающая. К исходу дня грузины завладели правым крылом красных, ошарашенные большевики отступили, их главарей охватила паника.

Но эта великолепная победа не получила логического продолжения. Национальная гвардия, которая стойко сражалась и внесла немалую лепту в общую победу, оказалась ночью на крайнем левом фланге грузинской армии.

Грузинская национальная гвардия имела те же недостатки, что и, пожалуй, все национальные гвардии. Она была лишена качеств, присущих регулярной армии, а именно: ей не хватало практики ведения ночного боя, не хватало дисциплины, которая так необходима для стойкости и маневренности армии. Словом, если гвардия днем мужественно сражалась, ночью была весьма слабой и неорганизованной.

Разумеется, если бы у командования была бы возможность, то ночью гвардию сменяли бы регулярные части. Но, к несчастью, сказалось отсутствие резервов. Поэтому командованию приходилось использовать гвардию и в ночных условиях.

Обращенный в бегство противник не подавал никаких признаков жизни. И, казалось, победа была окончательной. Трудно предугадать, что последовало бы за этой победой, не прими участия в том сражении национальная гвардия.

Неожиданно неопишуемая паника охватила часть гвардии, и это в то время, когда в стане врага царила абсолютная тишина. Со всех сторон неслись крики — «Тревога!», «Спасайся, кто может!».

Излишне подчеркивать, что происходит в такой ситуации, особенно в ночное время, в недисциплинированной и необученной армии. Жертвой паники оказалась вся грузинская гвардия. Она поспешно оставила поле сражения и проявила такую прыть, что наутро оказалась в 18 км от района боевых действий.

Большевики, обнаружив совершенно свободный левый фланг, вновь воспряли духом. К тому времени подоспела и подмога, из России шли эшелоны с войсками.

Грузинскому командованию, в который уже раз, оставалось одно: отдать приказ об отступлении.

К этому времени ситуация для грузин чрезвычайно осложнилась. С Северного Кавказа по черноморскому побережью в Грузию вторгается IX Красная Армия под командованием Левандовского. Лавина ее нарастает. IX армия рвется к Кутаиси и Самтредиа. Грузинским войскам грозит полное уничтожение.

Хотя армия оказывает мужественное сопротивление, но все же вынуждена отступить. Она закрепляется на самтредских взгорьях, сдерживая натиск красных. Затем переправляется через реку Риони и взрывает единственный мост.

Риони выходит из берегов и стоит на пути большевиков непреодолимым препятствием. Они вынуждены пойти в дальний обход, потеряв при этом уйму времени. Но и грузинам не хватило времени привести все в порядок, отдохнуть и подготовиться к новым сражениям. Перед ними стояла важная задача — защитить свой последний оплот — Батуми. Эту крепость воздвигли русские в пору своего господства над Грузией.

Возникла новая беда, которая еще более осложнила и без того тревожную обстановку. Отношение Турции к происходящим в Грузии событиям вызывало серьезную тревогу.

С началом войны с Россией грузинское правительство немедленно приступило к переговорам с Турцией. Турки скрыли от грузин то обстоятельство, что были союзниками большевиков. Напротив, они обещали свою поддержку грузинам. Но вскоре после этого обещания турецкая армия не преминула занять Артвин. Она потребовала этого ценою сохранения нейтралитета... Затем ввела свои войска в Батуми под предлогом помощи Грузии, хотя красные были еще достаточно далеко.

Когда 13 марта главнокомандующий грузинской армией прибыл в Батуми с целью укрепления города, его удивлению не было границ: в Батуми обосновалась турецкая армия.

Подлинные намерения турецкого правительства не вызвали сомнения. Грузинское командование незамедлительно направило в Батуми 9 батальонов. Грузинские вооруженные силы разместились так, что в случае необходимости они смогли бы оказать действительное сопротивление туркам. Турки же заняли не только Батуми, но направили свои войска и в Ахалцихском направлении.

16 марта турецкое правительство сорвало маску. Представитель Турции Киазим-бей передал грузинскому правительству ноту: он объявлял себя губернатором Батуми, что означало новую вспышку войны с Турцией.

В ночь с 17 на 18 марта грузинское правительство поднимается на борт итальянского парохода «Кирали», убедившись в окончательном поражении в войне. Стало быть, начинается новая война, с новым врагом, в то время как война с большевиками еще не окончена.

Поскольку грузинское правительство сочло независимость Грузии окончательно утерянной, дальнейшая борьба с красными была абсурдной. Правительство, прежде чем покинуть пределы родины, приступило к переговорам с большевиками. Красные согласились на переговоры с условием: открыть путь Красной Армии к Батуми. Грузины вынуждены были согласиться. Демократическая Грузия реально признала свое поражение.

18-го красные войска достигли Батуми по железной дороге. В городе шли ожесточенные бои между грузинами и турками. Большевики не вступили в сражение, предпочтя роль наблюдателя.

19-го марта турки были выбиты со всех укреплений.

К тому времени грузинское правительство было вдали от родных берегов. Перед отходом с красными не заключалось никаких договоров.

Тяжелая военная кампания, продолжительное, хорошо организованное и четко выполняемое отступление еще раз выявили патриотизм, несгибаемое мужество и ратные качества грузин. Это стало очевидным даже для тех, кто не знал Грузию.

Грузинская армия сражалась с численно превосходящим ее противником (средняя пропорция — один к пяти). Начиная с Тифлиса, они действовали методично. И каждый день проводили в сражениях. Я отметил лишь некоторые из тех сражений.

В тяжелейших условиях и при скверной погоде эти воистину героические люди до последнего момента сохранили выдержку и мужество. Они использовали все средства и возможности для задержания врага. Отступали лишь в том случае, когда противник численно намного превосходил их. Грузины не оставляли противнику ни одного вагона, ни одного паровоза.

В Батуми эти стойкие защитники родной земли вписа-

ли еще одну блестящую страницу в историю Грузии. Показали такую ратную доблесть, примеры которой в истории военного искусства не столь уж часты.

Хотя это и было отступлением, но зато с отчаянными боями за каждую пядь родной земли. На протяжении пяти недель в снег и стужу сражалась грузинская армия. Она организовано проделала путь в 250 км. И несмотря на то, что видела приближение конца независимости Грузии, сохранила моральные силы и энергию. Грузинской армии приходилось вступать в сражение все с новыми и новыми силами противника. Измотанной грузинской армии пришлось принять также бои с турками, считающимися одними из самых мужественных воинов в мире. При этом турки потерпели такое позорное поражение, что обратились в бегство.

Эта победа может удивить только тех, кто не знает природу грузин. ореол славы вокруг этой победы еще раз показал нам истинное лицо армии, той армии, которая была совсем молодой и делала свои первые шаги.

Батумская победа оказалась поучительной для нас. Она ясно показала, что освободившись от московского ярма и восстановив свою армию, Грузия станет передовым стражем западной цивилизации в том регионе, который на протяжении веков разорялся и потоплялся в крови.

Итак, 18—19 марта 1921 года — скорбная дата в истории Грузии. В те дни ее независимости был положен конец. Отныне в Грузии начинается красная эра.

Продолжение следует

Перевод с французского
Мзии БАКРАДЗЕ и Ирины ЗУРАБАШВИЛИ

Арсен ЕРЕМЯН

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФИШЕРА

«Меня зовут Роберт Джеймс Фишер. Пижоны и друзья называют меня также Бобби. Я — профессионал. Я играю в шахматы. Это серьезное дело. Ничего другого делать я не умею, но что я умею, делаю как полагается. Я родился под знаком Рыбы. Я — крупнейшая рыба, проглатывающая гроссмейстеров, это занятие как раз по мне. Деньги я люблю... Я мог бы играть с любым пижоном на ставку — доллар или два, но я хочу стать чемпионом мира».

Так в середине 60-х годов представлялся газетчикам один из величайших шахматистов, четко формулируя цель и средства, в выборе которых не всегда был особенно разборчив. Считаться с собой за шахматной доской он заставил рано. В 16 лет чемпион США — участник турнира претендентов в Югославии, который принес триумф Михаилу Талю и большое разочарование ему самому. Фишер тогда проиграл будущему шахматному королю все четыре матчевые партии, хотя в последней был близок к победе. Много гроссмейстеров толпились у подножия Олимпа. Они оттеснили юного вундеркинда, который, разочаровавшись после неудач, несколько раз выходил из большой игры. Но недаром за Фишером еще в молодости замечали, помимо огромного шахматного дарования, поистине божьего дара, еще и бескомпромиссность и честолюбие, перед которыми расступаются любые преграды.

Вспоминается начало 1971 года, когда Макс Эйве, только вступивший в равно почетные и трудные обязанности президента Международной шахматной федерации, приехал в Москву. На встрече в Центральном Доме журналиста знаменитый голландец на вопрос, кого он считает самым выдающим-

* От редакции: в № 7 с. г. в статье А. Еремяна «Догоняющий себя» на стр. 224, 1 строка сверху следует читать: «В 1965 году...» и далее по тексту.

ся из чемпионов мира (а на вечере присутствовали четыре шахматных короля разных лет — Ботвинник, Смыслов, Петросян и Спасский), не задумываясь, назвал Фишера, повергнув в смущение хозяев. Американец к тому времени был лишь претендентом на корону, но уже через год в Рейкьявике она упала ему прямо в руки. Победив Спасского, одиннадцатый в истории шахмат чемпион мира исчез со спортивной арены непобежденный. Ушел, обиженный на ФИДЕ, на весь белый свет, хотя ряд его требований накануне матча с Карповым был удовлетворен. И поплатился за это дисквалификацией, лишившей его главного — фанатично любимых шахмат.

«Не будет ли это подлинным событием века, если все мы вновь сможем удивляться и восхищаться гением Бобби Фишера?» — спрашивал гроссмейстер Лотар Шмидт, главный арбитр матча на первенство мира в Рейкьявике.

И вот 49-летний нелюдимый гений, выйдя из добровольного заточения, двадцать лет спустя вновь заставил заговорить о себе. На острове Свети Стефан в Адриатическом море 2 сентября нынешнего года начался сенсационный матч Фишера со Спасским, поддерживающим с ним дружеские отношения. Похоже, что югославскому мультимиллионеру Ездимиру Василевичу, вложившему в матч около десяти миллионов долларов, удалось сделать то, что многие годы пытался сделать всесильный президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес — вернуть Фишера шахматам. Нравится всем или нет — это факт.

«Нью-Йорк таймс» писала: «Подумайте о Боснии, оккупированной формированиями, которые пользуются поддержкой Сербии. Теперь подумайте о шахматном гении Роберте Фишере, который в нарушение санкции ООН и самого приличия играет в Сербии ради денег матч против своего главного соперника Бориса Спасского».

Фишер не был бы Фишером, если бы его остановило мнение даже такой авторитетной газеты. Перед открытием матча, на пресс-конференции он демонстративно плюнул на бумагу из госдепартамента США, запрещающую ему играть. «Политика не вправе опекать шахматное искусство», — мог бы сказать Фишер, вспомнив давний поступок своего соотечественника — американского писателя Уильяма Сарояна, отказавшегося от престижной Пулитцеровской премии со словами: «Коммерция не вправе опекать искусство».

Теперь Фишеру не оставалось ничего другого, как выигрывать, приурочив победу к национальному празднику 500-летия открытия Америки Колумбом.

Говоря о сенсационном характере этого соревнования, я имею в виду прежде всего сам факт возвращения к практической игре американского гроссмейстера, о котором два десятилетия лет просачивались в прессу скудные сведения, а теперь каждый вечер миллионы людей во всем мире могли видеть его на экранах своих телевизоров. Необыкновенной популярности Фишера способствовали не только его выдающиеся победы, среди которых завоевание титула сильнейшего шахматиста мира, присуждение шахматного «Оскара» в 1970—1972 годах, множество первых призов самых престижных турниров, но и нездоровый интерес пишущей братии к судьбе этого вундеркинда. С годами писателями и журналистами создавался стереотип шахматного монстра с горящими глазами, убийцы за шахматной доской наподобие Мирко Чентовича, героя известной новеллы Стефана Цвейга. Между тем, Фишер человек исключительно вежливый и корректный в общении за шахматной доской.

Я вспоминаю рассказ тбилисского гроссмейстера Эдуарда Гуфельда, который в 1982 году вместе с чемпионкой мира Майей Чибурданидзе играл в югославском городе Винковци, на мемориале трагически погибшего Пустонича. 14 лет назад здесь с блеском выступил Фишер, завоевав первый приз. Как-то в свободный от игры день шахматисты из Грузии воспользовались приглашением инженера Анжелко Билаича и посетили его. Инженер близко знаком с Фишером, но рассказать о нем поначалу отказался, не имея на то согласия американского чемпиона. Однако после того, как Гуфельд заметил, что многие подробности из жизни выдающихся людей остались неизвестными, если бы все придерживались обета молчания, Анжелко с ним согласился и рассказал, что как-то привез Фишера к своему приятелю, малолетний сын которого увлекался шахматами. Когда взрослые встали из-за стола, мальчик попросил Фишера сыграть с ним в шахматы. Американец смутился: в те годы мало кто из взрослых отваживался бросить ему вызов. Билаич рассказал, что по дороге домой Фишер был непривычно молчалив, а потом, уступая расспросам, признался, что думал о том, правильно ли поступил, выиграв у ребенка все шесть партий. Он даже испугался, что проигрыш с «сухим счетом» может отбить у мальчика интерес к шахматам. И Фишер, отказавшись от мысли подарить ребенку ничью, все же выиграл эту партию, не дав ему усомниться в искренности взрослых.

Удивительная история. В ней Фишер предстает в совсем

нном свете. К слову сказать, Гуфельд был одним из первых, кто рассказал правду о великом американце. Мы с ним как-то одновременно пришли к выводу: будущие поколения должны иметь правдивое представление об одиннадцатом чемпионе мира, а для этого надо по крупицам собирать все связанное с ним. Может быть, именно потому в Сиэтле, куда Чибурданидзе и Гуфельда пригласили для популяризации Игр доброй воли, американцы их спрашивали: «Как там Фишер?». Хозяйка интересовалась правдой. Получалось, что Фишера защищают от американцев. А ведь оба летели за океан в надежде встретиться с шахматистом-затворником. Фишера они видели, но другого — Джимми Фишера, сотрудника оргкомитета Игр доброй воли. Каждый раз, когда Джимми звонил и говорил, что у телефона Фишер, по признанию Гуфельда, он невольно вздрагивал: а вдруг?.. Ведь Пассадена рядом с Лос-Анджелесом...

Мы с ним так и назвали главу в новой книге о Майе Чибурданидзе — «Мы ищем Фишера».

Лишены серьезных оснований попытки подозревать американца в чрезмерной алчности. Позвольте, могут мне возразить, а как объяснить, что Фишер едва не сорвал матч на первенство мира со Спасским, требуя удвоить сумму призового фонда? Согласитесь, что по нынешним меркам (призовой фонд матча в Югославии составлял 5,5 млн. долларов) 125 тысяч долларов — сумма довольно мизерная на фоне гонораров «звезд» бокса, баскетбола и тенниса. Требуя увеличить приз, Фишер преследовал одну цель — поднять значимость матча, а значит и шахмат. Малоизвестен факт, что Фишер после победы в Рейкьявике отказался от 10 миллионов долларов за право использовать его имя в рекламном деле.

А как быть с утверждением, что Фишер ушел из шахмат из боязни возможного проигрыша? Обвинение серьезное. Его разделяет, в частности, такой авторитет, как Михаил Ботвинник. И все же хочется напомнить, что за 16 лет блистательной карьеры Фишер сыграл в различных соревнованиях 576 партий и набрал 421 очко или 73 процента. Этот результат позволяет признать его одним из самых выдающихся шахматистов всех времен. Необычайно высокий рейтинг, достигнутый американским гроссмейстером, смог превзойти только Каспаров, да и то недавно. Так что Фишер выигрывать всегда умел, рассматривая шахматы как искусство и являя собой образец шахматиста-универсала, отстаивающего принципы классической школы.

Весной 1966 года перед началом первого матча на пер-

венство мира между Петросяном и Спасским на страницах «Недели» состоялся их словесный поединок, своеобразный турнир, вроде разминки капитанов в телевизионном КВН. Отвечая на вопрос, какой район какого города нравится ему более всего, тогдашний чемпион мира Петросян, попросив не посчитать за нескромность, назвал Большие бульвары Парижа в летний вечер. Сердцу Спасского тогда были дороги старые районы нынешнего Санкт-Петербурга. Сейчас привязанности Спасского изменились, и он вполне мог бы ответить по-петросяновски. Уже проиграв матч Фишеру, Спасский познакомился в Москве с француженкой русского происхождения Мариной Щербачевой, дед которой был участником Цусимы, а родители бежали в эмиграцию от коммунистического рая, который обещали большевики... Так Спасский женился в третий раз и стал французским гроссмейстером. Обращало внимание совпадение в 1966 году точек зрения обоих интервьюируемых в определении современного зарубежного гроссмейстера номер один — и Петросян и Спасский называли Фишера.

Много упреков пришлось выслушать Спасскому после Рейкьявика, хотя проиграть Фишеру не зазор. Власть держащие гневались. Союзный министр внутренних дел Щелоков высказался тогда предельно откровенно: «Как же вы отдали корону американцу? Я бы всех, кто там был со Спасским в Рейкьявике, арестовал». И арестовал бы, если б разрешили. Выходит, повезло всем, кто на матче не был. Но и тем, и другим приходила в голову крамольная мысль: а почему Спасский не отказался от матча после неявки Фишера на открытие, жеребьевку, первую и вторую партии? Он остался джентльменом, согласившись и с требованием американца играть третью партию в закрытом помещении, без зрителей. Чемпион мира ее проиграл, а следом за ней — пятую, шестую, восьмую и десятую партии. Судьба матча определилась, и можно было собирать чемоданы.

Спасский остался, чтобы спасти матч, хотя это была не его игра. Остался не ради долларов, которые из сейфов английского банкира-мецената Слейтера должны были перейти в его карманы, и вовсе не для того, чтобы убедиться, как это Фишеру во время игры удается поддерживать радиосвязь с американскими кораблями, якобы имеющими на борту ЭВМ, нашпигованные шахматной программой. Побудила его остаться любовь к шахматам.

Вспомним, как лихорадило Спасского в том многострадальном матче. В Москве хватались за головы, готовили дип-

ломатические и недипломатические ходы. Считалось, что уступив Фишеру во всех его требованиях, Спасский проиграл шахматную корону еще до начала матча. И речь шла не только о разборе шахматного кресла, привезенного американцем в Исландию, которое действительно разобрали, обнаружив пустоту и пару дохлых мух. Фишер тогда нервничал, выдвигая новые требования, подчас срывая свое настроение на случайных людях. Во время игры он потребовал от судьи вывести из зала семилетнюю девочку за то, что она, сидя в первом ряду, лакомилась монпансье. «Но я только четыре конфетки съела!» — заплакала девочка. «Не четыре, а шесть, маленькая лгунья!» — хладнокровно парировал Фишер, оторвав взгляд от шахматной доски. — Ты думаешь, я не считал?».

Таков он в жизни и за шахматами, непредсказуемый Фишер, который в Черногории заявил, что готов признать Спасского чемпионом мира в случае победы в матче. Эта откровенность, конечно, не привела в восторг Каспарова, но свидетельствовала о серьезности намерений обоих участников.

Возвращение Фишера в большие шахматы вызывает надежду у поклонников этой древней игры. Не вдаваясь в подробности мотивов поведения затворника Пассады, а совсем недавно Франконской Швейцарии и Германии, можно с уверенностью сказать: уход Фишера лишил шахматы многих шедевров. Теперь, задумавшись над позицией, при пущенных новых шахматных часах, которые он изобрел и запатентовал, Фишер должен доказать, что все еще способен блистать. А может быть, он просто намерен играть в свое удовольствие, награждая себя за долгий шахматный пост.

Уже первая партия показала, что Фишер с годами сохранил не только отменное здоровье, но и былую шахматную силу. Удивил не результат — Фишер давно приучил к своим победам, но само качество его игры. Как отмечают специалисты, американец времени зря не терял и играть стал сильнее. Успех этот на Манхэттене расценили как триумфальный. Но так считали не все. Каспаров в беседе с корреспондентом Франс Пресс нелестно отозвался о качестве игры в югославском матче. Возможно, чемпион мира просто возвращает долг Фишеру, который, как писали репортеры «Штерна», комментируя игру русских в шахматы, объявил Каспарова слепым, за считанные секунды опровергая варианты чемпиона мира. Время покажет, кому следует подумать о визите к врачу-офтальмологу.

Московское телевидение в воскресном спортивном уик-энде познакомило зрителей с мнением Алексея Суэтина, кото-

рый высказался в том роде, что Фишер, дескать, не тот. Конечно, 65-летний обозреватель газеты «Правда» может предположить, что 49-летний Фишер с возрастом утратил шахматную силу, но, как говорил в таких случаях Таль, сам американец так не считает. А Спасский — он тот или не тот? Обвинить сразу двух чемпионов мира в том, что они разучились играть в шахматы, Суэтин, понятно, не захотел. В подобных случаях цирковые борцы в начале века прибегали к «гамбургскому счету», когда, сбросив маски, выходили на ковер и в открытом поединке доказывали свою правоту и истинную силу. Но вряд ли Фишер захочет играть матч с Суэтиным.

На первой еженедельной пресс-конференции, предусмотренной регламентом матча, Спасский выразил удовлетворение возвращением Фишера к активной шахматной игре: «С его уходом мы потеряли истинного короля шахмат. А теперь и ко мне вернулось желание играть». Спасский откровенно продемонстрировал это свое желание, нанеся сопернику два сокрушительных нокаутирующих удара, от которых тот, казалось, долго не придет в себя. Проиграв четвертую и пятую партии, Фишер был близок к поражению и в шестой. Во всяком случае, только на седьмом часу игры он смог облегченно вздохнуть, убедив соперника в коварстве ладейных окончаний, которые, как учит один из самых популярных (и неверных!) шахматных афоризмов, все ничейные. Эта ничья, добытая американцем в поте лица, прибавила ему уверенности и основательно испортила настроение Спасскому, который проиграл седьмую и восьмую партии. Счет в матче скакал, как стрелка барометра перед бурей: теперь лидировал Фишер, недавние поражения которого готовы были объяснить двадцатилетним таймаутом непобежденного чемпиона.

А как тогда объяснить новые его победы? Светистефанское соревнование Фишер на пресс-конференции с журналистами потребовал называть чемпионатом мира-92 и «матчем-реваншем XX века». Себя он продолжает считать чемпионом мира, а Спасского — претендентом. И так требует их представлять в прессе. Непокорным журналистам он пригрозил ни много ни мало лишением аккредитации на матче. Не знаю, как насчет столетия, но матчем-реваншем одной недели он стал. Так, в ходе пресс-конференции, Фишер на вопрос, каким он видит Спасского спустя двадцать лет после их встречи в Рейкьявике, обронил загадочную фразу: «Удивлен, но Борис с тех пор почти не изменился». Как это изволите понимать? Как комплимент шахматной силе соперника или скрытую издевку?

На другой пресс-конференции, в Хельсинки, Гарри Каспаров заявил, что готов играть матч с Фишером, не уточнив при этом, какой статус будет определен их поединку. Два условия он все же оговорил — наличие солидного спонсора и проведение шахматного спора в цивилизованной стране. Как говорится в таких случаях, страны СНГ могут не беспокоиться.

Вторая большая сенсация тогда была зафиксирована в самом матче, где последние партии в сентябре прошли под знаком сильнейшего штурма отнюдь не тихого американца. Фишер в пяти партиях сумел добиться четырех побед и повел в счете. Одиннадцатая партия также закончилась его выигрышем. Если бы соперники соревновались в квадрате ринга, рефери со спокойной совестью мог остановить поединок ввиду явного преимущества американца. Фишер первым взял верх в 5 поединках, после чего по регламенту матч переехал в Белград.

Первая же после перерыва партия, вопреки ожиданиям, закончилась победой Спасского, который, несмотря на трехочковый дефицит, не думал складывать оружие. Две следующие партии закончились вничью, а в 16-й и 17-й все стало на свои места — Фишер победил и увеличил разрыв в счете — 7:3. Окончательный же результат 10:5 в пользу американца.

Оба участника не подтвердили мнения Каспарова, назвавшего их шахматными пенсионерами. По отзывам специалистов, уровень игры был достаточно высок, что заставляет вновь задуматься над вопросом: какое место занимает американец в мировой таблице о рангах. По словам английского гроссмейстера Реймонда Кина, видного деятеля международного шахматного движения, нынешний рейтинг чемпиона мира-72 по коэффициенту ЭЛО составляет 2600—2650 пунктов, что отводит его на 10—40-е места. Однако опубликованный рейтинг-лист ФИДЕ на вторую половину этого года, который с 2790 пунктами возглавляет Каспаров, содержал сенсационную новость. С 1 января будущего года в него вновь будет включен Фишер, чей рейтинг в 1972 году составлял 2780. Так вот, после победы над Спасским он может вновь возглавить список коэффициентов сильнейших шахматистов планеты. Но этого ему мало. У шахматисток аналогичный реестр несколько лет подряд выводит на первое место младшую из сестер Полгар — 22-летнюю Юдит, двукратную олимпийскую чемпионку в командном зачете, обладательницу шахматного «Оскара» за 1988 год. Фишер был готов играть с ней товарищеский матч, подкрепляя свои претензии считаться абсолютным чемпионом.

ВЫБОРЫ В РЕСПУБЛИКЕ ГРУЗИЯ

11 октября 1992 года, несмотря на сложную, неоднозначную обстановку, в Республике Грузия, как и было намечено, состоялись парламентские выборы. Были избраны парламент и председатель парламента. Единственный кандидат на этот пост — Эдуард Шеварднадзе получил 95 процентов от числа избирателей. Выборы были всеобщие, демократические. К участию в них были допущены все партии и блоки, независимо от их политического кредо и направленности. 32 партии и 4 блока являли собой весь сложный политический спектр Грузии.

Выборы проходили в 73 районах страны, но в 7 из них из-за напряженной ситуации были отложены до установления стабильности.

Выборы 11 октября 1992 года состоялись при совершенно необычной активности народа: в избирательных участках с самого утра стояли очереди. Так было в Тбилиси, так было даже в Москве, в Постпредстве Грузии, куда пришли голосовать оказавшиеся там грузины. Среди них — беженцы из Абхазии. В Очамчире, несмотря на сложную обстановку, к избирательным урнам пришло 80 процентов населения. В Сухуми в выборах участвовали не только грузины, армяне, русские, греки, но и часть абхазского населения.

Все это бесспорно свидетельствует о том, что народ Грузии хочет мира, законности и порядка.

Выборы 1992 года — факт большого исторического значения для Грузии. Они утвердили курс страны на строительство цивилизованного демократического государства.

Содержание журнала „Литературная Грузия“ за 1992 год

Проза

- БИБИЛУРИ Т. Для семи голосов и жаворонка. IV—V, 15, VI, 63, VII, 59.
ГЕГЕШИДЗЕ Г. Рассказы. II—III, 3.
ДЖАПАРИДЗЕ Р. Рассказы. VI, 3.
ДЖАВАХИШВИЛИ М. Рассказы. I, 90.
ДОЛИДЗЕ М. Рассказы. XI—XII, 7.
ЗУРАБИШВИЛИ Д. Сказка. VI, 106.
ИОСЕЛИАНИ Д. Санитарный поезд. VII, 4, VIII, 5.
КАПАНАДЗЕ Г. Пояс. Рассказ. VII, 138.
МЕЙПАРИАНИ С. «Букет туманов». XI—XII, 71.
МИМИНОШВИЛИ Р. Был тем, кем не был я. IX—X, 139.
НИНИДЗЕ М. Жизнь, сад и Райнер. VIII, 143.
НИЖАРАДЗЕ К. Рассказы. XI—XII, 37.
РОБАКИДЗЕ Г. Меги. Грузинская девушка. IX—X, 5.
СИХАРУЛИДЗЕ В. Рассказы. VI, 129.
ЧАЧАНИДЗЕ Р. Кровавый дождь на Ниле. I, 3. II—III, 92.
ЧЕИШВИЛИ Р. Рассказы. II—III, 44.
ХАРАИДЗЕ Г. Сказка. VI, 106.
ХАЦКЕВИЧ В. Рассказы. XI—XII, 57.
ЭБАНОИДЗЕ А. Рассказы. IV—V, 177.

Поэзия

- БЕЛОУСОВА О. Стихи. XI—XII, 85.

- ГОНАШВИЛИ М. Стихи. VII, 137.
ДАНЭЛИА Б. Стихи. VI, 126.
ДОДОНОВ Ю. Стихи. II—III, 268.
КАЛАНДАДЗЕ А. Стихи. IX—X, 3.
КАХИДЗЕ М. Стихи. XI—XII, 35.
КВИТАИШВИЛИ Э. II—III, 36.
КОРИНТЭЛИ К. VI, 121.
ОНАНЫ Г. IV—V, 174.
САМАДАШВИЛИ Н. II—III, 91.
САНИШВИЛИ В. II—III, 39.
СЕЙДИШВИЛИ Л. I, 156.
СТОЙКОВ Г. IX—X, 137.
СТРУЧКОВА-ЧАХЕЛИДЗЕ Л. VI, 193.
ТАБИДЗЕ Г. IV—V, 3.
ЧАРКВИАНИ Г. IV—V, 215.
ЧАРКВИАНИ Д. VIII, 3.

Из классического наследия

- АРЧИЛ II. Стихи. VI, 61.
ТЕЙМУРАЗ I. Стихи. I, 86.
ЧАВЧАВАДЗЕ И. Стихи. VII, 3.

Критика и литературоведение

- АРВЕЛАДЗЕ С. Галактион и Тициан. IV—V, 319.
АХВЕРДЯН Р. «Хороших ребят здесь много...» II—III, 372. «Мы — братья по Адаму». XI—XII, 97.
БААЗОВ Н. Подражание Гейне. VIII, 173.
БАРНОВ Г. Художественное слово и современная литературная критика. IV—V, 342.
БЕНАШВИЛИ Г. XI—XII, 90.
БАХЧИНЯН Ф. Исповедь поэта. XI—XII, 106.

- КАНКАВА Г. Поэзия красок. VIII, 150.
- КАШИА Д. Приглашение в Чон Таш. VI, 204.
- НИКОЛЕИШВИЛИ А. Валериан Гаприндашвили. IV—V, 327.
- НИШНИАНИДЗЕ Ш. Несколько слов о книге и дне сегодняшнем, VIII, 183.
- ТУХАРЕЛИ Д. О переводах Н. Бараташвили. VII, 156.
- ФАЛИЛЕЕВА А. Под знаком солнца. IX—X, 197.
- ХИНТИБИДЗЕ А. В маске и без нее. VI, 208.
- ХИХАДЗЕ Л. Тайна Моцарта. II—III, 385.
- ШАРАБИДЗЕ Т. Раскавание Апшины. VI, 213.
- ЭБАНОИДЗЕ Н. «Простой души чарующие звуки», VIII, 178.

Трибуна писателя

- ДЖАПАРИДЗЕ Р. Храни нас, Боже, от таких «охранителей!» VI, 194.

Из архива писателя

- ЦЫБУЛЕВСКИЙ А. Из записных книжек. IV—V, 218.

Вопросы философии

- ГОГУАДЗЕ В. Антихрист. VII, 167.

Контакты

- КАРБЕЛАШВИЛИ А. Грузины в Бельгии. I, 218.
- ЭЛИЗБАРАШВИЛИ Н. Немецкие художники в Грузии (XIX — начало XX вв.). VIII, 204.
- АДЖИАШВИЛИ Д. Пробудись, лира. II—III, 270, IV—V, 260.

Публицистика

- ЦИСКАРИШВИЛИ Э. Выстоять бы тебе, моя Грузия! IV—V, 305.

- ШЕВАРДНАДЗЕ Э. Верю — Грузия возродится! IV—V, 301.

Наша трибуна

- ГИГАШВИЛИ В. Восхождение муты. I, 158.
- ГИГИНЕЙШВИЛИ М. Не будем отгораживаться. I, 175.
- ДЖАПАРИДЗЕ Р. Выбор за нами. II—III, 307.
- КОРИНТЭЛИ К. Политика диктатуры. I, 187.
- КУТАТЕЛАДЗЕ Б. Мы устыдились смерти на Руставели. II—III, 317.
- МИМИНОШВИЛИ Р. Удел Богоматери. I, 180.

Страницы истории

- АРДАШЕЛИА Ц. «Солнце мне мать...» IV—V, 405.
- ДЮГЕ Р. Москва и страстотерпство Грузии. VII, 196, IX—X, 202. XI—XII, 193.
- ЛОМОУРИ Н. Коварная идея. IX—X, 195.
- НАТРОШВИЛИ Т. «Я назвал ее Ромиберой». VII, 182.
- ТУСКИА Б. К вопросу этногенеза осетин и их переселения в пределы Грузии. IV—V, 395.

Документы, письма, воспоминания

- КАЛАНДАДЗЕ Л. Мой Ираклий... Нет, наш Ираклий! IV—V, 417.
- КАНДЕЛАКИ Н. В те далекие годы... XI—XII, 165.
- КУНЦЕВ Г. Жил-был Параджанов. IV—V, 420.
- КУТАТЕЛАДЗЕ Н. Великий мастер праздника. II—III, 422.
- ЛОРДКИПАНИДЗЕ Г. Письмо-заметка председателя конституционной комиссии VII съезда Советов СССР И. В. Сталину. II—III, 393.
- ТВАРАДЗЕ Р. Отца Пачкориа и его друзья. VIII, 215.

Литературное наследие

РОБАКИДЗЕ Г. Демон и миф. XI—XII, 124. Чувство жизни на Востоке и на Западе. XI—XII, 143.

Поэт о поэте

ДЖАВАХАДЗЕ В. К 100-летию Г. Табидзе. II—III, 334.

Диалог

КАРЧХАДЗЕ Д., ЧХЕИДЗЕ Р. Война с самим собой. I, 198.

Рецензии

АРЧВАДЗЕ Л. Жизнь взаимы. IV—V, 360.

БРЕГАДЗЕ Л. Почему пахнут деньги в приморском городе? IV—V, 375.

ХАРШИЛАДЗЕ Г. Ключ к человеческой душе. IV—V, 366.

Из истории грузинской философской мысли

АХВЕРДЯН Р. Философы-грузины — последователи Монтескье. IV—V, 382.

Политика

Выступление Председателя Государственного совета Республики Грузия Э. Шеварднадзе на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. IX—X, 182.

Манифест Госсовета Республики Грузия. VIII, 195.

О событиях в Абхазской Автономной Республике. VIII, 199.

Полемика

МЕТРЕВЕЛИ Р. ШОШИАШВИЛИ Н. Очередной наскок на историю Грузии. XI—XII, 112.

Спорт

ЕРЕМЯН А. Догоняющий себя. VII, 219. Два откровенных диалог с Майей Чибурданидзе. IV—V, 436. Возвращение Фишера. XI—XII, 213.

Некролог

Абашидзе И. I, 233.

Донжашвили Т. II—III, 446.

Тархнишвили Н. II—III, 444.

Хроника

II—III, 421; IV—V, 359, 365; IX—X, 224; XI—XII, 110, 221.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Рован АСАЕВ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГА-
ГУА, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Лия
СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ, Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор К. Котомия

Корректор Е. Сопромадзе

Сданов в набор 5.11.92 г. Подписано к печати 9.02.93 г.
Формат бумаги 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Печать
высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Ти-
раж 800. Заказ 1962. Цена 4 р.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

**При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в
типографию Издательства «Самшобло», по вопросам подписки и
доставки журнала — в «Союзпечать».**

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 5.

**Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, ответственный секретарь
— 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43, 93-65-19,
93-13-57.**

Типография Издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава, 14.

4 руб.

64/95

ИНДЕКС 76117

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

„ლიტერატურაია გრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

—*—*—*—

«Литературная Грузия» 1992, № 11—12, 1—224.